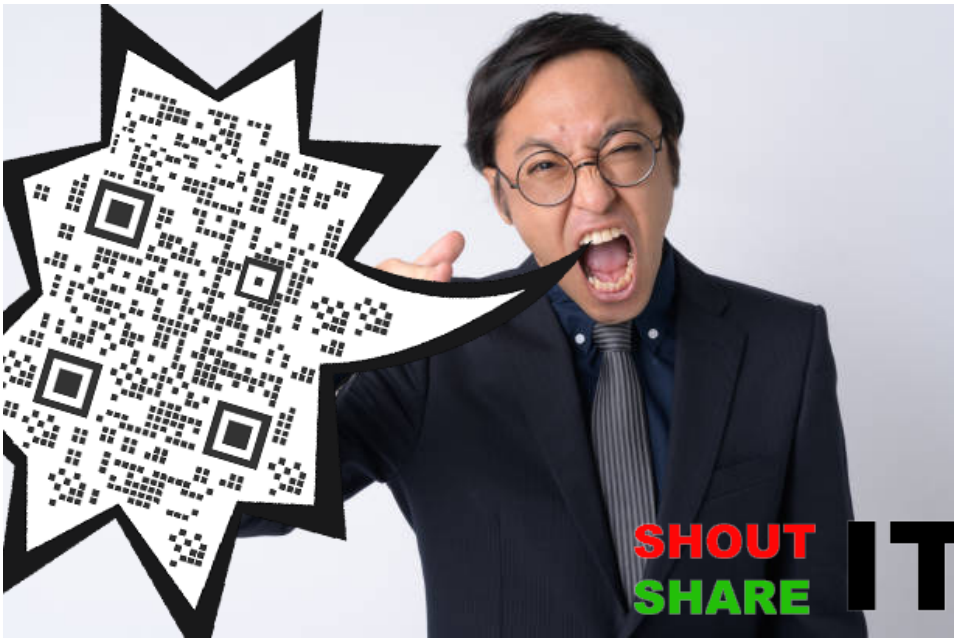
И. ИСАНОВ

КАСПИЙ, 1920 ГОД


SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Иван Степанович Исаков (1894-1967), адмирал флота Советского Союза, Герой Советского Союза и член-корреспондент Академии наук СССР, с конца пятидесятых годов стал публиковать в журналах «Новый мир», «Москва», «Наш современник» и «Нева» рассказы о флоте. Участник четырех войн и один из самых выдающихся моряков современности пришел на склоне лет к литературному творчеству, побуждаемый желанием передать молодым соотечественникам любовь к морю и мореплаванию. Его рассказы выходили отдельными сборниками в различных издательствах; в 1966 году «Советский писатель» издал его книгу рассказов «Неистребимый майор». Литературное наследие И.С. Исакова велико и разнообразно. Оно содержит и крупные военно-научные труды, и публицистику, и прозу. «Каспий, 1920 год» — книга, возникшая из дневниковых записей командира эсминца «Деятельный», которые вел автор во время завершающей кампании гражданской войны на Каспии против английских интервентов и белогвардейцев, при жизни Исакова публиковалась лишь частично. Подготовленная к публикации комиссией СП СССР по литературному наследию писателя И.С. Исакова, книга была в журнальном варианте напечатана в 1970 году «Новым миром», а сейчас предлагается читателю по авторскому оригиналу. И. Исаков стремился сочетать в своем произведении и непосредственность свидетельств и наблюдений участника и очевидца значительных событий прошлого, и объективность историка, и остроту взгляда художника, метко и лаконично изображающего черты своих современников

•

Исаков И.С.
Каспий, 1920

Советский писатель, 1973.

Москва

От автора

Выписки, предлагаемые читателю, сделаны из тетради, служившей в качестве своеобразного дневника командира одного из миноносцев Волжско-Каспийской флотилии. Записи велись не регулярно, по мере того, как удавалось для этого выкраивать время.

Все факты и события, так же как и фамилии, являются реальными и вполне достоверными, так как в тот период автор не задавался другой целью, кроме желания сохранить для себя важнейшие события, свидетелем которых он был в исключительно напряженный этап истории нашей социалистической родины.

Естественно, что поле зрения командира одного из миноносцев флотилии было неизбежно ограничено не только в связи со скромной должностью, но и возрастом, и недостаточной политической подготовкой. Это обстоятельство снижает значение данной публикации записок, сделанных много лет назад, и вынуждает сейчас кое-что пояснять в сносках или в тексте. Кроме того, надо полагать, читатель не будет в претензии на то, что местами пришлось подправить стиль и грубоватую манеру письма молодого командира, тем более что при этой правке не внесено никаких изменений в существо излагаемых фактов.

Февраль. Астрахань.

Миноносец стоит в плавучем доке общества Нобель. Все помыслы и усилия команды направлены на то, чтобы скорее отремонтировать корабль и ввести его в строй.

Торопит комфлот. Торопит штаб. Но более всего торопят сами матросы. Большинство из них, не только машинисты и кочегары, но и боцманская команда и комендоры, участвует в работах.

Мастера из старожилов, посматривая на весеннее небо и на подвижку темнеющих, рыхлых льдин, уверяют, что весна ранняя и скоро 12-футовый рейд очистится от льда.

Это всех волнует, так как осеннее состязание в минных постановках с белыми и англичанами хотя и кончилось в нашу пользу {1}, все же происходило в советских водах. Даже на выходном фарватере.

Не надо быть морским стратегом, чтобы понимать, что если мы прохлопаем, то белые могут нас закупорить (заблокировать) минами, не выпустив в море. У них климатическое преимущество: временами все протоки Волги забиты дрейфующим с верховьев льдом, в то время как враг плавает на чистой воде. Больше того, в

Баку уже ходят в весенних костюмах.

Ближайший фронт где-то за Лаганью. Какой-то расплывчатый и неясный. У меня даже нет армейской карты. Что это - сознательная конспирация или плохая организация штабной службы? Не знаю. Зато, как всегда в таких случаях, много слухов.

…февраля.

Стараюсь не показывать виду, но волнуюсь больше всех.

Сегодня, после жарких прений в заводском комитете, получили два уведомления: шпилевая машинка отремонтирована не будет; рубашки цилиндров, размороженных в начале зимы, негде заварить, негде и выточить новые.

Вот спасибо! Это значит, что якоря придется выхаживать вымбовками, «хлебным паром»!

Ввиду отсутствия запасных гребных винтов (где-то как будто были, но найти портовикам не удалось) кромки старых обрублены и опилены.

Тоже спасибо! Корабль, очевидно, потеряет от одного до двух узлов. Это еще полбеды. Но инженер завода осторожно предупреждает, что на каких-то критических оборотах потерянная балансировка винтов «может вызвать вибрацию кормы».

Особенно опасается за правый гребной вал, который может «начать бить» при определенном числе оборотов.

Все это благодаря некоторому опыту мне хорошо известно, хоть я и не техник. Но заранее определить (без испытаний) эти критические обороты не может даже инженер завода. Значит, я впервые узнаю, как и когда будет трясти миноносец, только после выхода в море, на свободную воду.

Но будут ли так любезны просвещенные мореплаватели и их «белые негры» из бывшего российского императорского флота, чтобы дать нам возможность испытать корабль до первых боев?

Тьфу ты черт! Если не сказать сильнее!

Досада не становится легче оттого, что и шпиль и винты повредили до моего прихода и я получил их, так сказать, по наследству.

Март (первые числа).

Что душой и разумом всей обороны является Сергей Миронович Киров - это понимают и знают абсолютно все. Как в Астрахани, так и в стане врагов.

Исторические слова Кирова о том, что, «пока в Астраханском крае есть хоть один коммунист, устье реки Волги было, есть и будет советским!», также известны всем, кому следует.

Что до меня, то они всегда, когда слышу, звучат вроде укора,

так как я не состою в партии.

Даже не могу упомнить всех его должностей. Был председателем Военного ревкома края, а на днях в штабе видел документ, подписанный Кировым как членом Военного совета XI армии, и другой - в качестве члена Северо-Кавказского ревкома.

Но, в отличие от зимних настроений и дел, сейчас, в марте (хотя ничего пока официально и не известно), чувствуется новое биение пульса, но не обороны, а готовящегося наступления.

* * *

Как- то быстрее заметались ординарцы, более озабоченный вид у штабных олимпийцев, новые тона у официальных докладчиков и лекторов, напористее работают нобелевцы, меньше дисциплинарных проступков у матросов, тверже ставят ногу марширующие армейцы, да и, наконец, как-то просветлели лица даже у гражданских жителей. А между тем скудный паек не увеличен, обмундирование давно не обновлялось, с топливом очень плохо… никаких материальных благ не прибавилось… и не видно.

Не могло же только обильное весеннее солнце изменить весь тонус жизни в устье реки Волги?!

Конечно, оно помогло настроению, но подлинная причина, пока скрытая, очевидно, в предчувствии какого-то перелома всей обстановки, причем перелома радостного. При этом все помыслы, догадки и предположения неизменно связывались с обликом и именем Кирова. Вернее - Мироныча, как любовно зовут его рабочие.

Только тот, кто прожил эту зиму в Астрахани, знает, как в матросском котле плавают редкие листы мороженой капусты и головки воблы (суп иронически называется «карие глазки»). Ощущение голода стало настолько привычным, повседневным {2}, что случайно выменянный кусок розовой и тягучей верблюжатины или подозрительно благоухающего кутума представляется сказочным богатством, которое радует глаз, но которое отказывается принимать желудок.

Хорошо, что в Кронштадте отучился курить. Даже газет не хватает на самокрутки. Все афиши начисто содраны с тумб. Курильщики - мученики.

* * *

Из политотдела прислали пять или шесть билетов. Комиссар уговорил идти.

Митинг - не помню, по какому поводу, а после спектакль: трагедия Гете «Эгмонт». Суть из истории знал, но пьесу никогда не читал, потому и не мог оценить астраханский вариант. Сидел на балконе. Почти все курят. Духота. Освещение очень скудное. У большинства армейцев между коленями винтовки. Фронт достаточно далеко. Очевидно, это привычка после нескольких казачьих налетов и восстаний.

Когда раздвинулся занавес, то по вычурным костюмам графа, графинь и испанских грандов, выкроенным из пятнистого и цветастого ситца, догадался, что дело не обошлось без Ларисы Рейснер.

Но зрители смотрели и слушали настолько напряженно и темпераментно, что я боялся - как бы не начали стрелять в испанских узурпаторов из трехлинейных винтовок и наганов.

Добрались в док в темноте и на ялике.

* * *

Завтра намечен отход от завода, на городскую сторону.

Штурман Буш спрашивает:

- Заказывать ли буксиры, или пойдем своим ходом?

По лицу не поймешь - ловушка или серьезный вопрос? Когда ответил, что буксиров не надо, по улыбке понял, что он доволен и никакой ловушки, собственно, не было.

* * *

Наконец- то кончится на корабле эта суета и грязь, неизбежная на верфи. Только мало одной внешней чистоты! Придется призвать всех к военным порядкам. За зиму здорово подраспустились. Возможно, так было и на Волге, но для серьезной войны подобная самостийность не годится.

Случай удобный - переход в город, прием запасов, генеральная приборка, подъем вымпела… Если сейчас не использовать обстановку, потом уже будет поздно. Не в бою же с англичанами налаживать службу!

* * *

Ну- с, товарищ командир, скоро вам предстоит двойной экзамен!

Март.

Тяжело мне. И не только потому, что нет рядом ни близких, ни родных, ни друзей.

Моряк на корабле не может чувствовать одиночества, будь он командир или салага.

Старо, как мир, утверждение, что экипаж судна - одна семья. А лучше всех сказал С.О. Макаров: «На корабле - дома».

Но моя беда заключается в том, что я себя не чувствую ни в доме, ни в семье.

Сколько прошло времени, а ко мне все еще «присматриваются».

Команда - хорошо спаянный коллектив, но я знаком с ним только формально. Многие совсем мне неизвестны.

В Кронштадте или Шлиссельбурге я знал всех, и все знали меня. Были настоящие друзья (вместе с которыми воевал с немцами в Рижском заливе в 1917 году и был в Гельсингфорсе во время Октября и Ледового похода). Мне верили. Исполняли приказания и даже оберегали от хулиганящих анархистов с других кораблей.

И все это далось мне очень нелегко.

Зато как много значила для меня дружба с комендором Капрановым, старшиной-машинистом Злыдневым, кочегаром Красыньшем и многими другими.

Два года напряженнейшего труда, многих боев, тяжелой контузии, революционных событий - и молодого мичмана комитет выдвигает в старшие помощники командира через голову более опытных! Не знаю, чего во мне было больше - страха перед ответственностью или гордости за такое доверие?

Холостой (родные в Закавказье, «под меньшевиками»), я не имел квартиры на берегу, и корабль, на котором служил, действительно был моим домом.

И вот итог… теперь все насмарку.

Обидно и тяжело, что через два-три года все надо начинать заново.

* * *

Если не знаю команды, то зато знаю устройство корабля.

В русском флоте существовала давняя традиция - новичку изучать свой корабль. Досконально и с первых дней.

Не гнушались этой полезной традиции и серьезные капитаны

2-го и 1-го ранга.

Хорошо помню, как мичманом, еще на заводе, по приказанию начдива, лазил на брюхе под котлами и машинами строящегося эсминца, зарисовывая в тетрадку схемы трубопроводов и электротехнических систем.

Надев «синее рабочее» {3} и начав с форпика «Деятельного», вот уже какой день извиваюсь ужом, пролезая во все горловины и люки вплоть до румпельного отделения.

Старенький корабль. Постройки 1908 года. Всю мировую войну и гражданскую - отвоевал. Уже два раза проходил капитальный ремонт. По законам технической эксплуатации, в этом году полагался третий, и последний, «капремонт». Но гражданская война имеет свои законы.

Чуть подлатают, и… в бой с белыми и интервентами!

Ждать некогда.

Трюмы запущены и давно не крашены (голод на сурик!).

Много мелких неполадок и неисправностей, к которым привыкают.

Крысы сказочных размеров. Рыжие, облезлые и с голыми хвостами. Никогда таких не видел (возможно, из астраханских амбаров?). Если исходить из их размеров, то таким крысам не на «Деятельном», а на дредноуте плавать!

Приказал ободрать ржавчину под платформами, и если не «добудут» сурика на нобелевской верфи, то смазать хотя бы керосином или машинным маслом.

Выслушали в гробовом молчании, мрачно.

Исполнят или нет - не знаю.

Механику неловко. Изрекает в пространство:

- А действительно, давно не чистили, ребята? Ей-богу, непорядок.

* * *

Корабль знаю, но не знаю еще, как управлять им на ходу, как маневрировать, особенно при наличии речного течения.

А это задача посложнее, чем изучать трюмную систему.

* * *

Присматриваюсь к команде.

По тому, как работают (когда хотят!), как схватывают задачу с полуслова, по лаконичности и уверенности ответов -

исключительно опытные, обстрелянные моряки.

Ни одного «молодого».

Семьдесят пять старых матросов. Сплоченность исключительная. Почти все в партии.

Есть сохранившиеся еще со времен перехода из Кронштадта по Мариинской системе, но тон задает «черноморское» большинство.

Тон - твердый. Самоуверенный. Пожалуй, даже слишком.

Конечно, у них за спиной две революции, Колчак в Севастополе, бои с белыми и чехами, с астраханскими казаками. Но чувствуется, что наиболее сильный отпечаток оставила необходимость потопления своих же кораблей в Новороссийске, а затем - как пробивались эшелонами, группами и в одиночку к Царицыну, через районы враждебных кубанцев, донцов, киргизов и других банд, организованных белогвардейцами, когда за матросами гонялись особо, как за красной дичью.

На корабле есть даже комендор с того эсминца «Керчь», который играл главную роль в трагедии 18 июня, потопил торпедным залпом наш линкор {4} у Дооба и сам затопился под Туапсе, дав историческое радио: «Всем! Всем! Всем!… Предпочел гибель позорной сдаче Германии!»

Фамилия его Гридин. Пользуется большим влиянием.

Командный состав делает свое дело честно и добросовестно, но как-то тихо и незаметно. Работает, руководит… но не командует.

Уставов или инструкций - никаких.

Своеобразная вольница, и все идет почти нормально из-за революционной сознательности и опытности команды. Но достаточно ли этого для боя, если само слово «дисциплина» приводит их в ярость?

Комиссар пропадает больше вне корабля. То в заводском комитете завода, то в политотделе флотилии.

* * *

Пытался анализировать, в чем моя беда.

1. Беспартийность! Если бы был членом РСДРП(б), то меня лучше бы знали и я знал бы все, чем дышит команда. Как понимает обстановку и задачи, которые я узнаю из газет. Учился бы у них той политграмоте, которой не мог меня обучить старый флот.

2. Что никто меня не «представил» команде. Ничего они обо мне не знают, а ярлык «бывший офицер» - сейчас не очень

удобная визитная карточка.

Даже приказа не объявили. Просто в один прекрасный день появился какой-то фрукт в офицерской фуражке и бушлате и сунул командиру предписание о том, что с такого-то числа военмор Исаков назначен командиром, а ему, то есть бывшему командиру, надлежит исполнять обязанности помощника!

3. Команда явно обижена. Почему снизили в должности командира, которого они знают, с которым воевали и которому доверяют, а главное - что он справлялся со своими обязанностями.

4. Наконец, как это ни странно, неприязнь ко мне вызвана частично и тем, что я «балтиец».

У моряков этот нездоровый «патриотизм» был всегда. Думаю, что при царе реакционное начальство его раздувало сознательно, чтобы мешать объединению, чтобы прививать антагонизм и - когда нужно - использовать.

Так или не так, а я для них «чужой».

А после VIII съезда, в марте прошлого года, думал, что все трудности для добросовестных «военспецов» уже прошли.

Помню, как еще до съезда вписал себе в дневник слова Ленина: «Совершенно незачем выкидывать полезных нам специалистов».

Но теперь оказывается, что я не все и не до конца понял.

Середина марта. Еще в доке Нобеля.

Сегодня один анекдот (к сожалению, не очень смешной) кое на что надоумил.

В кают- компании за обедом кто-то, расписывая таланты и остроумие Л. Рейснер, рассказал, что мичман Семченко (которого я хорошо знал до революции, вместе учились), задумав перебежать к врагам, захватил в степи верблюда и погнал его в сторону ближайшего расположения белых отрядов. Хозяин или погонщик отказался сопровождать. Ни деньги, ни наган не имели воздействия.

Семченко решил «штурманить», ориентируясь по звездам, и на корабле пустыни углубился в пустыню.

Убаюканный мерным покачиванием, тишиной и однообразием ландшафта, мичман заснул. Проснулся на рассвете, задержанный нашими красноармейцами почти в «пункте отшествия».

Оказывается, верблюд в середине ночи повернул на 180 градусов и пошел обратно, домой. Штурманская часть подвела.

Семченко закончил сухопутное плавание и жизненный путь.

Так вот, будто по этому поводу Лариса сказала: «Верблюд оказался более честным, чем бывший офицер!

Посмеялись.

А потом, в каюте, я думал: почему мне должны верить больше, чем Семченко? Что я не из дворян? Что участник Ледового похода и боев с англичанами на Балтике? Этого мало. Это не гарантия политической лояльности на всю жизнь. И еще, - значит, я расплачиваюсь не только за себя, но и за семченков. А сколько их? И где они маскируются?

Получается, бывшее офицерство - вроде каиновой печати.

Но не может это мне помешать идти до конца по тому пути, который я окончательно выбрал в 1917 году, то есть по пути с народом.

Март (в доке Нобеля).

Не тянет в город, хотя я в Астрахани впервые.

Не только потому, что надо изучать корабль, готовиться к выходу из дока и к началу кампании.

Я не видел ни одного более мрачного города.

При моем любопытстве ко всему новому - смотреть не хочется; причем главная причина не в выломанных проемах, заколоченных досками окнах или в выщербинах стен - от снарядов и сыпи пулеметных очередей. Более мрачное впечатление производят целиком выжженные кварталы. Огонь пожарищ, очевидно, постарался здесь больше, чем артиллерийский или ружейный огонь.

Сколько страданий должны были перенести защитники города и его жители! Кто расскажет об этом? Редкие прохожие. Даже собак не видно. Кладбище внутри города {5}.

А если прибавить лужи, грязь, мусор и пыль, щедро разносимые ветром, то становится понятным, почему город так пустынен (кроме толкучек на базаре, вокзале, пристанях) и почему самому неохота лишний раз пройтись по этим страшноватым, вернее - печальным улицам.

Говорят, ночью на окраинах подстреливают советских деятелей и командиров, которых независимо от должности называют «комиссарами».

Сколько лет Романовы извращали сознание казаков, и они до сих пор упорно идут против народа. Если верить разговорам, то монахи и монашки - главная опора этих бандитов, орудующих в городе.

Спасибо случаю

Окруженный нашими, стоит на палубе низенький паренек в облезлой кожаной куртке и что-то с жаром рассказывает.

Когда повернулся, вижу - Князев!

- Здорово, Князев!

- Здорово, товарищ мичман! А я как раз до вас собирался

заглянуть после своего кореша, которого пришел проведать, да вот ребята все нашими отрядами интересуются.

- Какие такие отряды?

- Как какие? Конечно, кожановские! - При этом маленький Князев приосанился, чтобы показаться более высоким, солидным, а может, и грозным.

Час или полтора мы с ним болтали без умолку у меня в каюте, вспоминая эту самую Балтику.

Хорошо помню, как завязалась наша дружба на бывшем артиллерийском транспорте «Рига» (позже переименованном в «Трансбалт»).

Несмотря на молодость, был я назначен старшим помощником только потому, что капитан И. Буданов знал меня с 1917 года по Ревелю, а остальным бывшим офицерам флота он, как торговый моряк, не доверял. Готовились к срочному рейсу в Гамбург «под Красным Крестом» - за ранеными русскими военнопленными.

Живой, веселый, но очень «работящий» - Князев (машинный электрик) мне сразу понравился, и у нас установились хорошие, деловые отношения.

Как- то вечером, возвращаясь через Николаевский мост на корабль, стоявший у набережной Васильевского острова, я внезапно был остановлен Князевым, который, как оказалось, скрытно дежурил, специально чтобы перехватить меня.

- На корабле засада Чека! «Ваших» арестовывают. Надо спрятаться и переждать. А команда в обиду не даст. Мы сами пойдем и заявим, что вы за советскую власть.

Независимо от наивности плана, я поблагодарил, но спрятаться категорически отказался.

- Конечно, заявление команды мне поможет. Но скрываться не буду, так как ни в чем не считаю себя виновным. Авось разберутся. Пошли!

Но он постепенно отстал.

Еще на нижней площадке трапа я понял, что за мной защелкнулся один замок. На верхней - второй. Видел, как скучный Князев стоит на другой стороне набережной и наблюдает - чем все это кончится. Третий замок, в виде двух матросов с маузерами, закрылся в двери салона, куда были собраны все офицеры, отделенные от администрации Красного Креста.

Кончилось все относительно благополучно.

Мне объявили, что я арестован, но… «с исполнением служебных обязанностей». Не знаю, делалось ли «заявление» от команды и помогло ли оно, но через неделю чекисты, с которыми мы подружились и «забивали козла», ушли, даже не оформив

моего освобождения.

Поход отменили. Большинство офицеров было уволено. Команду сократили. Транспорт как будто вымер {6}.

Я «нанялся» на сторожевой корабль «Кобчик», а Князев подался на Волгу и там вступил в один из первых отрядов И. Кожанова. Но это я узнал только сейчас, так как с уходом на «Кобчик» потерял Князева из виду.

* * *

Не успел сойти с миноносца Князев, как я заметил некоторое изменение в отношении к себе.

Мелочи, но явно подчеркивающие, что меня теперь лучше знают. Оценивают немного иначе.

Очевидно, кожановец «из балтийцев» успел в кубрике наговорить обо мне и, наверное, приукрасил, выдумав подвиги, которых за мной не числится.

Своеобразный «живой мостик» от Балтики до Каспия. Он заменил плохую работу штабов с личным составом, да и политотдела, опиравшихся на анкеты и послужные списки.

* * *

Обычно мою каюту убирал салажонок - старожил миноносца. Но у него было свое понимание чистоты. Поэтому, забравшись в каюту и выдрав лист из моей тетради, он садился старательно рисовать кораблики, высунув кончик языка, пока не слышал мои шаги на трапе.

Помахав веником и шваброй, смывался. После этого приходилось убирать самому хозяину каюты.

Сегодня, совершенно неожиданно, я застал за классической уборкой комендора от носовой пушки.

- А вы, товарищ командир, ему зря ухи не оборвете! Посмотрите только, какую по углам грязь развел!

Я был рад и благодарен за приборку, но главное для меня было то, что я впервые услышал обращение - «товарищ».

Спасибо случаю. Но мне ясно, что рассчитывать я должен не на очередного Князева, свалившегося с неба, а на самого себя.

Март. «Военный совет».

Были на совещании у комфлота. Ждали т. Кирова - не смог приехать. А может, его и нет в Астрахани?

Объявлен состав боевого ядра для активных операций -

дивизиона эскадренных миноносцев.

Флагман - «Карл Либкнехт», самый сильный из нас, так как имеет «сотки» {7}. Мы давно с завистью следим, как все лучшее перепадает ему (по штурманской, шхиперокой и прочим частям). Командир - А.А. Синицын. Из студентов. Знаю его еще по Ревелю 1917 года, но из-за его манеры снисходительно поучать всех и вся никогда в дружбе не был.

Второй в строю - «Деятельный».

Третий - «Расторопный», наш «систер-шип» {8}. Командует им мой друг В.П. Калачев - скромный, но знающий и хороший, честный офицер. Этот не подведет.

Четвертый - «Дельный». Там с командиром что-то неладно. Фамилия - Лей. Уверяет, что офицер германского флота «участник Кильского восстания». Это открыло ему все двери.

Нам, командирам, совершенно ясно, что он моряк, но дальше унтер-офицера дослужиться не мог. Очевидно, из пленных. Незнание маскирует наглостью и высокомерием. «Играет» под немецкого офицера, но с самой худшей стороны. Только монокля не хватает. Боюсь, что авантюрист.

Вот и вся наша активная сила, так как остальные миноносцы зазимовали на Волге или не готовы с ремонтом.

Наш надчив - С.А. Чириков, тихо и спокойно, но последовательно готовит дивизион к кампании. Старик симпатичный и надежный.

Большое соединение из плавучих барж, канлодок, минзагов, тральщиков и сторожевиков сформировано в «Оборону 12-футового рейда» во главе с вооруженным ледоколом «Каспий», который в иных документах именуется крейсером.

Во главе обороны другой мой приятель - Н.Ю. Озаровский {9}. Самый скромный и самый храбрый.

Задача флотилии, включенной в состав Юго-Восточного фронта, понята мною так:

1. Как только позволит лед - произвести развертывание «Обороны 12-футового рейда» (мины, плавбатареи, канлодки) для обеспечения развертывания остальных сил.

2. Там же развернуть плавучий тыл для активных сил.

3. Канлодкам и транспортам с десантными отрядами Кожанова поддержать фланг XI армии от Лагани - в направлении к устью Терека.

4. Дивизиону миноносцев - провести активные операции против передовой базы англо-белых на острове Чечень, против форта Александровского или против Петровска {10}. Очередность - в зависимости от обстановки.

5. Часть сил обороны должна обеспечить доставку караванов

с нефтью из Гурьева.

6. Установить контакт с Туркестанским фронтом - через Красноводск.

В дальнейшем все должно зависеть от темпа наступления XI армии и успеха революционных сил в Дагестане и Азербайджане.

Перед вторым этапом намечалось перенести базирование боевого ядра и гидроавиации - на Аграханский залив и остров Чечень после того, как оттуда будет изгнан противник.

Однако возможность выполнения и первого и второго этапа полностью зависит от того, кто первый успеет захватить 12-футовый рейд.

Разведка показала, что белые уже зашевелились и начали выходы от острова Чечень, так как там никакого льда не было.

Соблазн закупорить нас в протоках Волги и не дать развернуться, очевидно, велик, и значение такой операции для всей кампании слишком очевидно и для них и для нас.

Самое мрачное впечатление осталось у всех от доклада начтыла о необходимости беречь топливо. В частности, уголь для миноносцев.

Получалось так, что уголь мы «заимеем» в Петровске или в Баку. Но как дойти до них с боем, но без топлива? Никто не объяснил. Новое в военно-морском искусстве!

Хорошо, что я не летчик. Столярский {11} выступал. Летают на какой-то адской смеси. Острил: раньше ее хоть пить можно было («авиаконьяк»), теперь даже человек не выдерживает. А мотор нежнее человека.

Впервые слушал доклад нового начштаба Кукеля {12}.

Вот будет задаваться Гридин! Ведь это его командир на знаменитом эсминце «Керчь».

* * *

Забавно. Никогда не видел такую разношерстность командного состава, как сегодня в штабе.

На Балтике больше процент бывших офицеров, у которых в чемоданах питерских квартир сохранились кителя и тужурки прежних времен.

Здесь же, после Волги, все поизносились. Больше командиров, выдвинутых революцией. Поэтому общее впечатление - что твой маскарад.

Бывший офицер Генмора {13} Б.И.С., несмотря на потертые локти и нечищенные полуботинки, ухитрился сохранить крахмальный воротничок с лиселями {14}, привлекая всеобщее

внимание и вызывая недоумение.

Затем - вывернутые и залатанные кителя, тужурки, бушлаты, кожанки, летные куртки и унты… и даже один лихой матрос с георгиевской ленточкой, в огромных галифе с кожаным задом, со шпорами и обязательным маузером.

Все это бросается в глаза потому, что команда в общем одета однообразно и по форме.

Род оружия по некоторым деталям костюма разобрать еще можно. Флажков {15} - по молодости и выражению лица. Но вот, что касается чина или звания, то так как знаков никаких нет, надо догадываться: по бороде, усам, седине, осанке и другим косвенным признакам.

Мне особенно трудно. Я лично знаю буквально пять-шесть человек.

Конечно, офицерский маскарад, очевидно, временный, и утешает то, что комфлот мало отличается по виду от своих флагманов и командиров. Разве что почище других.

В заключение комфлот Раскольников произнес пламенную речь. Что-что, а говорить (вернее, выступать) умеет. Очевидно, школа Кронштадта 1917 года не прошла даром.

* * *

Сволочи - англичане. Как всегда.

Это они организовали арест, увоз и расстрел бакинских комиссаров во главе со Степаном Шаумяном.

Это они организовали угон и вооружение нефтеналивных судов и создание белого флота на Каспии. Организовали бандитов полковника Бичерахова, имама Гацинского и десятки других контрреволюционных отрядов, полков и даже дивизий - мусаватистов, дашнаков и т.д. и т.п. Организовали ограбление всего Закавказья.

В общем, отличные «организаторы».

Для белых определения не найду. Бумага может не вытерпеть.

Но злость и досада берет, как подумаешь, что мы экономим керосин на коптилки, заставляем наших летчиков летать на аптекарской микстуре, кораблям мазут отмеривается через мензурку (да еще и упрекают в расточительности); за нами - громадная страна без горючего (говорят, знаменитые Рыбинские баки и цистерны - пустые).

А они?

Купаются в бензине всех сортов. Нефтью - хоть залейся,

торгуют через Батум со всем миром, а смазочные масла - хоть за борт лей, высшего качества!

Какая- то нелепость! В голове не укладывается.

Недаром на одном митинге я слышал страстный лозунг: «Даешь мазут!»

Приходилось воевать под «Даешь Нарву!», «Даешь Юденича!», читал про «Даешь Варшаву!», «Даешь Крым!» и т.д. А здесь: «Даешь мазут!»

Ну что ж! Пожалуй, здесь это главное.

Даешь мазут!

Слава и честь рабочим завода Нобеля! {16}

Они свое дело сделали хорошо (для тех возможностей, которыми располагали), причем будучи полуголодными и ничего не ожидая к концу работ.

Они ожидают! Но не хлеба и масла. Это придет само собой, если враги будут разбиты.

Значит, теперь все зависит от нас, от морячков. Вернее, от флотилии и XI армии, причем, не только для Астрахани, но и для всей РСФСР.

Сумеем ли мы быть такими же, как нобелевские рабочие?…

17 марта. Астрахань (городская сторона).

Лед тронулся. Не на реке, где его в пределах города не видно, а в моих отношениях с командой.

Буду помнить всю жизнь. Как артист - свой дебют.

Со стороны - пустяк. А для меня дело осложнялось тем, что на «Изяславе» желторотого мичмана к управлению кораблем не подпускали на версту. На «Кобчике», которым самостоятельно управлял впервые, сила машин была всего-навсего 1150 HP (при водоизмещении около 350 тонн), а на «Деятельном» 6000 HP (при почти тех же 380 тоннах - это же не корабль, а зверь!).

У сторожевика отношение ширины к длине - 1:7, а у миноносца - 1:10.

Я не только не управлял таким кораблем, но и никогда не плавал на нем или ему подобном.

А тут на тебя испытующе смотрят со всех сторон. И свои, и чужие. Да еще знатоки - марсафлоты!

Дебют - так дебют!

Действительно, надо быть немного артистом: ведь если бы товарищи видели на моей физиономии все страхи и сомнения, терзавшие душу перед отходом от дока, то, наверное, попрыгали бы за борт.

Но надо записать все по порядку!

Управление кораблем - искусство.

Оно опирается на ряд математических дисциплин, на

которых в свою очередь зиждется наука - теория корабля (изучающая остойчивость, ходкость, поворотливость и т.д. и т.п.).

Многому можно научиться на макетах и моделях, взять кое-что из книг «морской практики» и запомнить, наблюдая и анализируя маневры других командиров. Писаной методики обучения управлению кораблем не существует. Очень много дают тренировка и осмысленно накопленный опыт.

И несмотря на все это, есть люди, способные искусно и лихо управлять благодаря хорошему глазомеру, «чувству корабля» и знанию его инерции, циркуляции и других «повадок» в различных условиях (ветра, течения, осадки и т.д.). А есть и неспособные.

Я знал виртуозов, которые на больших судах без буксира и не используя якорь разворачивались в тесных гаванях легко и красиво {17}.

И в то же время приходилось видеть своими собственными глазами, как очень образованный и во всех отношениях достойный капитан 2-го ранга старого флота в простейших условиях на двухвинтовом корабле никак не мог подойти к стенке. Многократными сигналами телеграфа он совершенно измотал машинную команду, и высунувшийся до пояса из люка старший машинист, красный и мокрый от утомления, погрозил кулаком на мостик. После чего командир махнул безнадежно рукой и, отойдя на крыло мостика, предоставил выполнение маневра помощнику, который через три-четыре минуты поставил корабль на место.

Конечно, это крайний случай. Такие встречаются редко. Но бывают.

Я думаю, что нет на свете командира, который без скрытого волнения, особенно на новом корабле или в новых условиях, приступал бы к маневрированию. Как артист, выходящий на сцену в новой роли.

Чем лучше освоен корабль, тем больше уверенности и приятнее это волнение.

Если же корабль новый, неизвестный или новые, необычные условия навигационной обстановки (течение, ветер, дрейф, теснота, освещенность, осадка, дифферент и много других факторов), то напряжение поднимается до высокого градуса.

Аналогия с выходом на сцену не случайна и особенно выразительна тогда, когда на стенке или на соседних судах стоят строгие критики и фиксируют каждое движение.

Это все равно что начинающему певцу знать, что в партере сидит Шаляпин, Карузо или еще какая-нибудь звезда первой величины.

Но во всех подобных случаях главное слово и оценка важны

не со стороны наблюдающих сбоку и даже не от начальства, а от своей собственной команды!

* * *

Проверил себя.

Не боюсь ли?… Нет, конечно. Но напряжен и волнуюсь. И причина ясна. Не будь этой отчужденности от команды, настороженного и критического отношения ко мне - все было бы просто.

Удалось бы или не удалось первое маневрирование кораблем и швартовка - это не повлияло бы на дружеские отношения. Была бы досада, но не больше.

А сейчас - еще один довод против нового, «чужого» командира, если он плохо управляет кораблем.

Кроме того, у них есть свое, коллективное самолюбие. Так сказать, ревность к славе своего корабля. Они хотят, чтобы «Деятельный» был лучше других в дивизионе. Каждый настоящий моряк любит свой корабль.

* * *

Все сомнения разом отпали, как только подумал о Снежинском {18}.

Ведь он моложе, не имеет опыта наблюдения за такими виртуозами, как Максимов, Дело, Шишко или Севастьянов {19}; он не имел опыта командования «Кобчиком»… и все же управлялся с «Деятельным» (и, говорят, неплохо). Так почему же мне приходится смущаться?

Должен управиться… и никаких!

* * *

Сижу в каюте, напряженно прислушиваясь.

Кораблик маленький, все слышно: и авральную дудку боцмана, и как осторожно провернули винты, как опробовали телеграф.

Не выхожу, чтобы не мешать другим и показать, что не сомневаюсь, что и без меня все будет сделано как надо.

Прием? Да, прием. Воспитательный и неплохой. Больше всего не терплю суетящихся и орущих командиров, независимо от

должности.

Наконец в медном раструбе над головой раздается:

- Корабль к съемке со швартов подготовлен!

- Есть!

В первый момент было побуждение выйти на мостик с этаким «равнодушным», безразличным видом… мол, «это нам раз плюнуть!». Но сейчас же устыдился.

Кого я хочу обмануть?

Ведь все семьдесят пять человек - старые, опытные моряки, видели не одного капитана, были в разных переделках. Разве их обманешь внешним видом, игрой? Нет! К черту! Буду самим собой… как есть… В общем, «полюбите нас черненькими…».

* * *

Опробовал телеграф.

Приказал переложить штурвал с борта на борт, а сам украдкой смотрю под корму. Как реагирует перо руля на слабое речное течение, которое ощущается только по проплывающей мимо щепке или древесной стружке.

Корма реагирует. Сильнее, чем думал. Видно по швартовым: провисают, а потом - как струна.

Огляделся вокруг: берег, баржа (между миноносцем и доком), река, небо, тот берег.

«Помахал ручкой» рабочим (больше для маскировки волнения), которые собрались провожать.

Условия благоприятные. Ветерок слабый, видимость прекрасная, на реке - изредка одинокие льдины. Движение редкое - еще не проснулась Волга от зимней спячки. Очевидно, что, помимо затяжного ремонта барж, судов и буксиров, топливный голод тоже дает себя знать.

Не люблю на мостике громких команд.

Кивнул головой Снежинскому, чтобы отдавал швартовы.

Рукой дал знак рулевому старшине. Подождал, когда нос начал сам отваливаться, и впервые дал ход (малый) левой машине.

Гробовая тишина выдает общее и напряженное любопытство.

* * *

Спасибо православным, что настроили столько церквей и колоколен.

По створящимся предметам на берегу (по носу и по траверзу) вижу, что этот замечательный кораблик на сильном течении, при малых оборотах одной наружной машины и руле, положенном на борт, двигается почти боком.

* * *

Этот фокус мне уже известен, на «Кобчике» несколько раз приходилось подходить к стенке Шлиссельбурга. Там течение Невы раза в два сильнее.

Быстро оцениваю на глаз, сколько останется за кормой парохода, стоящего у стенки, и сколько до «Расторопного», который должен остаться у меня за кормой.

Пересекаю реку средним ходом и опять прибегаю к фокусу «перемещения лагом», так как течение вдоль берега вполне ощутимо.

И тут в командире происходит перелом:

- На баке!

- Есть на баке! - отвечает Гридин, Он стоит на банкете носовой пушки с бросательным концом, но из любопытства смотрит больше на меня, чем на приближающийся деревянный причал.

- Отставить бросательный!… Подавайте огон швартова прямо на тумбу!

* * *

Миноносец, как хорошо дрессированный зверь, плавно прижимается скулой к отбойному палу, а затем - только отклонением пера руля - корма как бы сама собой «приваливается» к стенке.

Инерцию погашают «деликатные» обороты на «задний ход».

Гридин улыбается и, забыв всякие военные приличия, набросив огон на пушку, показывает мне большой палец - на «во!», да еще «с присыпкой».

Комиссар рад больше других:

- Как на катере!… Здорово!

Я тоже рад и не особенно скрываю… Этих опытных моряков не обманешь. Но знают ли они, что у меня вся спина и ладони рук совершенно мокрые?!

Из- за бака «Расторопного» показывается Чириков и, блестя ободками пенсне, подходит к нашему мостику, который почти на

уровне с причалом. Совершенно очевидно, что он следил за маневрами новичка, но, чтобы не смущать, делал это тайком.

- Поздравляю! - Улыбается хорошо и открыто.

- Что вы, Сергей Александрович! Никакого ветра или других помех! Это не швартовка, а одно удовольствие.

- Ну-ну! Вы мне, старику, очков не вотрете!

* * *

Теперь, спустившись в каюту, после запоздалого комплимента салажонка, остался наедине с самим собой. Надо разобраться.

Все делают вид, что это мой личный успех.

Но ведь это не так.

Быстрая и точная перекладка руля, по команде. Быстрое и точное уменьшение или увеличение оборотов и реверс машин по сигналу телеграфа, что в свою очередь возможно только при поддержании полного давления пара в котлах, независимо от его расхода.

Разве только один командир осуществляет маневр корабля? Разве это одноместный самолет? Да и загогулины самолета зависят от того, как его приготовили механики на земле.

Значит, мне задаваться нечего.

Конечно, командир - главная фигура, и главное зависит от него. Но успех общий. От слаженности в работе всех специалистов зависит этот общий успех.

А разве я обучал их? Тренировал, слаживал? Нет. Это многолетняя служба, война и их сознательность. Все это накапливалось без меня и до меня.

Это работа партии, комиссаров, таких командиров, как Снежинский и Лузгин, и самой жизни - опыта, практики.

Значит, новый командир может гордиться только тем, что не подвел и оказался на высоте. Причем экзамен-то, был легонький, а впереди предстоят гораздо большие испытания.

17 марта (док).

Только ночью, обдумывая пройденный день, понял - откуда такое единодушие и сплоченность команды.

Весь секрет в том, что все коммунисты.

На «Изяславе» до Октября и даже позже, вплоть до «чистки» после так называемого «восстания на минной дивизии» {20}, кроме большевиков, были эсеры, меньшевики и анархиствующие бездельники. Один из эсеровских заправил, кондуктор Земсков, был арестован только после майских событий.

Вот почему споров и митингов было больше чем надо.

На «Кобчике» в 1919 году преобладание коммунистов было уже явное, но все же споры и раздоры мешали сплачиванию и делили команду на два лагеря, да еще с прослойкой из нескольких бузотеров, которые никого и ничего не признавали.

Процесс сплочения команд на платформе РКП(б) проходил быстро и неукоснительно, влияние партии через комиссаров и политотделы (а Смольный чувствовался как-то рядом, под боком) давало быстрые разъяснения на все острые и злободневные вопросы. И как это ни парадоксально, но почти ежедневные налеты англичан, даже во время зимнего ледостава, по-своему помогали поддерживать дисциплину на должном уровне.

На «Деятельном» и, очевидно, на всей нашей флотилии политическое единство абсолютно крепко и вошло в самую жизнь. А вот сложный путь, пройденный «черноморцами», отдельные предательства и большие «антракты» между боями как-то еще не привили сознания, что дисциплина и строгий порядок службы необходимы как воздух.

В этом есть чья-то ошибка и вина, в том числе и моя, как командира. И нельзя валить все только на ненавистное матросам прошлое.

* * *

Забегал Князев проститься со своим «корешем».

Одет лучше. Поправился. Выглядит хорошо. Немного возбужден.

В каюте рассказал, понизив голос, что отряд Кожанова придан в состав «экспедиции» (он так назвал, а что это такое - объяснить не мог; маскирует незнание секретностью) вместе с одной из лучших дивизий XI армии «с кавалерией и пушками».

- На днях выступаем. Головные отряды давно ушли.

- На фронт?

- Нет! В экспедицию!

- Но куда? К Ганюшкино или к Лагани?

- Бери дальше, мичман! - И снизив голос до шепота, сказал: - Святой крест - Кизляр!

- Точно знаешь?… Ведь ты рядовой боец. Вряд ли на Военный совет приглашали.

- А для матроса этого и не требуется. Обоз почти весь верблюжатный. Все ингушские и чеченские сотни, которые Левандовский прошлый год вывел, обратно с нами. Бурдюки и баки с водой наготовлены… Разве так на фронт выводят?

- Счастливо!

- В Баку встретимся, мичман… Даешь Кавказ!…

17 марта. Накануне выхода из дока.

Перед выходом - экзаменом и началом кампании - хочется «осмотреться» пошире. Вокруг корабля я уже осмотрелся.

В гости, на другие миноносцы, далеко {21}. Нет охоты ездить.

В городе - помимо редких вызовов в штаб - не бываю.

Стыдно сознаться, но даже газет аккуратно не читаю. Последние недели - ремонт, приемки, опять ремонт и т.д. Настолько отвлекают, что, сидя на корабле двадцать четыре часа в сутки, не успеваю всего сделать.

Да и снабжают нас газетами отвратительно.

Местные печатаются на какой-то оберточной бумаге, но беда в том, что редакции почти не располагают широкой информацией.

А московские из-за перебоев железной дороги приходят редко, не в черед, иногда вовсе не приходят и… на вес золота.

После вчерашнего выступления комфлота обстановка стала немного яснее.

С адмиралом (Колчаком) давно покончено. После него - с Деникиным. Проводили гостей с берегов Мурманска и Архангельска.

Колчака прикончили, а на Дальнем Востоке еще «гости сидят». И не сидят, а бесчинствуют и грабят. Но это так далеко, а на днях английские самолеты сбросили две бомбы на Оранжерейную, поэтому как-то о Владивостоке не хочется думать. Слишком близки «свои» враги.

Когда я уезжал из Петрограда, сразу после окончательного разгрома Юденича, то все мы считали, что едем добивать контрреволюцию на юге.

Вот почему было неприятно узнать, что крымский барон не только еще не разбит, а, наоборот, готовится к новому наступлению.

И самое скверное - что эта подготовка явно связана с сосредоточением польской армии у наших границ, несмотря на мирные предложения РСФСР.

Верховный совет Антанты (в Париже) объявил о прекращении блокады России.

Не знаю, как где, но у нас на Каспии английская блокада в полной силе, и мы не можем получить ни пуда мазута из Грозного (через Петровск), из Баку или с Челекена.

В одних районах война кончается, в других - начинается. Слишком много войны.

* * *

В Баку как будто всем руководит из подполья А. Микоян. На северном Кавказе - С. Орджоникидзе.

В Туркестане и командует армией и руководит народами М. Фрунзе.

Здесь - Киров. Временами исчезает, и никто не знает, куда. Но все знают, что туда, где жарче всего.

Однако мне не везет, Киров на «Деятельном» при мне ни разу не был.

В городе чаще других фамилий слышно «Атарбеков» - предчека и начальник особого отдела фронта. Кажется, уехал в неизвестном направлении. Видел раза два на митингах. Вид суровый.

* * *

Ну что ж! Я не знаю планов Ленина, Ставки, даже Кавказско-Каспийского фронта. Командиру миноносца не положено.

Но одно ясно - чем скорее мы разобьем белых и англичан на Каспии, тем скорее кончится война и на других театрах.

17 марта (вечером). Астрахань - порт.

Решил, что, опираясь на авторитет командира, такого удачного случая упускать нельзя. Вечером пригласил в каюту механика и боцмана с целью организовать разводку на работы.

Приказал: заранее наметить, кого и на какую работу поставить завтра с утра; наметить старшин; приготовить инструмент и материалы - одним словом, все, чтобы работа прошла организованно.

Начало работ после чая, по дудке.

То есть разводку провести как полагается.

- Как в старое время? - спросил многозначительно боцман.

- Не все было плохо в старое время. И небось вы сами многому научились в старом флоте?

Гробовое молчание.

Ушли мрачные.

* * *

Только потом я понял свою ошибку: что не пригласил комиссара, что не дал ему времени подготовить команду к

резкому повороту в жизни корабля, опираясь на более сознательных.

Излишняя самоуверенность молодого командира.

Мог здорово поплатиться за свою ошибку.

Опять выручил случай.

29 марта. 12-футовый рейд {22}.

Несмотря на то что этот эпизод из своей жизни никогда не забуду, все же его надо записать хотя бы задним числом.

Критический момент

18 марта в 8 часов с минутами, после подъема флага, вышел на палубу и нарочито громко скомандовал:

- Боцман! Свистать на разводку!

Боцман смущен. Посматривает то на меня, то на комиссара. Тихо, как бы извиняясь:

- У нас такого сигналу нету.

- Ну, тогда давайте «по большому сбору».

* * *

Дальше пошло совсем плохо.

Несколько строевых, медленно шествуя, стали по правому борту с таким видом - «посмотрим, что из этого получится».

Один, явно паясничая, прошел мимо меня, печатая, как гренадер, выпучив «глаза налево» и взяв под козырек.

Машинная команда сгрудилась у своего люка, по левому борту, но не стала шеренгой. Все остальные расположились демонстративно в качестве зрителей.

Помощник и штурман стали оба около комиссара.

Механик Лузгин, очевидно желая спасти меня от осложнений и нарушить томительную и мрачную паузу, подошел и попросил разрешения развести «своих ребят» по машинам и котлам.

- Не разрешаю! Пусть сперва построятся по уставу… (Реплика: «А устав Колчак увез!») Затем пусть старшины объявят наряд, кому и что делать. А вы должны следить за правильностью разводки, а затем руководить работами.

* * *

Только теперь я понял, что механик и боцман побоялись с вечера сказать команде (на что я рассчитывал) и поэтому происходящее для всех было абсолютно неожиданным.

Кое- кто стал примыкать к шеренге правого борта, и был

момент, когда мне показалось, что попытка организовать разводку удастся. Но вдруг один из сзади стоящих кликнул:

- Братва! Даешь в кубрик на экстренное собрание!

Ясно было, что некоторые искренне считали необходимым обсудить такой серьезный случай. Для других это явилось предлогом выйти из строя явно бесцельного в этих условиях. Мгновенно все зашевелились, и первые уже начали спускаться по трапу с весьма нелестными репликами по адресу командира.

Полный провал!

- Слишком перегнули! - сказал комиссар с некоторой укоризной.- Надо людей сначала убедить… - И во весь голос крикнул: - Товарищи!

Все приостановились, поворачивая к нему голову, но в тот момент гулко затарахтели глушители истребителя {23} и чей-то голос в малый мегафон заорал:

- На «Деятельном»!

- Есть на «Деятельном».

- Командир наверху? Срочно собирайтесь. По приказанию комфлота пойдете с нами!

Катер уже подошел вплотную. Флагманского штурмана Корсака я знал немного, а второго командира видел впервые.

- А как корабль?… Что с собой брать?… Я ничего не понимаю!

Второй (по всем признакам, тоже офицер штаба), не смущаясь тем, что наш разговор напряженно и с любопытством слушают семьдесят пять человек, с уморительной улыбкой сказал:

- А мы сами ничего не понимаем! Корабль сдайте помощнику. Время - одна минута. С собой возьмите полотенце и зубную щетку… Ну, вроде как когда на «губу» {24} садиться приходится… и на сборы еще одна минута!

Кто- то за моей спиной хихикнул.

Кто- то «догадливо» изрек:

- Своего выручают.

Но я повернулся к Снежинскому:

- Считайте, что корабль я вам сдал. Вы его лучше меня знаете.

Сбежал вниз, взял «малый флотский» {25}, швырнул в него две записных тетради и все, что полагается для «губы».

Перешагивал через борт при гробовом молчании. Еще через минуту катер сделал крутую циркуляцию и с трескотней всех трех глушителей помчался вниз по реке.

Откровенно говоря, все было так неожиданно и спешно, что я не успел разобраться в своих переживаниях.

Из одного затруднения временно выскочил, но что за сюрприз ждет впереди?

* * *

- Вы, надеюсь, не забыли, что являетесь не только командиром миноносца, но по совместительству еще флагманским специалистом по тралению и заграждению? - спросил, улыбаясь, комфлот, обращаясь ко мне, когда мы трое вошли в его кабинет.

- Никак нет. Хотя ни тралить, ни заграждать еще не приходилось.

- Ну, так теперь придется.

* * *

Из штаба мы вышли через десять минут с огромными пакетами под сургучными печатями и добрыми напутствиями. И опять треск моторов вынуждал кричать в ухо соседа, а ветерок от большого хода заставил застегнуть бушлат на все пуговицы.

Еще до Оранжерейной обогнали две баржи и большую канлодку с минами на борту.

Нехватка брезента или ума - для маскировки - делали эту операцию из совершенно секретной совершенно очевидной.

Думал, остановимся. Интересно было бы повидаться на базе гидросамолетов с Стахом Столярским, с которым имел забавное приключение на переправе в Саратове.

К сожалению, прошли мимо.

* * *

Век живи - век учись, а все равно…

С шиком и треском (глушителей) обгоняем рыбницы, буксирчики с баржами и без них.

В одном месте обходили бриделя землечерпалки, которую только-только устанавливают на фарватере (иногда называют его «канал», что, пожалуй, вернее).

Когда «перескакиваем» меляки, меняется характер (высота, гребень, шум) так называемой «спутной» волны за кормой. Но это дело мне очень хорошо знакомо по Кассарскому плесу {26}, а вот чуть дальше - рот открыл от удивления.

Оказывается, здесь фарватер обставляют не обычными вешками (с якорем, буйрепом и поплавком), а втыкая вехи в

грунт.

Гидрографический катер тащит на буксире баржонку с грудой вех. Веха - здоровенный кол, заостренный внизу и имеющий две плашки, набитые на высоте трех футов над уровнем воды в данном месте.

Катер притыкается к бровке канала, несколько человек вкалывает веху в дно, после чего на нее лезет молодой калмык (рабочий гидрографического отряда) и, подпрыгивая, своим весом вгоняет веху поглубже.

Посмотрел, как человек подтанцевывает и с «гаканием» ударяет подошвами по прибитым плашкам, и подумал: «А пожалуй, именно здесь, где на канале семь-восемь-девять футов, а рядом, на бровке, три-четыре-пять футов, лучше и не придумаешь».

Интересно, кто изобрел. Наверное, еще деды?!

Почти на выходе из фарватера (канала) навстречу попались катерные тральщики, сфабрикованные из армейских инженерных понтонов (с моторчиками).

Начальник дивизиона (кажется, по фамилии Плотников) доложил Корсаку, что ни одной мины не обнаружено, ни английской, ни нашей (из восемнадцати штук образца 1908 года и около двухсот типа «рыбка», поставленных поздней осенью, чтобы пресечь попытку форсировать дельту Волги).

Пока «лапти», как называли мы эти тральщики, танцевали вокруг нас на маленькой волнишке, их начдив выразил твердую уверенность, что, очевидно, все мины унесены льдом.

- А кто-нибудь из наших впереди есть?

- Как же! Мы «Каспия» и «Рошаля» выводили за тралами, а у Озаровского еще есть канлодки и сторожевики.

- Привет!

- Привет!

Команды «лаптей» были с синими руками и носами от прохладного весеннего ветерка.

А ведь укрыться даже негде. «Лапоть», он и есть «лапоть». Единственное его достоинство, что он «ничего не сидит» {27}, как говорят тральщики и минеры, и на нем меньше шансов взорваться. Но зато мореходность и обитаемость отвратительные. Работать на них - мука.

Да! Есть у нас труженики и сознательные морячки, готовые переносить такие лишения и опасности. Причем мало кто знает об их повседневном и скромном героизме.

19- 29 марта (12-футовый рейд).

Упреждение развертывания

Даже на школьной (гардемаринской) скамье объясняют,

насколько важно упредить противника в развертывании своих сил для боя (тактическом) или для начала войны (стратегическом) {28}.

Приводят тысячу исторических примеров, хотя эта истина обычно принимается без особых сомнений скептиками в восемнадцать - девятнадцать лет: ведь каждый парень знает, как важно в драке раньше стать в позу и первым влепить в ухо своему противнику.

Позже, в академиях, под это теоретическое положение подводят научную базу.

Вношу свой вклад в разработку этой общеизвестной истины на примере Волжско-Каспийской флотилии. Причем самое замечательное, что флотилия два раза - весной 1919 и 1920 года - почти в аналогичных условиях обстановки решала и оба раза успешно решила задачу упреждения развертыванием своих сил в северной части Каспийского моря (точнее, в районах 18-и 12-футовых рейдов и на флангах XI армии) с расчетом не дать сделать то же самое белым и англичанам. В случае неудачи флотилия оказалась бы заблокированной в дельте Волги.

Географическая и климатическая обстановка помогала врагу. У них большие глубины и свободные районы для маневрирования; у них почти не было льда {29}.

У нас - строгие и мелководные фарватеры, на которых ледоходом к весне срезает все вешки и буи; лед - или плотный и твердый, или крошеный, но зато торисистый иногда до самого дна. Плес для маневрирования еще надо отвоевать. При «угонном» ветре с северной части картушки - хоть пешком ходи, так как местами уровень падает на три-четыре фута.

Наконец, состав сил на море не в нашу пользу. Относительно более быстроходные миноносцы мы использовать не можем на мелях, а численность, вооружение, тоннаж и мореходность кораблей - не в нашу пользу {30}.

О топливе не говорю. Без того ясно.

И все- таки, несмотря на все его преимущества, флотилия упредила врага в 1919 году и организовала морскую оборону дельты, помогала флангам армии огнем и матросскими десантами. А это в свою очередь позволило провести и активные операции: был захвачен форт Александровский (30 апреля) и посыльное судно «Лейла» (5 мая) с важнейшими документами, которые вез генерал Гришин-Алмазов от Деникина к Колчаку (из Петровска в Гурьев).

Мало кто знает, что в операции против вражеского флота в заливе форта Александровского были развернуты не только миноносцы, но и подводные лодки «Макрель» и «Минога»,

переброшенные в Астрахань по приказанию Ленина.

За ошибки приходится платить, поэтому во втором бою за форт (21 мая) погибли эсминец «Москвитянин», минзаг «Демосфен» (оба знакомые по моонзундскому сражению осенью 1917 года), один транспорт… Но сейчас речь идет о развертывании в начале кампании.

Его наши каспийцы в 1919 году выполнили отлично, несмотря на очень трудные условия.

* * *

В улучшенном виде предстоит осуществить план развертывания 1920 года.

1. Дозорные корабли наблюдают и предупреждают о подходе англичан. Если самолеты «нацедят» бензин, они дополнят дозорную систему, особенно в направлении острова Чечень.

2. Крейсер (ледокольный пароход) «Каспий» и канлодка «Рошаль» в поддержке. По каналу уже идет «главная артиллерийская сила» обороны - три или четыре плавучие батареи с шестидюймовыми пушками Канэ.

3. Мы должны выставить три минных поля (в два ряда каждое), чтобы оконтурить рейд базирования, оставив фарватеры для выходов своих кораблей. После чего плавбатареи будут поставлены на прикрытие минных полей, что создаст минно-артиллерийскую позицию.

4. За это время (нам дается двое суток!) начнут выходить из Волги и становиться на мертвые якоря дебаркадеры, транспорты с углем, водой, боезапасами, плавгоспиталь, плавмастерские и т.д. вплоть до плавучего клуба, переделанного из бывшей пристани. То есть плавучий тыл.

5. Одновременно придет дивизион миноносцев и другие отряды поддержки фланга армии, которые только здесь смогут принять воду во все котлы и топливо {31}и тем самым подготовиться к активным операциям.

* * *

Своеобразный военный совет в «салоне» у Озаровского на «Каспии».

Он старший. Отвечает за всю операцию и обеспечивает развертывание.

Информирует: пролетали поплавковые гидросамолеты, не то

на Икряную, не то на Оранжерейную. Его пока не трогали.

На горизонте (SSW) видны дымки, а в дальномер - стеньги. Однако приближаться не рискуют.

Его вывод: «Мы вышли, мы здесь, а это главное. Значит, не уйдем! Что-то белые и англичане замышляют, но, очевидно, еще не готовы. Могут ударить в любой момент. Поэтому торопитесь с минной постановкой, а я прикрою!»

Думаю, что нас подстегивать не надо, особенно после того, как Озаровокий огласил шифровку комфлота: «…XI армия продвигается так успешно, что флотилия может опоздать с выполнением…»

* * *

После обеда и короткого отдыха перешли к уточнению плана заградительной операции.

Но как только прилег на диван, несмотря на страшную усталость - не мог забыться.

А как на «Деятельном»?

Ведь я Снежинскому оставил не обычный корабль, а взбудораженный неуклюжей попыткой ввести новые порядки. Новые-то новые, но в форме, очень напоминающей «старое».

Как команда? Как Гридин?

Справился ли комиссар с «кашей», которую я заварил?

Здесь, в ста верстах от Астрахани, я остро почувствовал, что, несмотря на неприятности и сложность обстановки, я уже привязался к кораблю; несмотря на относительно короткий срок, все же ему очень много отдано.

Пусть еще отношения не наладились, но у меня никого нет ближе, чем эти люди, с которыми мне еще надо жить, воевать, а может быть, и умереть.

* * *

Еще через час договорились обо всем.

Начнем с центрального (южного) заграждения. На головном - Никольский; на «Карамыше» - я. Мины ставить «по заранее отмеренной глубине», выключив автоматику на барабанах якорей. Углубление мин: четыре-пять футов от поверхности моря (ординарной) {32}. При этом точность требовалась аптекарская.

Корсаку начальник обороны дал двух штурманов, истребитель и один сторожевик, чтобы он мог обеспечивать

точность постановки.

Казалось, ему будет труднее всех.

Штурманы должны были дать начальные и конечные точки минных линий, выставляя малозаметные «полувешки с шаром», выкрашенные в черный цвет, чтобы их не мог найти и использовать противник.

Как Корсак определит их место?

Маяков или береговых знаков в пределах видимости нет. Временную обстановку прошлого года срезал лед. Астрономия нужных точностей дать не может.

Но Корсак не растерялся.

Может быть, почтенные гидрографы упадут в обморок от возмущения, узнав о профанации всех геодезических наук, но флагманский штурман сделал то, что должен был сделать в этих условиях.

Уйдя к конечной точке канала, он отыскал под водой какое-то подобие свайного репера, верхушка которого была срезана, и на нем установил свой знак {33}. Отсюда были видны не только однообразные и пологие берега дельты, но и некоторые приметные пункты, хорошо ему известные (часовенка, бугорок и т.д.), по которым он проверил место своего «основного» знака, сооруженного в виде пучка вбитых вех.

Пройдя на юг до пределов видимости основного знака, штурманы установили следующий (№ 2) и проверили расстояние, ходя туда и обратно несколько раз. Затем так же установили южнее знак № 3 и т.д. (насколько помню, их было пять).

На одной из банок, оказавшейся в стороне, был установлен вспомогательный знак с тем, чтобы получить базу довольно сомнительного треугольника. Вычисление помогло «привязать» и уточнить места знаков № 3 и № 4, которые были уже в видимости из района минных постановок.

Очевидно, это было не блестящее решение, но в данных условиях наиболее скорое и удобное. Кроме того, по этим же знакам ориентировались корабли, идущие из канала на 12-футовый рейд или выходящие с него по минным фарватерам в море. Таким образом, если они и ошибались, то, как говорят, в одну сторону.

Ясно, что, идя с моря, пользуясь штатной обстановкой, можно было бы и не попасть куда надо. Но пока корсаковская геодезия нас устраивала {34}.

Было бы некультурно забыть погоду.

Для минной операции она имеет первостепенное значение. Особенно если выполняется с эквилибристикой, не предусмотренной уставами и инструкциями. За все дни, то есть с

21 по 28 марта.

Ясно. Хорошая видимость. Переменные бризы. Ветер 0-4 балла, море 1-3 балла. Прохладно.

Раз задуло - то на полсуток. Раз - была дымка. А в общем - погода что надо.

* * *

Поднялся с «четверки» на борт «Карамыша» - и сразу на ют, знакомиться с минерами. Мне с ними работать!

Девять моряков, девять «стариков».

С полуслова ясно, что не просто минеры, но и бывшие унтер-офицеры.

Вот эти службу знают! Даже тянутся немного, несмотря на разность в летах, - чуть почтительны, но насторожены. Однако мне абсолютно ясно, что сделай хоть кто-нибудь из начальства неверный шаг, то есть против Республики, - своими руками задушат.

Деловиты. Солидны. Как будто чуть медленны в словах и в движениях. Но это только кажется. На самом деле рассчитано каждое слово и движение, поэтому выполняют все быстрее, чем суетящиеся и торопящиеся.

Два с минзага, два с тральщика, один спасенный с «Демосфена», остальные из минного отдела Астраханского военного порта. До этого служили в Нижнем, а еще раньше - на Балтике. Службу начали лет за пять до моего мичманства.

Лучшая аттестация для них - то, что, не дожидаясь конца нашего совета и прихода с «Каспия», они сами начали «предварительное приготовление» мин.

Увидя на палубе, кроме мин 1908 года и черноморских «рыбок», еще и тип «С» со стеклянными колпаками {35}, использовал старый прием, которому научился еще на «Изяславе» и который никогда не подводил. Не скрывать и не маскировать, если чего не знаешь.

- Ну, отцы… Вот эти шарики и «одесские штучки» {36} знаю, может, не хуже вашего, а со стекляшками в первый раз встречаюсь и ни черта в них не понимаю. Разъясните, пожалуйста {37}.

Старший, возможно бывший кондуктор, кашлянув в кулак и расправив пышные усы, солидно, но с явным удовольствием начал:

- Так что мы имеем здесь якорь, минреп и мину…

На «Каспии» сигнал: «Вижу неприятеля. Румб…!»

Командир «Карамыша» не боится, но дает понять, что с минами на борту он не очень расположен вступать в артиллерийский бой.

Мы ничего на горизонте не видим - мостик канлодки вдвое ниже, чем у флагмана. Да и дальномера нет.

Не успеваем обсудить обстановку, как флагман поднимает:

1) «Позывные заградителей»!,

2) «Продолжать операцию»!

Молодец Озаровский! Снимается и со своей канлодкой («Рошаль») идет на сближение с противником.

Минеры работают еще остервенелее. Не успеваем стирать пот. Воду пьем что твой насос.

«Каспий» и «Рошаль» идут бортом к невидимому нам противнику.

Вслед за пухлыми, ватными облачками (от нас огня не видно) доносятся глухие орудийные выстрелы.

Как ни интересно, но рассматривать некогда. Работаем. Командир «Карамыша» смотрит в бинокль и периодически сбегает на ют и докладывает или прямо орет с мостика.

* * *

Еще через минут тридцать-сорок приближается «Каспий». Опять на нем сигнал: «Продолжать операцию!»

* * *

Через час, давно без бушлатов, несмотря на свежий ветерок, вымазанные краской, зимней смазкой (тавотом), потные, даже не успевая глядеть за горизонтом, мы уже работали как черти.

На две сотни «Р» и «С» и сорок больших мин (1908 года) даже по старым инструкциям девять минеров было недостаточно. Но на попытку привлечь «подсобных» из команды «Карамыша» «старики» подняли бунт: «Никого не допустим!»

Здесь было и опасение, как бы неопытные матросы чего бы не напутали, но еще больше - желание самим управиться с таким важным боевым заданием.

Единственно, на что вынуждены были согласиться «старики», - это чтобы рулевые и боцман канлодки нарубали минрепа (на длину двух глубин, с запасом на узлы), для того чтобы потом мины ставить «серьгой» по глубинам, взятым лотом.

На баке на двух наковальнях рубили стальной трос и клали

марки, а на корме «колдовали» минеры.

Чтобы нам не мешали и для липовой «конспирации», два прохода на корму были завешаны брезентами, свисавшими с мостика позади гребных колес.

* * *

Разбились на «минные партии».

Никольский оказался простым, умным, опытным, а главное, веселым человеком. Он руководил походя, как бы шутя и играя, но на самом деле работал сам как десятый минер, не упуская никакой мелочи и твердо добиваясь четкого и точного «окончательного приготовления» мин.

Подражая ему, стал одиннадцатым минером и начальником другой партии.

Все шло, как наметили.

Но вдруг - случилось страшное!

Окончив готовить все мины образца 1908 года и часть типа «С», кто-то из минеров сдернул брезент с линии «рыбок», но через две-три минуты остолбенел.

Протер глаза. Посмотрел на нас, потом опять на мины, потом опять на нас, каждый раз мрачнея все больше.

- Заглушки! - выдавил он из себя одно слово. - Подлецы!… Заглушки…

Не сразу, не веря глазам, не веря на ощупь, мы наконец убедились в том, что временные заглушки (диск на резьбе с ушком для удобства завинчивания и отвинчивания), те самые, которыми закрываются отверстия для вставления запальных приборов с ударным механизмом, оказались ввинченными так глубоко, что сбоку были видны два-три витка нарезки во фланце корпуса мины, а ушко срублено, место сруба зачищено и затем все аккуратно закрашено суриком.

Внешний вид мин был настолько опрятный, чистый, хорошо отделанный, что эта «мелочь» абсолютно не бросалась в глаза. Новые мины - с завода, а не из старых запасов Николая Романова.

Но не вывинтив заглушки, нельзя было вставить запальные стаканы (ввинчивавшиеся по тем же нарезам, что и заглушки).

Иначе говоря, кто-то обезоружил двести мин в Петрограде, тем самым помогая англичанам на Каспии.

Курс политграмоты продолжается

Итак, мы здесь, в Каспийском море, воюем с англичанами и офицерами - дезертирами из императорского российского флота, а в это время на две тысячи километров к северу, в Петрограде,

союзники и друзья этих предателей портят мины и делают нас бессильными против мощного, коварного и мстительного врага.

Вот новая иллюстрация особенностей гражданской войны.

Нет. Надо смотреть шире. Эта война - одна из форм классовой борьбы.

Догадаться срубать ушки, зачищать срез и закрашивать суриком мог только минный офицер или инженер. Исполнителями могли быть и матросы и рабочие. Но для этого надо было всего два-три человека на сто мин. Причем часть из исполнителей, помоложе, могла даже не понимать, что к чему. А двух-трех предателей или подкупленных, из «шкур», особенно эсера или меньшевика, всегда найти можно. Но суть не в них, а в том классе, из которого вышли Родзянко, Гучков, Колчак, Деникин и тот, кто это сделал.

Обходил и ощупывал все «рыбки» почти механически, а думал и думал все время.

Никольский съездил со старшиной на «Ф. Энгельс» - там то же самое.

Но как могло случиться, что до момента постановки никто не заметил? Только ли дело в артистической работе?

Ясно, что нет! Очевидно, в приемке, на складах, в портах - или единомышленники, или такие же «святые», как я, которые до конца не поняли, что такое классовая борьба.

Злость, ненависть, даже какая-то доля стыда за этих людей не помещались внутри. А собственно, почему я должен стыдиться, если еще в 1917 году навсегда порвал с ними? Да и рвать было нечего - «инородцу», не из дворян, «черному гардемарину».

Меня всегда раздражали газетные призывы к бдительности и вызывали досаду такие выражения, как «нож в спину революции».

Но вот он, этот нож!

Не в газете, а в натуральном виде!

Еще один урок политграмоты. Да еще какой!

Представил себе, как сейчас в Питере кто-то, довольный, потирает руки и хихикает.

Рванулся на мостик, к командиру, но передо мной встал старший:

- Куда?

И хотя я не обязан был отчитываться перед ним, понял, что сейчас дело не в церемониях.

- На мостик. Надо срочно дать шифровку в Астрахань!

- Не надо. Спугнем! А потом сейчас не в этом первое дело. Нам дадено - на все про все - двое суток. Половину суток уже проволынили. С Астрахани заменять поздно. Да я знаю, что там больше нет. Есть только на подходе, где-то застряли на железной

дороге. Сейчас надо думать, как из положения выходить!

Я посмотрел на Никольского.

Обнаруженный «саботаж» его непосредственно не касался, он был флагманским минером флотилии. А кроме того, были главный минер, минер порта, завскладами, завмастерскими, зав. минной лабораторией и т.д. Кое-где старые специалисты, кое-где выдвинутые из старшин.

Иван Иванович сидел на планшире необычно серьезный и смотрел в воду. Затем сказал:

- Зубило мне и молоток, а все - на бак!

Но эти «все», включая и меня, запротестовали.

Этот балагур, однако, сумел взять нужный тон:

- Товарищи! Одну заглушку выбью я, а потом будем все хором! А сейчас - марш за колеса!

* * *

Мы томительно долго выглядывали с вряд ли безопасной дистанции, но при этом ясно видели, что флагманскому минеру давно или вовсе не приходилось держать в руках зубило и ручник.

Изуродовав заглушку и несколько своих пальцев, Никольский вскрыл мину, причем раздался звук откупориваемой бутылки.

- Завинчивали нарочно, когда еще не остыл тол. Гнездо было горячее, а когда остывало, то сжимало заглушку намертво, чтобы нельзя было вывинтить!

- С умом сделано. По-ученому. Но все же наша возьмет!

- Так-то оно так, но я на одну мину потратил двадцать минут. Немного повредил нарезку. Надо выправлять - еще десять-пятнадцать минут. Так мы двести «рыбок» в неделю не выставим.

- Вы, конечно, извините, товарищ флагмин, но у нас с зубилом пойдет быстрее. Но, конечно, придется приналечь.

* * *

Чтобы одиннадцать минеров вооружить хорошими зубилами (с острыми углами, так как бить надо было наискось, заставляя заглушку вывинчиваться), пришлось ограбить все корабли «Обороны 12-футового рейда».

Даже «старикам» из мастерских приходилось нелегко. Что же касается меня, то еще через двое суток у меня были забинтованы почти все пальцы.

Но постепенно насобачился. И выкручивать заглушки ударами по касательной, и зачищать резьбу.

* * *

Опаздываем.

А ведь война! Боевое задание!

Кто не испытал этого беспокойства, тот не знает тягостей войны.

* * *

Несколько раз появлялись и исчезали дымы вражеских кораблей. Но сейчас нас больше беспокоят наши буксиры, транспорты, плавбатареи и др., идущие по каналу - по плану. Развертывание началось, а минная позиция еще не готова.

* * *

Едим на палубе, сидя по-восточному.

Спать не приходится. Максимум два-три часа ночью, когда ничего не видно.

А работать при «люстрах», конечно, невозможно, даже под крылом у Озаровского.

В голове гул. Налита свинцом.

Болят руки. Болит все тело.

Не бреемся.

Вид - морских пиратов

* * *

На душе тепло, когда команда «Карамыша», видя наше напряжение, помогает минным партиям всем, чем может.

А минеры скрытно и застенчиво помогают Никольскому и мне.

Когда раз заснул у мины незаметно для себя, то проснулся с чьим-то бушлатом под головой и прикрытый чехлом.

Кто сделал - не знаю. Но знаю, что у меня есть нянька. Вернее, у нас с Никольским девять нянь.

* * *

Но как только внутренне растрогался (не показывая виду), так вспомнил о «Деятельном».

Ведь через двое-трое суток и он появится здесь.

Так неужели мы не выполним боевого задания?

* * *

Молодец Корсак! Не подвел. Мы сейчас стоим у шаровой полувешки центрального заграждения, и как только все мины будут готовы - начнем.

* * *

Пьяные от переутомления и от радости. Хоть с опозданием почти на двое суток, но главное заграждение стоит.

Ни одна мина «Р» из шестидесяти не всплыла.

Озаровский благодарит, но торопит.

Теперь мы расходимся с Никольским.

Он идет на западное (60 мин «Р»), а я на восточное (32 мины 1908 г. и 58 типа «С»).

Переходя к новой «опорной» вешке, около большой плавучей батареи, на борту малого речного буксира, даже не выкрашенного в шаровую краску, увидел, как промелькнула женщина с ребенком на руках, исчезла в носовом тамбуре.

Глазам не поверил. Здесь! На 12-футовом, да еще в период сосредоточения, когда на горизонте «дежурит» дымок английского дозора?!

- Ничего удивительного!

Уже вторую кампанию, когда не хватает своих, «домобилизовываем» что под руку попадется. В частности - водить плавбатареи.

- Но женщины? Дети?

- Охотно идут… То ли опасности не представляют, то ли матросский паек роль играет.

А они и раньше так, целыми семьями плавали на буксирах и на баржах.

- И никогда не подводили?

Собеседник чуть замялся:

- В общем, вот уже второй год работают как надо.

Был случай в 1919-м. Англичане нашу плавбатарею в оборот такой взяли, что вода кругом кипела. Сам «Крюгер» {38} постарался!

Ну, у шкипера кишка тонка оказалась. Обрубил буксир… и к берегу. Однако когда на плавбатарее начался пожар, а белые, думая, что с ней покончили, и стали отходить… у наших волжан совесть верх взяла. Подошли обратно, помогли потушить пожар и отбуксировали на завод.

- Все равно герои.

Я думаю, что с женами и детьми не военному, речнику, лезть под снаряды врага, куда страшнее, чем без них.

Запомнилась на всю жизнь еще одна весьма своеобразная деталь этой минной постановки, не предусмотренная ни в каких правилах.

На «Фридрихе Энгельсе» как на заградителе есть кормовые минные скаты, поэтому большие шаровые мины и «рыбки» скатывались нормальным образом - на своих роликах, вделанных в нижнюю часть якорей. То обстоятельство, что автоматика была включена и между самой миной и якорем была бухточка двойного троса длиной от десяти до шестнадцати футов (в зависимости от глубины), - дела не меняло.

Вслед за якорем (или чугунным грузом на некоторых «рыбках») в воду летела бухта минрепа, а затем сама мина.

Раза два «рыбка» взрывалась, как только таял сахарный предохранитель (через две-три минуты), но так как это было на ходу корабля, а из осторожности все пригибались к палубе, то ни одного ранения не было. Столб грязной воды и фонтан брызг!

Хорошо, что большие мины вели себя вполне благовоспитанно.

Но вот на «Карамыше», который не имел кормовых минных скатов, с минами «С» произошел плохой анекдот.

Занятые срочным ремонтом испорченных «рыбок», мы все как-то об этом не подумали и опомнились только перед началом сбрасывания, придя в исходную точку постановки восточного заграждения.

У «Карамыша» и его напарника, как у всякого приличного волжского буксира, вокруг всей кормы шел железный фальшборт с деревянным планширом (конечно, буксирные дуги были сняты). На юте был решетчатый настил, прикрывавший румпель и его тали.

Положили деревянные сходни оборотной стороной вверх, высунули кончик за корму и с этого импровизированного сооружения, приподняв один конец, сбрасывали мину с бухточкой троса и якорем, а то с кошкой или другим грузом - якорей для

всех мин не хватало.

Однако через пять минут выяснилось, что при заданном ходе корабля мы нужные интервалы выдерживать не успеваем. Канлодка и так плелась около пяти узлов, и Корсак категорически отказался еще сбавлять ход: плоскодонный и мелко сидящий кораблик сносило даже слабым ветерком так, что он шел чуть не боком.

Стали на панер {39}, обсудили, прорепетировали, после чего закончили постановку цирковым способом, причем вся команда ушла на бак и выглядывала из-за углов настроек и кожухов колес.

Вновь изобретенный способ заключался в следующем.

Два минера брали мину «С» на руки, один или два - кошку или якорь, становились у самого гакаборта, оставив минреп свободно висеть за кормой.

Затем по команде «раз-два - взяли» раскачивали свои «игрушки» и, одновременно выбросив их за корму, сами падали плашмя на решетку под защитой фальшборта.

На седьмой или восьмой мине раздался взрыв, корму немного подбросило, а сверху обрушился каскад воды. Осколки никого на корме не задели, но капитан и Корсак уверяли, что они пролетели над рубкой.

После этого зрителей стало значительно меньше, но мы уже вошли в раж, и остановить нас нельзя было.

Еще три или четыре взрыва (то ли сахар, то ли стекло не выдерживало) - и вдруг мы, оглядевшись, увидели, что мин на юте больше нет.

Несмотря на нечеловеческую усталость, нас обуяла мальчишеская радость, и мы стали обниматься. Когда же с мостика спустился сияющий флагштур, то мы, не сговариваясь, схватили его за руки и за ноги и начали раскачивать - «раз-два - взяли!».

Если бы не капитан «Карамыша», то шутка могла зайти далеко.

* * *

Сев на бухту троса на решетчатом банкете над румпелем, я почувствовал, как начинаю засыпать, но кто-то сказал, что у противника прибавилось до четырех дымков.

Усилием воли оглядел горизонт. В глазах так рябило, что на юге ничего не разглядел, зато с севера приближалась целая армада кораблей и транспортов, но теперь они не смущали, а радовали. Радовало и весеннее солнце, о котором вспомнил

впервые.

Заметив на рее «Карамыша» какой-то флажный сигнал, еле ворочая языком, спросил:

- Что это?

- Постановка окончена!

* * *

Постановка окончена. Это значит, что и в 1920 году Волжско-Каспийская военная флотилия опять упредила противника развертыванием своих сил! А в этом - залог последующих побед!

* * *

Не заснул опять только потому, что подошедший лекарский помощник начал сдирать почерневшие бинты и пластыри с обеих кистей рук.

От боли еще способен был услышать Корсака:

- Вам хорошо! Только бы спать! А мне еще проверять фарватеры между заграждениями и точно установить на позиции плавбатареи.

Больше ничего не помню. Забылся тяжелым сном.

30 марта. 12-футовый рейд. «Каспий».

Самый счастливый день жизни

Отоспался (не до конца), написал для Никольского частный отчет о своей работе. Попрощался с замечательными минерами, артистами своего дела и людьми долга, у которых многому научился. Поговорил с Озаровским (наговориться с ним никогда нельзя, настолько интересный человек) и теперь жду своего «Деятельного».

Уже подходя на катере и видя лица и улыбки встречающих, я понял, что возвращаюсь домой, к своим друзьям.

Видя перевязанные руки, помогли перейти на борт.

Реплики:

- Сколько осетров наловили, товарищ командир?

- Не видишь, руки пораненные, - значит, ершей ловил.

Подошел здоровый детина, явно латыш:

- Будем знакомы. Ваш новый комиссар.

В каюте - сверкание и блеск. Ни пылинки.

Да и весь миноносец как-то похорошел, помолодел и подтянулся.

Вот что значит начало кампании и что значит для моряков

выход в море.

* * *

Вечером в кают-компании меня забросали новостями. Хорошими с нашего фронта, неважными - с Юго-Западного. Пилсудский продолжает бряцать оружием.

Кратко рассказал о минной операции.

- Ну, а вы как? На разводку выходите?

Смущаясь, улыбаются:

- Выходим, как двинулись к морю… Утром посмотрите.

* * *

Хотя у самого руки чешутся потренироваться в управлении кораблем, нарочно поручаю Снежинскому переходы от одного транспорта к другому (уголь, вода), ссылаясь на забинтованные кисти.

Но на мостик выхожу и присматриваюсь к повадкам корабля.

На рейде - уже целый плавучий город.

Суетятся буксиры. Свистят. Шумят. Переставляют корабли, баржи.

Это подвижная база снаряжает в поход три боевых соединения.

Вчера одно ушло в сторону Гурьева.

Кажется, Арский, прикрывая фланг армейских частей с моря, продвигается вдоль северо-западного берега к югу; почти «пешком», острят у нас. Там сплошные меляки, отмели, банки и прочие навигационные сюрпризы.

Мы, то есть «Деятельный», готовы. «Расторопный» с Калачевым не подведет, тоже поднимал свои позывные в знак готовности.

Какие- то непонятные вензеля выписывает «Дельный», проткнув бушпритом одну баржу (к счастью, уже почти пустую) {40} и обшарпав себе все борта. А судя по тому, что за кормой у него сейчас работают водолазы, очевидно, он намотал на винты какой-то трос.

Мешкает и флагман - «Карл Либкнехт». Но это понятно. Он больше наших кораблей почти вдвое {41}. В канале его пришлось разгружать сильнее других, а теперь надо принимать одного угля почти сто пятьдесят тонн.

Дивизиону эсминцев объявлена двухчасовая готовность. Но

от нетерпения уже все механизмы прогреты и опробованы, и мы в любой момент можем сняться.

Все это делалось самими командами, без приказаний или уговоров.

Корабли подтянули канаты, а мы из-за проклятой шпилевой машинки, чтобы не отдавать якоря, стоим (после большой ругани с начтылом Душеновым), пришвартовавшись к дебаркадеру, на котором помещается управление военного порта и склад самых дефицитных соблазнов по баталерской и шхиперской части. Вот где всерьез соблюдается военная тайна, и можно предполагать, что даже комфлот не знает, чего и сколько есть на складах.

30 марта. Рейд (двухчасовая готовность).

Сутки напряженной работы.

Снежинский и Буш «колдуют» у компасов и ругаются, что нельзя произвести классическое уничтожение девиации. Объезжает корабли начальник инструментальной камеры И. Ковтунович, но наши обиделись и его проводили.

Смена масла в компрессорах. Согласование прицелов по отдаленным предметам.

Шлюпочным хозяйством занят боцман.

Приемки по всем частям (к сожалению, по голодной норме). Новых тросов, шлюпок, весел, флагов - нет. Все латаное и перелатанное.

Но настроение у всех бодрое и боевое.

Учебную стрельбу штаб не разрешил.

* * *

С севера продолжают подходить какие-то суда, баржи и буксиры.

Если считать нас «числом», то - грозная сила. Но на самом деле большинство кораблей речных и нemореходных, а самые сильные пушки (одна даже в восемь дюймов) - на несамоходных баржах.

Ясно, что нам, миноносцам, придется решать главные задачи.

* * *

Слабее всего обстоит дело с воздушной разведкой.

За все время видел только два гидросамолета, прошедших далеко, от Оранжерейной в сторону Лагани.

Несмотря на дальность, виден дымный шлейф. Очевидно, это

от качества топлива.

Снежинский рассказывает, что у них даже есть плавучая база со спусками и подъемниками и что на Волге они замечательно воевали.

Не хотел бы быть на их месте!

А ведь летают все-таки, несмотря ни на что!

Погода сносная.

Шквал с дождем, потом опять ясно и дует не более двух-трех баллов. К югу, на горизонте, бывает не то дымка, не то туман.

* * *

Несмотря на строжайшие приказы о затемнении, ночью весь плавучий городок обозначен светящимися точками, то скрывающимися, то появляющимися.

Хуже всех на флагмане. Но это, кажется, старая традиция русского флота. Других фитилять, а у себя не замечать.

31 марта. Рейд (часовая готовность).

Под вечер, еще до сигнала флагмана «вижу неприятеля», с SSW стали слышны орудийные залпы.

Затем ухнул взрыв, и на горизонте появилось разрастающееся черное облако дыма.

«Каспий» мористее, а ближе к нам «Либкнехт», маневрируя на кормовых курсовых, отходят. Но после взрыва поворачивают на сближение. «Каспий» с одним истребителем увеличивают ход (видно в дальномер - по буруну). Ледокол продолжает ухать из носовой пушки. Томительное состояние ожидания.

Мы, как зрители в театре, смотрим (высыпали все до единого, кто на марс, кто на крышу дебаркадера), но ничего толком не понимаем, до нас почему-то не долетают снаряды, и даже не видно всплесков.

И наконец… радио «клэром» {42} от Озаровского: «На нашем заграждении взорвался крейсер противника. Уцелевшие перешли на английские торпедные катера и удаляются к югу. Крейсер горит. Сближаюсь для осмотра».

Еще немного погодя флагман весь расцвечивается флагами. «Как на пасху» (реплика сигнальщика). Но оказывается - это длинный сигнал по трехфлажной книге {43}. Без позывных. Значит, всему флоту: «Флагман поздравляет флот с первой победой над врагом!»

По мере разбора сигнала в разных концах рейда раздавалось: «Ура-а!» Сигнал читали люди с различной подготовкой да еще за зиму немного растерявшие сноровку, и «ура» получилось

разноголосое и разновременное.

Но не в этом дело. Даже тыловики на дебаркадере ликовали, и это ликование было искренним и всеобщим.

Все, кто не был связан вахтой внизу, стояли и смотрели часами и без устали на эту по-своему драматическую картину.

Позже Озаровский сообщил, что горел и затонул крейсер «Князь Пожарский».

Даже кочегары, трюмные и машинисты, стоявшие вахту, подсменялись, чтобы выбежать наверх и с кожуха или кормовой рубки смотреть и смотреть. Почти безмолвно или обмениваясь редкими короткими фразами, глядели ненасытными глазами, как бы стараясь на всю жизнь запомнить этот день и этот вещественный знак нашей первой победы, а следовательно, еще один шаг к изгнанию врага и окончанию войны.

* * *

Я тоже приткнулся к стойке мостика и как-то бездумно (очевидно, еще сказывалось переутомление) смотрел на дым на горизонте и никак не мог уйти вниз.

Вдруг за моей спиной раздался свирепый шепот старшины-рулевого:

- Что ж вы, окосели, что ли? Вас флагман уже десять минут вызывает, а вы… в бога мать… уперлись в одну точку! Тоже мне сигнальщики!… Пиши: «Деятельному» (написал?). Ко-командиру (давай дальше!) объявляю… благодарность… флагмину (написал «флагмину»?), флагштуру и вам… разделительный… за успешное выполнение… минной операции (повторяю - «операции»), повлекшей (не понимаю, повлекшей? - пиши, дура, потом разберем!)… повлекшей гибели неприятельского… корабля с минами… Представляю награде (написал?)… Комфлот (давай «ясно вижу»). «Конец». «Конец».

За спиной возня.

- Товарищ командир, разрешите доложить семафор с «Либкнехта»?

Не поворачиваясь, через плечо:

- Не надо. Слышал. Все ясно.

Ясно- то ясно, но я не мог повернуться к ним лицом, потому что это был самый счастливый день в моей жизни.

Поймут ли они слабость своего командира?

Дело, конечно, было не в заключительной фразе, а в том, что я первый раз в качестве командира заработал такой сигнал на глазах у всего флота.

В двадцать пять с половиной лет не всякий моряк может похвалиться таким приказом в военное время и, в частности, когда еще все пальцы ноют и не сгибаются, напоминая о только что пережитом.

* * *

Через минуту, когда я овладел своими нервами, первым подошел поздравить комиссар Турк, за ним Снежинский, Лузгин, Буш… И один из первых от команды - старший комендор Гридин со своим неизменным дружком Трибуцем.

Крепкие рукопожатия были отменены ввиду аварии пальцев у виновника торжества.

Казенный спирт, хотя и имелся в небольшом количестве, распивать не стали. И без него у всех было прекрасное настроение.

Но мне все время не давала покоя одна фраза семафора: «крейсера с минами». В чем дело?

Почти в темноте подгребли на шлюпке к трапу «Карла Либкнехта», на котором шла доприемка угля, прерванная боем.

После «фитиля» за то, что я явился без вызова, в штабной каюте мне разъяснили, что палуба «Пожарского» с носа до кормы была уставлена шаровыми минами.

Отход «Каспия» с 18-футового рейда устраивал белых, хотевших как можно теснее заблокировать нашу флотилию.

Когда Озаровский, отходя, прошел по фарватеру внутрь нашей позиции, белые не заметили («К. Либкнехт» не выходил за минное поле) и, стремясь заблокировать всех на 12-футовом рейде, продолжали идти, пока не нарвались на центральное заграждение.

Затонул он очень быстро. Сел почти на ровный киль. Все надстройки - над водой. Мины не сдетонировали, но начался пожар средней надстройки и рубки. Два, а кто уверяет - три торпедных катера сняли оставшихся в живых и полным ходом ушли на юг.

Непонятно, почему главные силы не попытались оказать никакой поддержки и тоже ушли к югу?

Вплотную наши корабли не подходили, все время ожидая взрыва мин, верхние горловины и «рога» которых были вровень с поверхностью моря и оголялись на слабой волне.

Итак, «Князь Пожарский» шел с минами, чтобы закупорить (или, по-научному, заблокировать) нас. Непосредственно поддерживали его торпедные катера, а в качестве прикрытия

мористее держались крейсера.

Как будто все предусмотрено и грамотно.

Одного не хватало: упреждения противника.

Опоздали!

Почему? Причины мы не знаем. Но «Пожарский» подходил к намеченному белым штабом району постановки тогда, когда на нем уже стояли наши мины.

Опоздали на двое суток (фактически), а могли бы на четверо (если бы не случилась задержка у нас из-за кем-то испорченных мин). И это решило судьбу операции. Больше того - судьбу, или, вернее, ход начала кампании.

А результат? У нас, опираясь на оборону рейда, уже один отряд пошел выводить «нефтянки» из Гурьева, другой - висит над флангом армии, а дивизион миноносцев готов к скачку на юг.

Вот что значит - упредить врага в развертывании.

Так политическая учеба в коллективе моряков-большевиков сочеталась с оперативной и тактической подготовкой на практике, в море.

* * *

С наступлением сумерек дым пожарища неудачливого «Князя Пожарского» постепенно уменьшался и сливался с темнеющим небом, а еще позже вовсе перестал быть заметным. Зато огонь - тлеющий и мерцающий - стал яснее и создавал над покойником небольшой багровый ореол.

Еще до наступления темноты дивизион из трех миноносцев, следуя за «Либкнехтом» («Дельный» задержался с водолазами), прошел восточным минным фарватером и лег на зюйд.

Невольно подумал, внутренне улыбаясь: «Даешь открытое море!»

Обращение к читателям, причем не только к морякам

(Написано двадцать лет спустя, когда автор записок впервые ознакомился с одной из научных работ нашей Военно-Морской академии {44})

Дорогие читатели!

Есть история, которая фактически творится человеческим трудом и разумом на основе политических, экономических и моральных побуждений данного общества.

Но есть история, которая post faktum дает описание фактов и событий, совершенных людьми в определенных условиях обстановки. И если это не голая протокольная хроника, а подлинное научное исследование, то вслед за тщательно

систематизированными и критически сопоставленными фактами следует анализ с последующими выводами и заключениями. При этом не только вскрываются подлинные причины и процесс развития описываемых событий, но путем раскрытия исторических закономерностей появляется возможность некоторых обобщений, которые могут помочь при решении проблем будущего.

Марксистская историография опирается на всех этапах работы на методологию исторического и диалектического материализма и является наиболее научной и наиболее объективной.

Изложение фактологической стороны событий относительно не так сложно. Гораздо более трудное дело - критический анализ описываемых фактов и выяснение причин их возникновения.

Выше была описана, может быть, незначительная, но поучительная операция - постановки оборонительных минных заграждений, описана с максимальной точностью, насколько это доступно одному человеку, хотя бы и использовавшему свои записки, архивные материалы и письма других участников.

Теперь взгляните, как те же факты (не только постановок, но и вопиющего вредительства) получили свое отражение в официальном научном труде.

Вот как слушатели Морской академии начиная с 1939 года, то есть девятнадцать лет спустя, могли ознакомиться с описанными выше особенностями минной постановки, выполненной на 12-футовом рейде.

Достаточно точно охарактеризовав обстановку и подробно изложив все цифровые данные (числа, тип мин, глубины, углубление и т.д.), Б.А. Денисов пишет:

«Заградитель («Фридрих Энгельс») не смог приступить к постановке сразу по приходе на рейд, так как состояние мин потребовало длительного времени для их приготовления к постановке. На приготовление мин ушло двое суток. Большое количество их было забраковано из-за технических неисправностей (этим минам был необходим ремонт и переборка портовыми средствами{45}»

Формально почти все правильно, в то же время - никакого саботажа или вредительства. Одно только не логично, на что автор не обратил внимания, - мины, «требовавшие переборки портовыми средствами» {46}, были засланы на сто верст к югу, к месту постановки, из того самого порта; который имел минную часть и мастерские с соответствующим количеством специалистов.

Еще одно место, на странице 41:

«Ввиду того, что в большинстве случаев мины ставились без якорей (на кошках или грузах по измеренной глубине), - вооруженные пароходы не имели минных путей, и мины сбрасывались вручную…»

И опять формально все правильно.

Но как сбрасывать мины вручную и что при этом испытывают люди, не сказано ни слова. Кое-кто из читающих может подумать, что это не сложнее, чем перебрасывать арбузы с баржи или что подобный способ рекомендуется учебниками или ПМС (правилами минной службы).

Проштудировав книгу Б.А. Денисова, я впервые понял, как война, операции, человеческий труд и трудности с течением времени часто получают сглаженную, смягченную окраску, в том числе в официальных изданиях, основанных только на архивных отчетах.

Денисов честно привел то, что нашел в документах, стараясь быть возможно более точным.

Его беда в том, что он не задумался над нелогичностью некоторых моментов и не попытался сделать более глубокий анализ, для того чтобы исключить или разъяснить имеющиеся противоречия.

Еще позже пришлось убедиться, что в некоторых особо острых случаях необходимых документов найти нельзя.

Этим поздним отвлечением я вовсе не собираюсь поставить под сомнение всю нашу советскую историографию или приведенную академическую работу. Отнюдь нет. Книга Б.А. Денисова полезна хотя бы тем, что она почти единственная так подробно освещает проблему использования мин во время интервенции и гражданской войны и приводит много фактических и достаточно точных данных.

Этим обращением я хочу только предостеречь от некритического отношения к различным историческим исследованиям и напомнить, что без слова живых людей - участников событий в виде ли статей или мемуаров нельзя получить достаточно полного и объективного представления даже об относительно недавнем прошлом нашего флота, армии и всего государства в целом.

2 апреля. В море (записано позже, днем).

Всю ночь у меня была одна забота: как бы не налететь на корму «Либкнехта» или не оторваться от него. Ведь это был наш первый выход.

Так называемое «совместное плавание» дивизиона эсминцев

является искусством, которое вырабатывается главным образом на практике. Не теория или инструкции, положенные в основу, имеют решающее значение, а опыт.

Практика усложняется, когда соединение состоит из разнотипных кораблей (неодинаковые циркуляции, число оборотов, характер дрейфа и т.д.).

А у нас не было и «инструкции совместного плавания». Выручал, очевидно, некоторый опыт, накопленный еще на Балтике.

Пол- луны, временами закрываемой облаками, помогала нашей учебе. До рассвета все обошлось благополучно, хотя по некоторым маневрам флагмана было ясно, что сам комфлот никогда не командовал кораблем и не представляет себе, как трудно выполнять некоторые эволюции по его сигналам.

«Расторопный» держится за кормой как привязанный. Молодцы.

По траверзу одно время стучали своими глушителями почти невидимые истребители, но потом куда-то исчезли. Очевидно, посланы в разведку.

На рассвете определились по маяку на острове Чечень, который был на пределе видимости. Не то его огонь горит (сомнительная любезность белых), не то отсвечивают стекла фонаря от показавшегося на противоположной стороне горизонта восходящего солнца.

Прибавили ход до пятнадцати узлов (корму трясет сильнее) и изменили курс ближе к берегу, - по-видимому, на Петровок.

Планов командующего не знаю.

* * *

На мостике появился озабоченный Лузгин. Утомленный, потный, но спокойный, хотя новости принес беспокойные.

- Нам еще долго идти? - спросил он.

- Чудак человек! Это не только у нашего комфлота - еще у белых надо спрашивать!… А в чем дело?

- Из Астрахани вышли почти без угля. На двенадцатифутовом нам дали только ползапаса. Но главное в том, что уголь оказался не флотский, мусорный, мелкий, почти штыб. Ребята в кочегарках очень мучаются, чтобы стрелку манометра на черте держать. Но половина угля, не спекаясь, проваливается под колосники. Расход - вдвое обычного. Хватит еще на полдня, если идти не больше двенадцати узлов. А потом - «стоп машинам»!

- Вот спасибо! Что ж вы раньше не доложили?…

Сигнальщики! Давайте «ратьером» на флагмана: «Расход угля оказался!…»

* * *

А в голове мысль: значит, до своей плавбазы под Астраханью вернуться не сможем! Что же будет, если не захватим до полудня Петровск? Хотел было поделиться опасениями с Калачевым и узнать, как у него, но потом вспомнил, что переговоры станут известны обоим командам, и воздержался.

Флагман ничего не ответил. Из чего понимаю, что он сам не в особенно лучшем положении.

* * *

Справа, на фоне освещенных солнцем склонов гор, которые все ближе теснятся к морю, в бинокль можно наблюдать, как «пылит пехота». На железнодорожных путях от Грозного составов почему-то не видно.

Отдельными колоннами с небольшими разрывами идет артиллерия, затем какие-то фуры, тачанки…

Вот она, знаменитая XI армия, форсировавшая плавни и камыши Терека, а сейчас - Сулака. Но, очевидно, голова ее - далеко впереди, а это главные силы и за ними - тылы.

Еще через час с «Деятельного» видны пригороды и белые кубики домов самого Петровска с маячной башней на выступе горного контрфорса.

Теперь ясно, что пылящая змея наступающей армии уже в городе, а так как отсюда не видно кавалерии и бронепоездов, надо думать, что передовые отряды прошли Петровск насквозь и, наверное, уже находятся на пути к Дербенту.

Показался мол.

Над районом порта держалась шапка разноцветного дыма, и с той же стороны все явственнее доносились не то орудийные выстрелы, не то взрывы (позже, по мере приближения, ухо могло различать трескотню пулеметных и винтовочных выстрелов). Однако видя, что армейские части продолжают входить в город походным порядком и не стреляя, - наконец догадались, что бой уже закончился, а в порту горят боеприпасы.

Флагман уменьшил ход, показав это шаром.

Затем последовал очень лестный семафор, от которого воротничок старого кителя стал немного тесным: «Деятельному»

выйти вперед и нащупать вход в гавань. Следую за вами. Комфлот».

Только заняв место в голове колонны, мы увидели то, что заслоняло корпус флагманского корабля: на подходах к гавани из воды в разных местах торчали стеньги, мачты или рубки нескольких затопленных судов. В стороне, на камнях, ближе к берегу, стоял двухтрубный миноносец, удивляя яркостью красной окраски, освещенной утренним солнцем.

«Нащупать фарватер»! Сказано лаконично, но совершенно ясно. Однако чем можно «нащупать» неприятельские мины, если окажется, что бело-английская сволочь успела набросать их во время затопления брандеров, - с военной точки зрения это было бы вполне логично.

Но раз с нами тральщиков нет, то ясно, что тралить придется собственным брюхом.

Как назло, море абсолютно пустынное.

Не могли же убежать, бросив свои дома, все рыбаки, лоцманы, моряки с мелких портовых средств и т.д. Очевидно, притаились от страха перед «зверствами большевиков» и из-за мола и портовых строений тайком наблюдают за нами.

Уменьшаю ход до малого.

По совету Снежинского поднимаем международный сигнал «ожидаю лоцмана».

Опрашиваю всех на мостике: кто здесь бывал и знает хотя бы обычный, мирный фарватер? Оказывается, никто.

- Тогда давайте карту и план Петровск-порта, будем думать хором!

Первое логическое допущение: там, где затоплены корабли, и должен находиться фарватер! Ведь цель затопления заключалась именно в том, чтобы запереть вход!

Второе: так как сыны Альбиона и просто сукины сыны удирали поспешно, то надо все время сверяться с картой и с глубинами (последовала команда: «Лотовые - на лот!») - удирающий всегда волнуется и мог потопить брандер не там, где запланировали операторы из штаба {47}.

В момент, когда Снежинский доложил (взяв предварительно два-три пеленга на маяк и на «огонь» на оконечности северного мола), что первый из затопленных кораблей лежит точно на фарватере, - сигнальный старшина указал на одну, а затем на вторую веху.

Вехи были «штатные», добротные и стояли там, где были показаны на карте. Как «в доброе старое время»!

Вот в чем сказался «дрожемент» прославленных мореплавателей: один брандер затопили точно (потом оказалось,

что и два остальных из четырех покойников лежали близко к фарватеру), но, закупоривая вход, забыли срезать штатную обстановку.

Таким образом, к обычным вехам прибавились дополнительные, по которым отчасти можно было контролировать «нащупывание» фарватера.

Не прерывая работу, мы изощрялись в иронии и издевательствах над представителями «владычицы морей» и их коллегами из белогвардейского штаба.

Спустили сиротливый сигнал с просьбой лоцмана и, чувствуя себя более уверенными, подняли довольно нахальный: «Следовать за мной!»

Пикантность сигнала заключалась не только в том, что сзади шло начальство, а главным образом в том, что с ним вместе оказались у нас на шкентеле флагманский штурман с помощником и еще корабельный, которые, не видя, что делается впереди нас, не рисковали командовать и давать указания.

С двумя лотовыми на банкете носовой пушки, которые были буквально рядом с мостиком, с двумя штурманами и двумя видами обстановки мы без Особого труда двигались ко входу в гавань-малым ходом.

Погода была идеальной. При полной видимости и слабом бризе нельзя опасаться потери места или сноса.

Оставался неясным вопрос о минах.

К сожалению, не очень прозрачная вода {48} и еще низкое солнце не давали возможности просматривать глубину, хотя расчет первой пушки с Гридиным во главе, стоявший здесь по боевому расписанию, пытался решить эту задачу, тем более что пока стрелять было не по кому.

Из общего впечатления об обстановке у меня создалось убеждение, что бывшие хозяева так торопились, что не успели набросать мин. Однако подобное убеждение нельзя считать достаточным в таком ответственном деле.

Зная, как трудно ставить мины вплотную к затонувшему судну (из-за трудности маневрирования), приказал рулевому старшине обходить покойников почти впритирку, лишь бы не побить и без того зазубренные наши винты.

Когда до входа оставалось не больше полкабельтова и последний «крест» (из стеньги и рея затопленного буксира), мимо нас с треском промчался истребитель с главштуром и еще другими командирами на рубке.

Напряженно разглядывая свой путь и проверяя его засечками и пеленгами по карте, мы не заметили, что флагман отстал, подозвал к борту истребитель, который ходил в разведку к острову Чечень (почему мы о нем забыли), и теперь послал его в порт.

Сперва мы по-мальчишески чуть не обиделись, но затем, когда катер, взяв со стенки двух мужчин с чиновничьими фуражками на головах, опять вышел к «Карлу Либкнехту», нас утешило то, что из миноносцев все же мы вошли первыми в Петровск.

Между последним брандером и углом мола оставалась только чистая вода. Я оглянулся на остов миноносца, стоящего на камнях.

- «Москвитянин»! Я его еще со времен Рижского залива знаю.

- Он самый! - отозвался с печальным вздохом старший рулевой. - А я его по прошлому году знаю… по форту Александровскому!… Но, кажется, мы за него расквитались…

- И еще заставим расплатиться с лихвой!

Трескотня от рвущихся патронов и редкие, но сильные взрывы раскаленных снарядов теперь были слышны почти рядом.

Сильный запах гари. Дым относит в сторону; видны догорающие составы вагонов почти у воды, но никто не тушит.

Главная стенка, за молом, абсолютно чиста. Можно подходить свободно.

Народ - за шлагбаумом и путями на мол.

На призыв рукой Гридина выбегают и охотно помогают заводить швартовы. Видно, что рабочие и рыбаки.

Вид смущенный, но радостный.

Итак, лозунг: «Даешь Петровск!» - уже устарел.

* * *

Разве знал кто-нибудь из нас, рядовых командиров миноносцев, что еще 17 марта В.И. Ленин послал Реввоенсовету Кавказского фронта, на имя И.Т. Смилги и Г.К. Орджоникидзе, шифрованную телеграмму, которая начиналась словами: «Взять Баку нам крайне, крайне необходимо…»

Нет, никто не знал.

Однако мы еще с Астрахани понимали, что освобождение Азербайджана, а следовательно, и Баку, и ликвидация бело-английского флота является главной стратегической целью для войск фронта и нашей флотилии.

Несмотря на огромное значение относительно внезапного занятия Петровска раньше, чем это предполагалось по оперативным планам, нас здесь ждали крупные разочарования:

ни одной тонны угля для миноносцев, а следовательно, и невозможность немедленной организации операции в направлении на Баку;

ни одного танкера для начала доставки нефти (из Грозного) «в Россию» ввиду того, что враги увели или затопили весь тоннаж, пригодный для этой цели.

5 апреля. Петровск-порт.

Теперь стало известно, что накануне подхода головных частей XI армии в город ворвались с гор те самые отряды революционных сил, организации которых мы обязаны Орджоникидзе и Кирову.

Вот почему город относительно мало пострадал, а враги не успели вывезти все свои запасы. Интендантские трофеи немалые и весьма кстати.

По той же причине не все, кто хотел, успели удрать. Скрываются по квартирам.

* * *

По приглашению Лузгина спускался в первую кочегарку.

Впервые в жизни увидел и понял в буквальном смысле старое выражение «подмести уголь под метелку». Кочегары, выбрав лопатами по углам и пазам все, что можно, сметали голиками в небольшие кучки угольный мусор и пыль.

Совещание на«Либкнехте»

У всех без исключения, даже у озабоченных штабников, новое выражение лиц и глаз. Победа и уверенность в дальнейших успехах меняют настроение, хотя трудностей впереди хоть отбавляй.

Комфлот только что появился, бодрый и возбужденный после переговоров с командованием фронта и ревкомом. Видимо, «моряки не подкачали», и с армией полная договоренность.

В момент, когда комфлот сел на председательское место (в кают-компании флагманского эсминца), к нему подошел наопер Лепетенко и молча протянул бланк депеши, демонстративно заслоняя телеграмму папкой так, чтобы никто не мог заглянуть.

Все навострили уши.

Комфлот потер от явного удовольствия ладони рук и спросил:

- Когда можем сняться?

- Сейчас на «Либкнехте» обмеряют ямы. Возможно, придется ограбить другие миноносцы… (Ехидный смешок командира «Деятельного» и смущенная улыбка командира «Расторопного».) Одновременно ищем в порту и на железной дороге. Если «Дельный» придет с полным запасом, то лучше взять у него, но его места пока не знаем.

- А как истребители?

- Сольем бензин со всех на одного. В лучшем состоянии «Зоркий». К утру армейцы обещают дать одну цистерну грозненского бензина. Поэтому, очевидно, раньше утра выйти не удастся.

Обстановка (доклад начштаба):

- Отряд Арского, по расчетам, начал операцию в Кизлярском заливе, но связи с ним пока нет.

Александровск-форт по-прежнему занят казачьими частями генерала Толстова. Там же часть вражеских кораблей. Состав их неизвестен.

Таким образом, мы преодолели условную линию Чечень - Александровский, южнее которой безраздельно господствовал англо-белогвардейский флот, если не считать прорыва блокады отдельными рыбницами (из которых часть погибла).

Решение:

- Комфлот с начштабом и начдивом на «Либкнехте» совместно с истребителями срочно (очевидно, утром) уходит к форту Александровский.

Туда же вызываются «необходимые» корабли и десант с 12-футового рейда {49}.

- Астраханский штаб по старому плану проводит операцию под командованием Арского (флаг - на крейсере «Каспий»), с десантом моряков - с целью захвата базы противника на острове Чечень и в Аграханском заливе. Однако теперь для Арского прикрытие с моря осуществляется само собой, нашим набегом на форт и занятием Петровска.

- В Петровске за старшего остается Славянский.

- Главная задача - добыть уголь для всего дивизиона (включая «Дельного») и оказать огневую поддержку передовым частям XI армии. Приготовиться к высадкам тактических десантов в тылу фланга белогвардейских войск.

- Организовать по требованию Военсовета XI армии переброску морем наших частей, наступающих на Баку (и их грузов), в связи с малой пропускной способностью однопутной железной дороги и плохим состоянием шоссе.

- Командир «Деятельного» (по совместительству) назначается начальником охраны водного района Петровской базы. Учитывая наличие у противника торпедных катеров, установить боны и режим плавания в пределах водного района, считаясь с интересами рыбаков.

- Кому-то (пропустил) поручены тыловые вопросы и перебазирование флотилии на захваченный порт, минуя ранее намеченную базу на острове Чечень. Последнюю использовать для размещения авиагидродивизиона. Все пригодное для флота перебросить в Петровск-порт.

* * *

Когда расходились с совещания, на горизонте показался «Дельный». При швартовке, отрабатывая не той машиной, он бушпритом снес ящики, тумбы и нескольких зевак.

В тот же вечер «Дельным» командовал т. Битковский.

* * *

На «Деятельном» собрал портовых чиновников. Вид

испуганный.

Когда потребовал представителей от рабочих и матросов, произошла заминка.

Еще не сорганизовались. Вернее, живут врозь. Администрация отдельно, рабочие отдельно. И своих и нас называют «господами» (через два-три дня все утряслось).

Один инженер из портовых мастерских начал энергично помогать, опираясь на двух старых мастеровых и такелажмейстера. Администрация постарше, не успевшая удрать, отсиживается по домам.

Самые главные удрали, прихватив кассу.

* * *

Запасов леса - никаких. Здесь это вечно дефицитная статья, а нам нужны срочно бревна для бонов.

Усилиями рабочих где-то нашли старые телеграфные столбы и разобрали какие-то сараи. В кузнечном цехе отковывают бугеля и скобы для крепления секций бона и большие шипы, чтобы английские катера с ходу не могли перескакивать через боновое ограждение.

Только сейчас, сидя с инженером над чертежами (его проект), понял, почему комфлот посадил меня на это дело. Очевидно, он вспомнил о моем участии в отражении налета британских катеров на Кронштадт 18 августа прошлого года, и, следовательно, я должен знать больше других, как с ними надо обращаться.

Как ни гонят все, кто участвует в постройке заграждения (включая и боцманскую команду «Деятельного»), раньше как через сутки готово не будет.

С 3 на 4 апреля (ночью, Петровск-порт).

Еще один урок политграмоты

За углом от ворот старой городской тюрьмы прямо на земле, вернее на камнях, - большое число трупов.

Сколько же их было, если с дальнего конца санитары давно уже носят на носилках?

Тошнотворно-сладковатый теплый весенний воздух кажется отравленным. Это ощущение настолько сильно, что преследует и чудится даже тогда, когда спустишься с горы и тебя давно обдувает чистейшим морским бризом.

И потому, что нет никакого боя, стрельбы, а фронт где-то за сотню километров, потому, что ярко светит солнце, что небо голубое, а между камнями пробивается молодая зеленая травка, -

эти груды трупов представляются настолько нелепыми, невероятными, что смотришь и не веришь.

А смотреть надо. И запомнить надо.

И при чем здесь фронт, если ближе всех к моим ногам лежит беломраморная женщина с грудным ребенком, прижатым к груди? И ребенок, и рука, и плечо рассечены одним ударом клинка.

Сознание подсказывает технику: сделано с коня, наотмашь. Но сознание не вмещает цель, смысл. Зачем?

Какой- то чернец из церкви (или монастыря), что примыкает к тюрьме, размеренным, тихим голосом в сотый раз рассказывает, что «при отступлении торопились… вагонов не хватало… можно сказать, уже часть города отрядом с гор уже занята была… да вот опоздали…».

Мимо него, прислушиваясь, но смотря на убитых, проходят медленным шагом, сняв фуражки или буденовки, железнодорожники, красноармейцы, бабы, подростки, моряки… Проходят, не проронив ни слова. Плачут украдкой, скрывая. Накануне, говорят, были душераздирающие сцены опознания родных и близких, а сейчас уже только «посторонние».

Но нет здесь посторонних!

Достаточно взглянуть на эти лица.

Когда спускался, с досадой подумал, что неплохо бы начальству взгреть коменданта города. Разве можно более двух суток оставлять трупы, да еще на пригревающем солнце?

Но потом осенило.

Можно! И даже нужно!

Не знаю, санитарных команд не хватило или сознательно, но то, что не меньше тысячи людей видели своими глазами зарубленных женщин и детей, - надо было видеть!

И мне надо было.

В порту встретил комиссара. Хотел избежать встречи, так как у меня была какая-то мелкая (нервная?) дрожь. Он сказал, что наши участвуют в наряде по подготовке братской могилы на площади и что от нас несколько человек пойдет в траурный караул, для салюта. Командовать будет Снежинский.

Кивнул головой: говорить не мог.

Какая гримаса судьбы.

На стенке в порту - не до конца сорванная прокламация ОСВАГа в рамке из национальных и георгиевских лент. Чей-то портрет с эполетами вырван, но осталось сообщение о победах на фронте и под ним… сообщение о «зверствах большевиков».

* * *

Комфлот ушел с опозданием - днем.

4 апреля.

Итак, мы остались одни, без начальства, ни получив твердое по цели и неопределенное по методу выполнения указание: «Добыть уголь во что бы то ни стало и к моему возвращению быть с полными ямами!»

После многих прикидок организовали три экспедиции.

Первая - с задачей тщательно обшарить торговый порт, железнодорожную станцию, все склады и пакгаузы, ведомства и частных хозяев и электростанцию.

Для того чтобы не возвращаться к печальным итогам этой экспедиции, можно сразу сказать, что, кроме нескольких мешков угля для портовой бани и кокса для кузнечных горнов, ничего найдено не было. Конечно, если не считать находкой несколько оплетенных бутылей со спиртом, зарытых в куче угольного мусора.

Вторая экспедиция имела маневренный характер. Облепив вооруженными матросами слабый паровоз порта, чудом сохранившийся после всеобщего разрушения драпающими белыми, эта партия двинулась по пути на Грозный на том основании, что кто-то где-то, пробираясь в Петровск, видел на одной из малых промежуточных станций штабель паровозного угля. Возглавляли экспедицию Снежинский и один из инженер-механиков дивизиона миноносцев, и им было наказано: без угля не возвращаться.

Не знаю подробностей этой экспедиции. Помню только, что после многочисленных приключений и трудностей она возвратилась в Петровск с двумя платформами плохого угля, когда мы уже обшарили «Москвитянина». Вслед за тем пришла одна баржа с топливом для миноносцев. Острая проблема была решена.

Более подробно хотелось бы остановиться на третьей экспедиции, организованной для разгрузки «Москвитянина».

* * *

«Москвитянин» сидел на камнях, погруженный почти по верхнюю палубу, но так, что кормовая надстройка и весь полубак были над водой, а через шкафут даже маленькие волны свободно перекатывались с одного борта на другой.

После зимних штормов его посадило всерьез и надолго, тем

более что из-за пробоин в корпусе все внутренние помещения были затоплены.

Когда подходили к миноносцу на шестерке {50}, то поразило такое противоречие. Обычно выброшенный на камни корабль представляет из себя полуразвалину из ржавого и искореженного металла. А тут перед нами стоял - с небольшим креном и дифферентом на нос - эсминец, вокруг дымовых труб и надстроек которого играли пенистые буруны, но сам корпус корабля (в надводной части) был в полной исправности и аккуратно выкрашен прекрасным суриком. Только не было пушек, торпедных аппаратов и всего рангоута с такелажем.

Спустя некоторое время мы узнали у портовиков, что на миноносце велись ремонтные работы и корпус почти полностью был приведен в порядок. Предполагалась буксировка в один из бакинских доков, но… «война помешала», как говорят штатские люди. В данном случае война ни при чем, так как шторм выбросил его на камни, что говорит о плохом наблюдении или излишней экономии на содержании боцманской команды.

Не помню, кому принадлежала идея сгрузить с «Москвитянина» уголь, тем более что в двух бортовых ямах, горловины которых были на верхней палубе (по бокам котельного кожуха), оказалось много хорошо перемытого, блестящего угля в мелких кусках, которые кочегары и шахтеры называют «орешком».

Одна беда - почти весь уголь находился под водой, все ямы были затоплены.

* * *

Закипела работа.

Набросились, как голодные. Работали с прибаутками.

Лопатами - в мешки, мешки - на шестерки, шестерки, обходя мол, - в гавань и далее перегрузка на корабль.

Но постепенно «бодреж» стал угасать, лица стали серьезными, вместо прибауток - проклятия и мат, потому что в начале апреля вода в Каспии даже на солнце далеко не теплая, особенно если надо сидеть в ней часами.

Когда сгребли верхний слой, дальше пришлось добывать уголь из-под воды.

В каждой яме по два матроса - сперва по колено, а потом по пояс - работали в студеной воде. А из-за бурунчиков, перебегавших с одного борта на другой, приходилось мокнуть с головы до ног. Вылезешь - ветерком пронизывает. С каждым

часом «добыча» угля становилась медленнее и менее продуктивной. Не хватало мешков.

Рейсы шлюпок в гавань и обратно не поспевали за работающими в ямах. Последних сперва сменяли через час, потом через полчаса, а под вечер - через десять минут. Уже многие сипели. У всех были синие руки и лица…

Невольно вспомнил, как в прошлом году «Кобчик» был послан по Неве в Ладожское озеро и, когда в Шлиссельбурге угля не оказалось, нам предложили топить угольные котлы - дровами.

Переложить колосниковые решетки было делом не очень сложным, но порт дал не «швырок», а здоровые поленницы, которые приходилось самим грузить с баржи и не только распиливать, но и раскалывать при помощи клиньев и кувалд.

Не рассчитанные на дрова котлы «Бабкок и Вилькокс» жрали их так, что авральным порядком команда круглые сутки занималась разделкой дров, а на порывистой ладожской качке это было исключительно трудным делом.

В довершение всего от сырости дров (которыми была завалена вся верхняя палуба) и от недостаточности опыта полного давления пара добиться не могли даже самые старые кочегары, и корабль «тилипал» не больше восьми узлов, а через сутки, израсходовав весь запас, приходилось возвращаться в базу.

Хорошо, что у противника не было на Валааме сильных кораблей.

Вот тогда можно было задуматься.

Что наши моряки отчаянные и смелые, знал и раньше. Но такого упорства, выносливости, стоицизма - не видел никогда, и хотя они называли разделку поленниц «каторжной работой», все же выполняли ее сами, не только без особых приказаний, но даже без уговоров.

Юденич последний раз рвался к Питеру, а белофинны ждали выгодного момента, чтобы ударить в спину. И вот в таких условиях именно эта разделка дров, требовавшая нечеловеческих усилий в течение длительного времени, показала еще раз на конкретном и наглядном примере, что значила для русского человека из народа - Октябрьская революция.

Ледовый поход был героичен, но он прошел на массовом подъеме, на общем энтузиазме, на глазах у всех. Пробивался сквозь лед флот в полном составе. А «Кобчик» выходил один. Это были будни. Команда только знала, что его сменяют сторожевики, которые работают в тех же условиях.

Сейчас в Петровске можно было наблюдать своеобразное повторение «каторжной работы» в виде добычи угля из ледяной воды, тоже без особых команд и уговоров, то есть

демонстрировался не боевой, а будничный, повседневный героизм красных моряков.

Общий порыв сорвал флагмех, который, стоя над одной из ям, неосторожно изрек вслух:

- Работали-работали, а хватит всего на один котел - часа на два или на три…

Никто не рискнул одернуть или что-либо скомандовать, когда безмолвно, все как один, побросали лопаты и мешки в последние шестерки и двинулись домой. Кроме того, все равно надо было кончать не только из-за холода и воды, но и из-за наступавшей темноты.

Кто- то, желая смягчить мрачную напряженность, сострил, что «все одно дальше работать можно было только в водолазных скафандрах», но никто не отозвался. А между тем остряк был прав.

Но работали не зря.

Честно поделив уголь (кроме «Дельного», у которого был свой), на двух миноносцах подняли пары в дежурном котле так, что действовали динамо, санитарные и пожарные помпы и т.д.

Ну, заодно и обогрелись.

А наутро при всеобщем ликовании на портовой стенке появился знакомый паровоз с двумя платформами железнодорожного угля.

Наши настолько вошли в раж, что сгрузили заодно и половину запаса топлива с тендера паровоза, несмотря на вопли машиниста и начальства.

* * *

Выставил пост на конце мола, нечто вроде береговой брандвахты.

Обслуживают сигнальщики и рулевые «Деятельного».

Пытался привлечь с других миноносцев - отказ. У каждого своих дел хватает. Вернее, не только своих, но и чужих. Пока, кроме трех миноносцев и двух истребителей, здесь больше никого нет.

Так и получилось, что всю охрану водного района обслуживает команда «Деятельного».

Пока все идет нормально только потому, что никакие суда или корабли не приходят и не уходят (иначе мы не успевали бы заводить и разводить бон на шлюпках; буксира не имеем); помогает хорошая погода, а главное, то, что не беспокоит противник.

Даже самолеты не появляются.

Между тем убежден, что враги знают, что мы одни и без угля, то есть беспомощны. Ведь помимо того, что не все подлецы успели удрать, бесспорно, что некоторые остались нарочно. Конечно, в замаскированном виде.

Ведь на их стороне вековая школа британской «Интеллидженс сервис».

* * *

Рыбаков пропускаем вплотную к молу, стравливая на грунт стальной трос, крепящий боны.

Самое несолидное - пропуска, выдаваемые атаманам баркасов. Это бумажки без штампа, скрепленные корабельной печатью.

5 апреля.

Днем состоялось не очень приятное, но очень нужное знакомство.

Не желая входить на корабль, некий товарищ в кожаной куртке и с маузером настоял, чтобы командир вышел наверх.

- Вы командир?

- Я командир!

- Пошли! («Волевым» тоном.)

- Это смотря куда!…

Товарищ в кожаном заметил, что этой сценой очень заинтересовались матросы и начали как бы невзначай тесниться к сходне.

Кто- то, дав подзатыльник салаге, громко сказал:

- А ну, давай за комиссаром… Живо! Пауза затягивалась.

Товарищ изменил тактику, бросил свой специфический тон и, дружески улыбаясь, сказал:

- Да тут совсем рядом. Товарищ Панкратов до вас какое-то дело имеет.

- Ну что ж, тогда пошли… Мне он сам нужен… Отставить комиссара!

Визитер остановился перед особняком, расположенным за каменной стеной, недалеко от главной магистрали, и сдал меня такому же кожаному человеку.

Где- то в глубине двора-сада мелькнул морской бушлат и исчез, а все остальные, кроме комендантской команды из красноармейцев, были в кожаных тужурках и таких же фуражках. Традиционный костюм или почти форма, родившаяся не более двух лет назад и которая безошибочно подсказывала, что здесь

помещается ВЧК или один из ее филиалов.

* * *

Панкратова я не знал. Слыхал, что матрос-балтиец, сменивший Атарбекова {51}.

С первого же момента встреча мне не доставила удовольствия.

За большим столом «буржуйского» кабинета сидел моряк в хорошо отглаженной форме первого срока и в фуражке. Несмотря на полуприкрытые ставни, ясно вырисовывалась на ленточке золотая надпись «Полтава».

- А! Старые знакомые! Помню, помню… лейтенант с «Петропавловска»? (Конец фразы звучал полувопросом.)

Развязность и дешевый прием для воздействия на психику {52} настроили меня на контратаку, поэтому я сел в кресло, хотя хозяин не предлагал, и в том же тоне сказал:

- Память-то у вас неважная, да и наблюдательности не много. Во-первых, мичман. Точнее, бывший мичман и теперь до гроба им останусь. А во-вторых, на «Петропавловске» отродясь не был… Не люблю линкоров… Я - с минной дивизии. На Балтике плавал и воевал на «Изяславе». А здесь - на «Деятельном».

Шеф особого отдела с некоторым любопытством посмотрел на меня и все еще суровым, но более деловым тоном постарался не выпустить инициативу:

- Какого черта ты здесь какие-то порядки заводишь? Пропуска в море выдаешь? Это чтоб к белякам удирали или к нам шпионов завозили?

- Обращайтесь к начальству. Не я себя назначал… Буду очень рад, если вы всю эту службу себе заберете. У меня своих забот достаточно.

Такой оборот был для него неожиданным и, судя по выражению лица, не устраивал.

Слово за слово - выяснилось, что он хочет (вернее, требует), чтобы охрана водного района отчитывалась перед ним.

- Я военный. У меня свое начальство есть. Так мы запутаем все дело. Берите себе рыбаков, но тогда отвечайте за корабли в случае налета английских торпедных катеров. А я на них насмотрелся восемнадцатого августа прошлого года.

- Почему так уверен, что рыбаки не сбегут?

- Пропуска даем только матросам или атаманам - рыбакам, раньше служившим по найму, а теперь организующим артели. Ни одному «хозяину» не даем. Кроме того, внутри артели установили

круговую поруку.

- Муть все это! Ну смотри, мичман!… Если хоть один сбежит, ты вмиг у меня в подвале очутишься!

- Там видно будет!

На этом мы расстались не в особом восторге друг от друга.

5 апреля. Вечер.

Знаем уже радиодонесение комфлота об удачном бое «Карла Либкнехта» с «Милютиным» и «Опытом» {53}, бывшем накануне, и о капитуляции форта после высадки десанта моряков - сегодня утром.

Итак, еще одна победа. Остатки так называемой Отдельной Уральской армии генерала Толстова взяты в плен (2 генерала, 77 офицеров и около 1100 казаков).

Фантастически звучат цифры трофеев, которые начинаются с «90 пудов серебра». Но думаю, что упоминаемые медикаменты для нашей армии и флотилии дороже серебра.

* * *

Заметно улучшился приварок.

Частично помогли интенданты фронта, а частично - из артельных сумм - прямо с базара.

Кончились «карие глазки».

И это тоже победа, резко улучшившая настроение, а главное, и работоспособность всех нас от салаги до командира.

* * *

Тут же надо не забыть записать факт, называемый «сужением желудка».

Выйдя в первый раз в город, многие из наших морячков устремлялись в кафе, рестораны и духаны (хозяева которых не успели удрать и торговали по инерции), чтобы наброситься кто на пирожные, кто на пирожки или шашлыки и прочие яства, о которых только помнили и мечтали в голодные годы.

В большинстве случаев кончалось конфузом.

Одни, насытившись первым пирожным, с грустью отворачивались и старались не смотреть на остальные, лежащие перед ними (и оплаченные). А кое-кто выбегал в гальюн… чтобы «съездить в Ригу».

Позже дивизионный врач научно объяснил, что это не патологическое, а временное уменьшение объема желудка,

который протестовал после длительной диеты против непривычной перегрузки. При этом флагманский эскулап утешал, что скоро втянемся. Он оказался прав.

Испытал на себе. Не мог допить первого стакана какао. Отяжелел, испарина, ощущение свинцовой тяжести в желудке и дурноты. От следующих витрин отворачивался {54}.

Невольно вспомнил, как три приятеля-гардемарина в 1915 году, сойдя на берег в Петропавловске-на-Камчатке, зашли в единственную в городе кондитерскую и для разнообразия попробовали местное пирожное. И хотя эти пирожные были не первой свежести, мы съели все, что было на прилавке, а затем потребовали все, что было на витрине.

Сначала хозяйка умилялась, потом ахала, а под конец расплакалась: «Да… боже ж мой!… Ежли б я знала, что такие гости будут, я б их… сотню напекла!»

А мы гоготали, когда вошедшие дружки из другой смены узнали, что все пирожные уничтожены.

Это было чистейшее хулиганство. Но технически (вернее, физиологически) оно стало возможным только потому, что мы были сыты вчера, позавчера и все предшествующее время ели вдоволь.

Голодавший остро один-два дня может съесть горы пищи. Голодавший год или два не может проглотить фунта. Наши моряки не голодали в буквальном смысле, особенно если сличать с гражданской нормой, но мы систематически недоедали начиная с зимы 1918/19 года и до Петровска включительно.

* * *

Утром сквозь «хмару» (полупрозрачная дымка, рассеянная до горизонта), которая, несмотря на яркое солнце, очень скрадывала видимость, с восточной части картушки показался приближающийся корабль.

Решили - комфлот.

Но через две-три минуты - боевая тревога! Озабоченный Славянский и командиры убедились, что это белогвардейский крейсер.

Трудно представить более идиотское и мучительное положение.

Даже не можем отойти от стенки!

Стрелять могла бы только кормовая пушка, но она не видит противника, который закрыт молом. Курсовой угол на противника 180 градусов.

Комендоры носовой видят, но стрелять не могут - мешает мостик. Кроме того, дистанция, пока не досягаемая для наших 75-мм.

Ослабляем швартовы и отталкиваемся футштоками, чтобы развернуть корабль лагом. Но в тот момент, когда мы ожидали первый залп противника, он положил на борт и на крутой циркуляции начал удаляться полным ходом, что видно по клубам дыма и белой полоске за кормой. Очевидно, рассмотрел в бинокль миноносцы.

Сперва ощущение облегчения: «пронесло»!

Потом ощущение неловкости или даже позора! Ушел безнаказанно!

Но он дурак. Знай наше положение, мог бы расстрелять нас в гавани, а он удрал.

Значит, миноносцы отогнали врага только своим «авторитетом», вернее - угрозой возможной атаки.

Дежурная рация на «Расторопном» ищет в эфире «Либкнехта», чтобы предупредить комфлота и направить его на пересечку.

Но из этого ничего не вышло {55}.

5 апреля (Петровск).

Сегодня утром интересный случай.

Когда- нибудь напишу рассказ, на старости лет, и назову его «Гофман выходит из подполья».

* * *

С палубы, в раструб переговорной трубы доносится:

- Тут до вас один гражданин в кепке… Говорит, с Балтики знает… Пустить?

- Пустить!

Медленно, грузно, солидно входит, вернее, втискивается в каюту атлет. Рабочий не рабочий, матрос не матрос. Не поймешь. Лапа - как тиски.

- Гофман. - Голос нарочито приглушен.

- Садитесь, Гофман. В чем дело?

- А у вас стамеска или отвертка есть?

Ничего не понимаю, но когда протянул руку к звонку на вахту, она вдруг оказалась припечатанной к столу.

- Нет, товарищ командир, так у нас не пойдет!… Ну, может, ножик какой в каюте найдется?

Гофман снимает грубый, но добротный ботинок, ножом отслаивает часть каблука и протягивает мне маленький прозрачный конвертик, сделанный из рыбьего пузыря.

Внутри - сложенное вчетверо удостоверение, написанное на шелковой материи: «Дано сие… тов. Гофману…» Подпись - Киров. Числа и месяца не разобрал, год 1919.

Пока рассматривал, Гофман кулаком, а потом ударами об палубу восстановил каблук.

Мелькнула мысль: а может, провокатор?

Но уж очень большим спокойствием и какой-то внутренней силой светился его взгляд. Кроме того, ничего не расспрашивает, а о себе сказал только, что «два раза переправлял рыбницы с бензином».

- Ну, а от меня что вам надо?

- Проводите к Панкратову и сдайте с рук на руки. И все!

- Так чего вы сами к нему не пошли?

- Чудак человек! (Снисходительный тон.) Так кто же меня без пропуска в Особый отдел армии пустит?… А я что, в комендатуре ботинки снимать буду?… Таким манером через десять минут все машинистки раззванивать начнут… А потом ты, - он как-то естественно перешел на это «ты», - Панкратова знаешь?

- Немного знаю, - ответил я, не сдержав кислой мины.

- Ну вот видишь! Я мог бы другой трюк придумать, да с ним может так получиться: сперва в подвал посадит, а потом разбираться начнет. А я такого задания не получал, чтоб у своих же в подвалах сидеть… Давай пошли! Я и так на тебя много времени потратил.

- Ну ладно, пошли. Только сперва - почему вы придумали трюк с «Деятельным» и какое время потратили, если мы всего пятнадцать минут знакомы?

- Дорогой! Да я второй день по порту и стенке хожу и приглядываюсь… Пожалуй, и о корабле и о командире больше тебя знаю.

- А если бы вахтенный задержал?

- Не задержал бы. Я пароль знал.

- Какой пароль?

- С Балтики! - сказал Гофман, смеясь, и подтолкнул меня к трапу.

Дежурному особисту я небрежно бросил через плечо:

- Этот товарищ со мной.

А для меня лично бескозырка с золотой надписью «Деятельный» служила бессменным пропуском с того дня, как я стал «начальником охраны рейдов».

Пока шли в Особый отдел, Гофман как бы невзначай спросил:

- На горе у тюрьмы не был? Советую взглянуть.

Панкратов выпроводил меня тут же, как только разгладил рукой шелковую тряпицу, не очень деликатно дав понять, что

остальное меня не касается.

Крепкое рукопожатие с Гофманом… и мы с ним расстались {56}.

6 апреля.

«Либкнехт» под флагом комфлота возвратился.

Комфлот буквально бегом отправился на телеграф.

Начинаю догадываться, что здесь где-то не только т. Киров и т. Орджоникидзе, но и т. Микоян и т. Нариманов.

Но все это где-то далеко от миноносца (в географическом смысле) и от командира миноносца или ОВРа (в иерархическом смысле).

* * *

Что- то неуловимо странное в поведении местных жителей. Не то боятся, не то рады, не то выжидают чего-то. Конечно, не все так. Рабочие порта, мастерских, грузчики и наемные рыбаки уже начинают к нам привыкать, чего нельзя сказать о других (чиновники, лавочники, ремесленники и т.д.).

Как чувствуют себя не успевшие спастись ханы, беки и «сыновья», можно только догадываться: сами они пока еще уклоняются от близкого знакомства.

Но вот неожиданно появляется разгадка причин своеобразного настроения местных жителей.

Если в первый день на стенке не было никого, то теперь - сотни любопытствующих. Если на второй день поставлена была цепочка дневальных, чтобы не подпускать зрителей вплотную к кораблям (причал чуть выше палубы; ручную гранату можно швырнуть в любой люк или иллюминатор), то скоро наряд сняли, так как не хватало людей, да и других работ и забот было много. Усилили верхнюю вахту (у дежурной пушки, сигнальщик на мостике, вахтенные на шкафуте и на корме).

Теперь зрители стоят, отступя два шага от края стенки, следят с нескрываемым интересом за всеми мелочами корабельной жизни и переговариваются со свободными из команды.

В числе других - фундаментальная баба. Не баба, а монумент. Степенно, с каменным лицом смотрит и безостановочно лущит семечки. Прислушивается к каждому слову, но сама молчит.

Ее «анкетные данные» определяются тем, что, прячась в складках нескольких нянькиных юбок, с еще большим любопытством рассматривает нас пара голубых глазенок кукольно-красивой блондиночки с громадным бантом в волосах.

Ребятенок чудесный, и ни один из матросов не может пройти равнодушно. Кто ей «кажет рожки», кто на губной гармонике старается выдувать «детские мотивы», кто зазывает на корабль. Но она, волнуясь и стесняясь, то заливчато и застенчиво смеется, то прячется, перебегая за спиной монумента с ее левого борта на правый, и прячет лицо в складках свисающего сверху громадного шалевого платка.

Не знаю, какая из нее вырастет стерва годам к двадцати, но сейчас этот ангелочек совершенно искренне радует суровый взгляд моряков. Одно смущает - девчурка слишком богато одета. Шелк, шерсть, гамашки, туфельки, бантики - демонстративно барские.

Ясно, что монумент - няня. Причем няня «богатых господ». В доме - «свой человек», тоже солидно одета. Это подкуп, чтобы от лентяйки и бездельницы добиться благополучия ребенка. Но одновременно это живая реклама при ребенке, назло соседним господам.

Вспомнили, что и вчера видели это сочетание монумента с херувимчиком, и поняли, что няньку посылают смотреть, слушать, наблюдать, нюхать… и докладывать обо всем. О чем говорит «красная матросня»? И все для того, чтобы сделать прогноз, надолго ли пришли.

Кто- то с борта спросил «в толпу», что за власть была в городе.

Величественная фигура, продолжая выстреливать шелуху и обойдя вопрос о наименовании власти (что определяло ее качество), сделав упор на статистику (то есть на количество), неожиданно изрекла:

- Девятая!

На борту - пауза. На лицах - недоумение и недоверие.

Откуда ни возьмись другая нянька, рангом пониже (то есть рангом хозяев) и другого темперамента, вдруг затараторила:

- Это ж как вы, милая, считаете?… Десять было!… А нынче, значит, одиннадцатая!

Недоумение слушателей возросло, и старушка, польщенная вниманием, сделала шаг вперед, стала в позу и, как бы полемизируя с царь-нянькой, начала быстро считать, демонстративно загибая пальцы к ладони:

- Комиссары были?… Были! Это тебе раз! Имам Гацинский был? Был!… Это тебе два! Бичерахов был? был!… Это три! Англичане были? Другой Бичерахов? Был! {57} Другой имам… обратно был?… Генерал Драценко…- И так далее.

Сейчас трудно упомнить всех, сама нянька сбилась со счета. Но когда все пальцы обеих рук были использованы, монумент,

уклоняясь от необходимости признать себя побежденной, примирительно резюмировала:

- Яким рядном прикроют, то и ладно!

Такой цинизм мог выработаться только у прислуги в худшем смысле этого слова, причем у прислуги богатых собственников.

Конечно, она бессовестно врала, эта лакейская душа. Далеко не безразлично было ее господам, какая в городе власть. Но богатство защищало их от эксцессов и грабежей при смене одной реакционной власти на другую. Такие - откупались или сами принимали участие в «карусели», заменяя одно «правительство» на другое, более выгодное. А вот от большевиков нельзя было откупиться, поэтому временами приходилось удирать или отсиживаться и маскироваться.

То, что для одних было «политикой», вернее, политической игрой, для народа было трагедией. Сколько пролито крови? Сколько насилий, арестов и поборов приходилось терпеть при этих сменах?

Только теперь стали понятны озабоченность и осторожность встречавших нас, даже бедных, людей.

Но на этот раз тетка явно заблуждалась. Притупилось чутье.

Не поняла она, что это не очередной переворот, а пришла народная власть - последняя власть. Причем пришла всерьез и надолго!

Интересно знать, есть ли еще такой город в нашей Республике, в котором власть сменялась более девяти раз?…

Чтобы не повторился печальный случай вроде вчерашнего, теперь у нас миноносцы дежурят по очереди.

Часовая готовность. Без увольнения. С «рцы» на ноке рея (а с темнотой - огонь). В общем, как «в доброе старое время».

Конечно, флагманский корабль освобожден. Кое-кто, одобряя дежурство, ворчит на отсутствие демократии, но я считаю, что в данном случае льгота у «К. Либкнехта» законная. Не может же флагман, бросив штабную работу, мчаться в море в случае появления очередного «летучего голландца» под андреевским флагом.

Плохо другое. Плохо то, что мы точно не знаем, кто еще бродит в море, а кто забился в Энзели.

Наша гидроавиация все еще в Оранжерейной, пока не захватим Чечень. А из дельты Волги «М-9» не могут обследовать весь театр, даже если бы имели настоящее горючее.

7 апреля (Петровск-порт).

В какой мере команда эсминцев уставала и устает, это мы, командиры, хорошо знаем. После «нечеловеческой» перегрузки с «Москвитянина» и аврала с железнодорожными платформами

сейчас тоже работенка изрядная, даже для сигнальщиков и рулевых, обслуживающих ОВР.

Однако нагрузка и напряжение - в пределах наших сил.

Тем более что харч улучшился.

Но вот сегодня утром пришлось случайно увидеть, как выматываются бойцы пехотных дивизий.

Идя по делу, поднялся на одну из продольных улиц, прорезающих полгорода с севера на юг.

Улица булыжная, тротуары из каменных плит, рельеф местности крутой, подстил не грунтовый, а скальный, поэтому не видно ни одной лужи или сырого места. Особенно в этот солнечный день. По этой же причине нет и пыли. Приятно глядеть.

Впечатление не просто чистоты, а как будто улицу вымыли и высушили. Яркие кроны молодой зелени и первоцветов из-за каменных заборов.

Но вдруг - вас приковывает на месте.

Вдоль всей улицы (немного извивающейся) лежат бойцы. Голова на мешке, упертом в основание забора или дома, тело на панели, а ноги над канавкой или прямо на проезжей части. Кто на солнечной стороне - на шинели. Кто на теневой - под шинелью.

Винтовки прислонены к стене, но не в козлах, а ря-дом с хозяином или даже в обнимку.

И так от края и до края, сколько видит глаз, по обеим сторонам дороги, а в середине - узкий проезд только в одну сторону, да и то не везде.

Полк спит; вернее, свален сном.

Спят глубоко, обстоятельно. Никто не поет, не играет, не говорит громко. Почти никто не курит. Сонное царство. Тишина.

В боковых переулочках, стараясь не шуметь, ординарцы с конями, или баталерка, либо дымят кухни.

А в одном дворе видно через открытые ворота, как, сидя на ящике, девица в очках, в буденовке и шинели, наброшенной на плечи, выстукивает на древнем «ремингтоне» какой-то полковой документ. И это самый громкий звук над спящими.

Привал.

Прямо на трассе движения.

Нетрудно догадаться, что объявленного времени подъема нет. Когда и куда пойдут дальше - тоже неизвестно.

Возможно, через час и, возможно, прямо в бой. Но что абсолютно ясно, так это то, что люди идут уже больше месяца.

Шагают по пескам, плавням, бродам, камышам и горам. По дорогам и без дорог. Иногда развертываются для боя, стреляют, идут в атаку и опять спешат, потому что революция не ждет, а

здесь революция еще не завершена.

Этим людям, смертельно уставшим, редко приходилось отдыхать и полностью высыпаться, а когда были короткие привалы, то они ложились либо на грязную землю, или на затоптанный и сырой камыш. Вот почему этот необычный бивуак как-то подтянул бойцов. Улицу по-хозяйственному обжили.

Кто не спит, - а таких единицы, - пришивает пуговицу, чинится или перематывает обмотки. Нигде никакого мусора, и ясно становится, что когда эта дивизия уйдет вперед, то на камнях не останется ни консервных банок, ни отслуживших срок портянок, с тем чтобы идущие сзади части, могли бы также отдохнуть на чистой улице!

* * *

Вот она - Красная Армия.

Вот ее замечательная XI армия.

Вдали от домов и семейств, пройдя походным порядком пол-России, рискуя жизнью, преодолев степи, которые иногда страшнее противника, идет с боями; вперед, чтобы по призыву большевиков и повинуясь интернациональному долгу освобождать народы Закавказья от контрреволюционного гнета и обмана.

Причем идет исключительными темпами.

Куда уж, если миноносцы не угонятся!

8 апреля (Петровск-порт).

Такая дивная погода, что нет охоты сидеть в каюте.

Перебрался с бумагами на мостик, где в штурманском столике (непочтительно именуемом «собачьей будкой») организовал канцелярию ОВРа.

Солнцем залитые горы (по которым стосковался: ведь я приближаюсь к родным местам); море - голубое и красивое, особенно по сравнению с астраханскими плесами; город - амфитеатром, нарядный и картинный в весеннем уборе зелени. Все это можно рассматривать бесконечно. Вспоминается киплинговское: «Ненасытны - рука обезьяны и глаз человека».

Но самое интересное - это жизнь на стенке. Товарищи по дивизиону, почти все занятые делом; городские бездельники и бездельницы, все более смелеющие; и, наконец, контакты той и другой стороны.

* * *

Особенно туго приходится тем, у кого каюты выходят на правый борт; из-за высоты стенки иллюминаторы упираются прямо в палы. Пропадает не только свет, но и движение прохладного воздуха.

Зато - нескончаемое булькание зажатой волнушки и неистребимый запах нефтяных остатков. Кстати, последний многих мучает, а для меня это приятный аромат детства, к которому привык с малых лет, живя с отцом на Апшеронском полуострове (в селении Романы).

Ловля наганов

С палубы «Деятельного» наблюдаем оригинальную картину.

По мере того как на основных портовых путях прекращались взрывы, несмотря на то, что обгоревшие и покореженные остовы вагонов продолжали еще тлеть и дымить, на уцелевших пирсах или прямо на камнях обвалившейся стенки начали размещаться своеобразные рыболовы.

Большинство ободранных, но в солдатской форме, причем эта форма имеет покрой и цвета различных наций. Не знаю, из каких армий они дезертировали, но по оборванным пуговицам и хлястику или шикарным желтым крагам на икрах босых ног безошибочно видно, что у нас хромает комендантская служба. В то же время ясно, что в управлениях личного состава генерала Драценко, русского полковника Л. Бичерахова {58} и в азербайджанских и дагестанских «национальных» полках служба кадров хромает на обе ноги. Тут, очевидно, уже никакие коменданты не справляются и даже Коран не помогает.

Дезертиры спозаранку, как заправские рыболовы, занимают облюбованные места (хотя из-за районов добычи иногда происходят дипломатические конфликты) и начинают забрасывать в воду свои удочки.

Такие «удочки» вижу в первый раз. Это длинный шкерт (попросту обычная бельевая веревка) с большим и тяжелым крюком на конце. Крюки разные. Не уверен, что они запатентованы, но владельцы их форму держат в секрете. Позже выяснилось, что есть крюки «на наган», а есть «на ящик» и др.

С завидным упорством владелец такой удочки забрасывает крюк возможно дальше (в день от ста до двухсот раз!) и затем медленно тянет его к берегу. Очистив крюк от типичного хлама, которым усеяны все гавани мира, рыбак, а вернее - «охотник за наганами», начинает все сначала.

Зубовный скрежет и убийственные взгляды соседей отмечают успех ловли, который бывает очень разнообразным, но зато и очень редким.

Лично наблюдал в бинокль, как появился на свет ручной пулемет Кольта, но тотчас таинственно исчез (очевидно, притоплен у берега), а удачник опять забросил крюк, как будто ничего не случилось.

За спиной ловцов горки трофеев.

Иногда это «цинк», иногда плоский ящик с патронами; когда ручные гранаты («лимонки»), когда пояса, кобуры или подсумки и многое другое, что котируется на черной бирже двух Местных базаров. Но если один из охотников неожиданно собирает пожитки и спешит исчезнуть, это значит, что ему повезло. Значит, у него под шинелью либо наган, либо кольт. Высшей мечтой является маузер или короткий карабин, не только потому, что «рыболов» готов сам иметь этот предмет первой необходимости в период гражданской войны, но главным образом из-за рекордных цен на рынке.

Каким же образом мокрый бог Нептун преподнес дезертирам этот морской клад?

От портовиков узнали, что погрузка эвакуируемого военного имущества сперва шла относительно нормально, хотя несколько ящичков грузчики намеренно обронили в воду. Затем, по мере нарастания угрозы попасть в плен, белое начальство не только убыстрило темп, но и сменило казенную номенклатуру, заботясь только о погрузке «личных вещей», а точнее - награбленного.

Англичане из «миссии» не отставали.

Были случаи, когда для освобождения помещений на судах само начальство приказывало выбрасывать уже погруженные ящики в воду. Оставшееся на стенке имущество было приказано подорвать и сжечь. При разлете ящиков от взрыва соседних вагонов часть уцелевшего оружия и «цинков» тоже летела в воду.

Так создавался этот необычный морской клад.

Почему же армейская комендатура или моряки дивизиона не реагировали на этот вид своеобразного самоснабжения?

Реагировали/

«Извещение» (приказ) коменданта, расклеенное в порту и на базаре, ушло на закрутки.

Облавы давали мизерный результат, трофеи таинственно исчезали («концы в воду»), а «бедный-голодный» дезертир сам просился на эвакопункт, откуда сбегал после сытного ужина.

Оцепление из-за сложного рельефа местности, заваленной искореженными вагонами и паровозами, потребовало непосильного расхода армейцев. Тем более нельзя было набрать с четырех миноносцев и двух катеров.

В конце концов установилось джентльменские соглашение, по которому ловцы сдавали властям патроны, гранаты, пакеты с

медикаментами… оставляя себе ботинки, обмотки, кожаное снаряжение и т.д. О револьверах и карабинах договаривающиеся стороны не упоминали вообще… Их никто не видел.

Впоследствии работники Панкратова ловили удачливых ловцов не на причале, не на рынке, а на коммуникациях между ними, и были случаи, когда для пойманных это кончалось концом. Прогулки без разрешения на револьвер, да еще иностранной марки, непосредственно в тылу действующей армии не рекомендует ни один закон любой страны мира.

Когда через неделю «Деятельный» вторично пришел в Петровск, открытая «охота за наганами» захирела и проводилась только контрабандно, по ночам, очевидно теми одиночками, которым терять было нечего.

* * *

К мостику (он же канцелярия ОВРа) подходит своеобразная делегация: старший (по возрасту) - комендор Зубков, которого называют «папашей», выдержанный эстонец Гертнер, а за их спинами - заводила.

Мрачный, как осенняя туча, подвигаясь боком и отводя глаза в сторону, за всех обращается Владимир Гридин. То, что докладчик забывает назвать мою должность, показывает, что он зол и разговор, очевидно, будет по душам.

В официальных случаях или когда он в хорошем настроении, Гридин начинает с бодрого: «Товарищ командир!» Надо отдать ему справедливость: этот жизнерадостный и смелый моряк почти всегда в хорошем настроении и умеет подбодрить, а то и рассмешить людей даже в тяжелые периоды матросской службы, но только - пока ему не наступят на мозоль.

- Ну как, командир, долго еще будем воевать, ни разу не стрелявши?

Все ясно. Заныла душа старого комендора, некогда обстреливавшего турецкий Зонгулдак, топившего фелюги, немало побившего белых на Волге… а теперь уже второй месяц надраивающего медяшки и откатную часть ствола до сияния. Заныла от профессионального безделья - других-то дел хватало у комендоров, как и у всех.

- Значит, «Либкнехту» цель нашлась? А нам нету?… Что с того, что у него «сотки», а у нас «семьдесят пять». Несмотря что флагман, а упустили… А мы бы - ни за что!

Даю ему выложить все, затем начинаю исподволь, переводя глаза с одного лица на другое:

- «Либкнехт» в бой попал не потому, что имел «сотки», а потому, что имел уголь. Это понимать надо! Пока что наша берет и без артиллерийских боев! Важно победить, а не пострелять… Или вы в претензии, что пятого числа крейсер упустили?

- Да нет!… Этот случай понимаем. Небось сам шестом нос корабля от стенки отпихивал! Но все же… так у нас в орудийных стволах скоро паутина заведется… как мы над минерами {59} за их торпедные аппараты смеемся!…

- Ну, Гридин, если у какой пушки заведется паутина (чего именно у Гридина не могло быть!), весь расчет отдадим в Ревтрибунал! Но, товарищи, даю слово командира: не закончим войну только на одних армейских пушках или пугая «их» четырьмя дымовыми трубами… Обещаю, что еще стволы разогреваться от стрельбы будут! Только бы пушкари не подвели!

- Тоже скажете! - уже совсем другим тоном закончил разговор артиллерийский старшина. - Да мы, товарищ командир, как в очко, куда только прикажете!…

Прав ли был командир, давая такое обещание? Конечно, это было неосторожно. Но некоторое знакомство с историей, некоторое - с жизнью подсказывало, что враг, прижатый к стенке или в угол, обычно или сдается, или отчаянно дерется. Как охотник (в том числе на кабанов в камышовых зарослях в Ленкорани и Мугани), я знал, что зверь, который обычно отходит, уступая дорогу, после ранения становится страшным и бросается на своего врага.

Сейчас происходят события иного порядка, и в частности по масштабу. Борьбой поглощена вся огромная Россия и ее соседи. Но много раз читали мы в «Известиях» или в «Правде» или слышали от докладчиков слова Ленина о том, что умирающий или сходящий с исторической арены класс никогда не уходит добровольно, что и приводит к ожесточению так называемой гражданской войны.

Сейчас белые загнаны в угол, в последнюю нору. Вряд ли они сдадутся доброхотно, особенно надеясь на помощь «всесильной» Великобритании. Будет еще драка! В Баку? В море? Или под Энзели? Трудно сказать, но будет.

Черт с ним, если ошибусь. Конечно, плохо, когда слово командира бросается впустую (не лезь в пророки!); гораздо важнее победить {60}.

8 апреля. «Стоячий клуб»

Как известно, во всех клубах мира сидят. Не знаю, возможно, есть такие, в которых лежат, не после возлияния, а, так сказать, по уставу.

Нам же, командирам дивизиона, удалось организовать в

порядке импровизации нечто вроде «стоячего клуба» на стенке северного мола, прямо против стоянки кораблей, - своего рода «клуб капитанов».

Сидеть было не на чем, да и незачем. Собирались в кружок иногда два, иногда три раза в день. Между делом, накоротке, чтобы обменяться новостями, обсудить события, посоветоваться, а то и просто побалагурить или позлословить.

Душою клуба был Бетковский.

Моряк торгового флота, мобилизованный в военный флот, он был полулюбителем, полупрофессиональным актером. Не знаю, как он играл на сцене, но в жизни роль отставного провинциального трагика Бетковский играл великолепно.

Иссиня выбритое нахмуренное лицо всегда с остатками пудры, с горькой миной и драматической полуулыбкой неудачника - таков внешний облик с первого взгляда.

Но как только «Беткач» открывал рот, от трагизма ничего не оставалось, на сцене оказывался остряк и балагур, о котором старпом с «Либкнехта» Б. Альбокринов говорил, что Беткач «осужден за выпивки и анекдоты на девяносто девять лет условно».

Сегодня затянули в клуб главарта Бориса Петровича Гаврилова и старпома с «Либкнехта». Нас всех интересовал первый в этой кампании артиллерийский бой. Причем не по официальной реляции, а как раз помимо нее. По той же причине организаторы сделали так, что не было А.А. Синицына, это было не трудно - он на правах флаг-капитана и старшинства держался несколько обособленно от остальных капитанов.

Вот что рассказал Гаврилов.

Почему- то решено было предварительно, «на всякий случай», осмотреть Красноводск, хотя для этого было мало угля и теряли время.

В середине перехода налетела «моряна». Начался шторм. Гаврилову приходилось на эсминцах этого типа ходить в дозор в Балтийском море, но таких кренов он никогда не испытывал. Почти пустые угольные ямы и крутая волна приводили к тому, что эсминец ложился на борт и долго не вставал.

Вероятно, комфлот из-за недостатка опыта просто недооценивал положения, однако удалось его уговорить отказаться от осмотра Красноводска и идти на норд, к форту… «Милютин» и «Опыт» открылись внезапно в темной части горизонта, уже на дистанции возможной стрельбы. Но на такой стремительной и сильной качке никакой сколько-нибудь приличной стрельбы невозможно было провести. Поэтому-то они и ускользнули!…

Послышались возмущенные голоса клубменов:

- Замазываете!

- Комкаете!

- Договаривайте!

В последующем пришлось вытягивать клещами каждое слово. Б.П. Гаврилов {61} был старшим по возрасту и «чину» среди присутствующих и считал неудобным рассказывать молокососам об ошибках начальства.

При этом выяснилось, что так как начштаб В.А. Кукель был артиллеристом, командиру «К. Либкнехта» также и, наконец, комфлоту не меньше хотелось блеснуть искусством ведения огня, то на мостике флагмана все оценки падения снарядов (по всплескам) делались хором. К сожалению, не все оценивали знаки падения одинаково, одни кричали «недолет!», в то время как другие - «перелет!».

Огонь «Милютина» был тоже беспорядочным, очевидно из-за качки.

Громкие команды Гаврилова об изменении прицела и целика не обсуждались, но все же рекомендации (под руку) делались…

В довершение всего после одного из удачных залпов сам комфлот громко вскрикнул: «Накрытие!» - а так как через секунду на силуэте «Милютина» обозначился клубок белого дыма, то вслед за комфлотом несколько командиров вскрикнули: «Попадание!»

Комфлот, очевидно предполагая взять противника, что называется, живьем, скомандовал: «Дробь!» {62} - хотя даже в этом случае не должен был сам ввязываться в управление огнем. Так и скрылись во мгле два вражеских корабля, причем один окутался белым дымом или паром.

Этот своеобразный бой длился более часа (с 17 часов до 18 часов 45 минут), темп стрельбы был очень медленным из-за сильного волнения. О преследовании не могло быть и речи хотя бы только из-за отсутствия угля.

Альбокринов, лично наблюдавший весь этот бой, совершенно категорично заверил членов клуба, что никакого попадания в «Милютина» не было, а клубок пара, выпущенный нарочито или случайно, был принят за результат накрытия залпом «К. Либкнехта».

Желая скрасить неблагоприятное впечатление, Гаврилов переходит на перечисление трофеев, захваченных на форту.

Но это не намного уменьшает критическое настроение капитанов.

В заключение старпом «К. Либкнехта» рассказал, что в каюту комфлота было принесено несколько ящиков с трофейными

револьверами и он тут же начал награждать (или премировать?) всех, кого считал отличившимся в бою с «Милютиным» или при захвате базы…

Все заговорили хором.

Шум стал достигать такого высокого градуса, что привлекал внимание как матросов, так и вольной публики.

Тогда Беткач, кстати единственный из командиров хорошо знавший Каспий и имевший знакомых везде, включая Петровск-порт, встал в позу леонковалловского Пролога и запел: «Синьоры!… Пролог пред вами!…»

Слушатели полагали, что это очередная забавная шутка бывшего актера, но оказалось иное. «Пролог» сообщил, что в городе застрял цирк-шапито, не успевший эвакуироваться вслед за белыми, которых обслуживал во Владикавказе и Грозном, а в последние дни в Петровск-порте. Директор, он же антрепренер, он же хозяин, успел сбежать, забрав кассу и не заплатив артистам за два последних месяца.

Артисты на мели. Бедствуют.

Сейчас с помощью политотдела XI армии им предложено сорганизоваться в артель и начать представления для обслуживания частей, проходящих через город.

Сегодня - открытие.

«Итак!… Мы начинаем!» - пропел Беткач и пригласил нас на представление.

Это было так необычно, что после предложения качать Бетковского (которое реализовано не было) все разошлись по своим каютам менять рубашки и надраивать пуговицы старых кителей и ботинки.

Вечером в «губернаторской» ложе (деревянный загон, обитый кумачом) в качестве почетных гостей оказались четыре капитана и флагспецы штаба. Старшим на рейде был Б.П. Гаврилов, каким-то чудом сохранивший до весны 1920 года крахмальный воротничок «старорежимного образца». Беткач сменил роль Пролога на Фигаро и, неоднократно скрываясь за манежем, периодически сообщал о предстоящих номерах, о фамилиях актеров, о биографии канатной танцовщицы и - что последним номером программы, когда разойдется народ, состоится ужин тут же, в ложе, с целью смычки флота с искусством. Программа ужина будет объявлена дополнительно.

* * *

Под традиционным, довольно бывалым (судя по заплатам) и

плохо обтянутым шатром горело несколько керосинокалильных ламп и под колосниками висел полагающийся реквизит (не успел хозяин прихватить).

Ни афиш, ни билетов. Вместо контролеров - комендантский взвод.

Цирк был полон. 90 процентов армейцев, 10 - моряков и полагающиеся по штату вездесущие мальчишки, пролезавшие через щели.

Курили злостно.

Публика вела себя не менее возбужденно и экспансивно, чем «гавроши», но исключительно благожелательно к артистам и принимала их восторженно и по-дружески.

Чего нельзя было сказать об артистах, скованных нелепым страхом за свое будущее.

Если наши бойцы несколько лет не видели настоящего цирка, то эти артисты никогда не видели «красную» публику, зато были слишком наслышаны о ней от белогвардейской пропаганды.

Часть актеров, с традиционным «рыжим» у ковра, для храбрости сильно выпила. Остальные хоть не прикладывались, но чувствовали себя очень стесненно. К сожалению, и из-за того, что хотели во что бы то ни стало показать свою лояльность… и не знали, как это сделать.

Когда один из клоунов неуклюже сострил насчет «севших орлом» генералов и настигающих их красных орлов, то было ясно, что эту же остроту он произносил тут же, на этой арене, две недели назад, но только орлом сидел красноармеец, а генерал взвивался ввысь и был белым как снег.

Скептически настроенный, я ожидал увидеть провинциальный балаган, особенно пересчитав состав оркестра из четырех медных инструментов и одного барабана. Но, к великому удивлению, труппа оказалась первоклассной.

Безупречной и тонкой оказалась работа с дрессированными лошадьми молодого и стройного наездника Алексеева-Жан. (Кстати, Беткач тут же рассказал, как наездник с тоской ожидал реквизиции лошадей или даже съедения их красноармейцами-татарами, а позже томился от горя, что нечем накормить «случайно уцелевших» прекрасных животных, пока один из конников XI армии, похвалив коней, не приказал интендантам снабдить цирк фуражом по высшей полевой норме. Алексеев-Жан теперь скорбел, что не успел даже узнать фамилию своего доброжелателя, который сейчас был уже далеко к югу, в передовых отрядах наступавшей армии.)

Запомнился изумительный молодой эквилибрист, который балансировал одной ногой, сидя на шестом или седьмом стуле,

под самыми колосниками, причем пирамида стульев строилась на высоком столе, а часть из них стояла на двух ножках.

Зрители замирали, боясь помешать труднейшему номеру, который (без лонжи) грозил переломом позвонков под тревожную барабанную дробь. И все как один, вздохнув с облегчением, бурно реагировали на счастливое окончание номера. Старый шапито сотрясался от оваций, гордо раздувая старый брезент.

- Тяжелый хлеб! - изрек красноармеец в папахе, который обкуривал с тыла нашу ложу махоркой какой-то смертельной марки.

Еще запомнилась молоденькая, изящная и чисто работавшая на проволоке девица почти что в костюме прародительницы Евы. Внизу ее ожидала строгая мамаша с халатом и, бережно закутав, уводила дочку с манежа. Позже один из комиков выдохнул вместе с перегаром:

- Верите ли, ни на шаг не отпускает! Что корнеты или ротмистры! Самому превосходительству не разрешила в гостиницу зайти…

Слабее всех были клоуны и остряки.

Как ни старались заправилы артели растянуть программу, все же ее хватило только на неполный час.

Однако зрители расходились очень довольные и полные новых впечатлений.

* * *

После финального парада началось паломничество актеров в нашу ложу.

Мы не скупились на комплименты.

В это время, загасив все лампы, кроме одной, и перебрав опилки на арене, конюхи развели в ее центре маленький, почти бездымный костер, после чего выпустили на манеж всех лошадей без всякой сбруи. Оказалось, что это подобие «ночного» - давнишняя цирковая традиция.

Одновременно в ложе очутились два составленных буфетных столика и - по волшебству Беткача - бутылки, консервы и буханки хлеба.

Этот «ужин с труппой» я не забуду, как не забуду представления. Однако если представление доставило большое удовольствие, то его продолжение смыло все хорошее.

Самая низкая и грубая лесть со стороны мелких членов труппы, мало заботившихся о том, чтобы скрывать то, что они несколько дней назад теми же штампованными фразами

обхаживали злейших врагов, оставивших у тюрьмы убитых женщин.

- Вы защитники нашего отечества! Родины! («Единой и неделимой» опускалось по цензурным условиям.)

- Вообще жизнь - игрушка! Все трын-трава! Давайте пить и веселиться! Не прикажете позвать хористок из кордебалета? (Последние выжидали, нетерпеливо выглядывали из прохода.)

Якобы оговорки по ошибке «господа офицеры» вначале делались нарочито, для пробы, и только после нескольких замечаний были оставлены. И удивительное дело, что эта мелкота, полунищая и презираемая своими «благодетелями», ненавидела нас, красных, и меньше примирялась с изгнанием белых, чем настоящие артисты и более культурные люди. Очевидно, это своеобразная разновидность артистического люмпена, который уже не мог и не хотел работать, привыкнув к паразитическому существованию. Слава аллаху, наряду с ними есть такие, которые поняли, что происходит, и жадно расспрашивают о цирке Чинизелли в Питере и удивляются, что он существует.

Разные они, артисты этой труппы, но единственно в чем единодушны, это в анафеме на голову бросившего их хозяина.

Ни свирепый аппетит действительно голодных артистов, ни пьяные слезы «коверного», ни тоска его коллеги по «настоящей публике» (которая сбежала) не произвели такого впечатления, как тот момент, когда я заметил, что один из артистов тайком набивает карманы кусками хлеба.

Застигнутый взглядом, он покраснел до слез, а я, покраснев не меньше, проклинал свою наблюдательность. За спинами других он извиняющейся мимикой и красноречивыми жестами показал вдаль, подняв два пальца, из чего ясно было: «Жене, в гостиницу».

Стало муторно на душе. Вижу, что и Калачеву не легче.

Когда Беткач, сбросив китель, неуклюже взобрался на спину отдыхающего и безразличного ко всему коняги и крикнул: «Не нахожу машинного телеграфа! Не знаю, как дать ход!» - его стянули два конюха явно цыганского вида, а сидевший рядом с Гавриловым пожилой, серьезный и с достоинством артист раздумчиво сказал:

- Вот так же, недели две назад, после представления, в этой же ложе ужинали с белыми офицерами… И капитан второго ранга (не помню фамилии) пытался забраться на лошадь…

- Помимо философской идеи, что история повторяется, вы хотите сказать, что нет никакой разницы между белогвардейскими офицерами и нами?

- О нет! Дай бог, чтобы эта «история» больше не повторилась. А разница значительная! Я бы сказал - разительная! Во-первых, вы и ваши друзья пьете настолько умеренно, что я вижу, до традиционной стрельбы по пустым бутылкам дело не дойдет. Во-вторых, несмотря на прямое предложение, выглядывания и привычную жестикуляцию самих хористок, вы отказались от «облагораживающего» дамского общества. Это настолько необычно, что вздумай наш недоброй памяти директор не приготовить к ужину парное число девочек, то, наверное, был бы оштрафован полицеймейстером («за антисанитарное или пожароопасное состояние заведения»)… Это назавтра, а на сегодня был бы бит по морде.

- Скажите, а почему вы не… не эвакуировались?

- Намечалось. Даже вагоны были обещаны, а помощник администратора даже успел выехать в Баку для разговоров о месте для шатра и о помещениях. Но потом, когда началась эвакуация, нас заставили давать представления до последнего момента, чтобы создать впечатление, что в городе все идет нормально, никакой эвакуации не предвидится… Затем в течение двух суток была невообразимая паника, и о нас, конечно, забыли. Директор хотел прихватить кое-что из реквизита, но тут уже мы не позволили… А теперь - спасибо вашему политотделу, одного названия которого мы так боялись. Сейчас мы зачислены в их ведение и на паек. Кое-кто из наших не понимает еще новой публики. Но я так скажу: настоящий артист не может выступать сознательно слабее или плохо только потому, что ему зритель не нравится. Это все равно что не уважать свою работу.

* * *

Возвращались в порт грустные.

Кто- то сказал, что не надо было оставаться на «ужин».

Мне же казалось, что надо. Надо смотреть и видеть все вокруг в переживаемое нами время, чтобы понимать жизнь и учиться у нее. Судьба цирка не случайна и дополняет картину отступления белых, вернее - картину их конца.

5 апреля (Петровск-порт).

Утро.

Передо мной сидит симпатичный, бедно, но аккуратно одетый старичок с чиновничьей фуражкой на голове. Когда представлялся тихой скороговоркой, запомнилось только, что он лоцмейстер 2-го не то класса, не то ранга, но главное заключалось в том, что явился «за инструкциями» смотритель здешнего морского маяка.

Он уже обошел немало начальства и армейского и флотского, но никто не знал, что с ним делать, и направлял дальше, пока он не уперся в начальника охраны водного района, а поскольку главштура Корсака налицо не оказалось, мне его дальше переправлять было некуда. И вот сидит этот скромный человек долга, годящийся мне в отцы и, очевидно, слишком много повидавший на своем веку, ожидая указаний, когда зажигать и когда тушить огонь большого маяка.

Как- то о маяке я забыл. Возможно, потому, что подходили на видимость порта уже засветло, в хорошую видимость и его огонь «Деятельному» был не нужен.

Вот и отсюда, с мостика, видна высокая красивая башня, стоящая на выступе холма, с широкой и светлой полосой, которая наносится поперек башни почти всегда, когда она проектируется не на небе, а на фоне вплотную стоящих высоких гор.

- А маяк в порядке?

- Как же может быть иначе? Извольте лично подняться и убедиться. Мы с женой да старый матрос-служитель вот уже поди который год в полной сохранности содержим… Но раньше из штаба его превосходительства господина контр-адмирала Сергеева всегда указания были, когда зажигать и когда тушить. А после ихней эвакуации так совсем не ясно. Отбывая, господин адмирал никаких инструкций не оставил.

- Ладно! О порядке работы маяка договоримся. Но вы сперва расскажите, каким образом уцелел фонарь и вообще все ваше хозяйство, когда здесь много раз сменялась власть и город переходил из рук в руки?

- В наружном остеклении и в куполе есть две дырочки, но явно от шальных пуль. Фонарь-френель первого разряда с керосинокалильной горелкой в абсолютной исправности. Извольте взглянуть, когда будете. А что касается до нас, смотрящих за маяком, то я так полагаю, что наши (он так и сказал - наши, без кавычек) и англичане понимали, что к чему, а вот дагестанцы там и прочие мусульмане, очевидно, маяк признавали как вроде святыню. Слишком их минареты напоминает… Это я позволил себе заметить, так как один имам,

осмотрев маяк после занятия города, приказал внизу караул из двух, так сказать, башибузуков с саблями наголо поставить и никого к маяку не допускать. Когда смотрел фонарь, бабуши снял и говорил шепотом. Благоговейно. Спросил, что надо. Говорю, горелка керосином чистым питается. Верите ли, через час бочку на арбе привезли, так - прямо скажу - керосин марочный, манташевский!

Я пришел в хорошее настроение.

Занятно. В других городах колокольни - это или наблюдательный пункт, или пулеметная точка. В результате кругом одни дыры от огня, а то и подорвана в основании. А тут прекрасная платформа для наблюдения в черте города и одна шальная пуля при смене почти десятка властей.

Этак и до башни «святого Френеля» можно докатиться!

Но шутки в сторону. Светить или не светить? А если светить, то когда? Даже телефона со стенкой нет. Наконец, мы завтра уйдем, кто «инструкции» давать будет?

Решение нужно простое и ясное.

Приказал: «Зажигать ежедневно, по нормам мирного времени, то есть от захода до восхода. Пока не будет другого указания».

Дал записку. Заодно чтобы включили на паек (без адреса, пока не появится первое начальство военного порта, а оно ожидается с часу на час).

Почему принял такое решение?

Ведь по маяку может определиться какой-нибудь «летучий голландец» из состава белого фронта? Может! Черт с ним!

Но дело в том, что из Астрахани мы ждем все флотское хозяйство, Десантные отряды И. Кожанова, мореходные канлодки и т.д. Так нашим маяк нужен каждую ночь, так же как и днем.

Пусть и светит. Ежедневно!

А если обстановка изменится, можно будет изменить и режим огня.

9 апреля (Петровск -

Чечень -

Астрахань).

Под самый вечер прибежал возбужденный механик, за ним комиссар, потом Снежинский, а дальше - в проходе и на трапе - не менее взволнованные остальные товарищи.

- Винты нашли!

Сперва я ничего не понял. Затем из рассказов наперебой, а временами хором стало проясняться.

Белые, когда драпали, в числе другого награбленного имущества не успели увести баржу с металлом, инструментом…

В том числе с несколькими новенькими запасными винтами от миноносцев типа «Деятельного».

- Конечно, эти винты им ни к чему, у них миноносцев нет. Но нам пакость сделать хотели и убыток, а себе бронзу на продажу заимели… Только бежали так шибко, что не успели прихватить на бакинский или персидский рынок…

Не верилось.

Во- первых, потому, что такой счастливый случай был почти невероятным. У врага в виде трофеев захватить свои собственные винты?! Такого не бывало!

Во- вторых, как могла баржа с винтами (явно астраханская), как она могла вообще попасть к противнику?

Видя мои сомнения и нерешительность, механик и вся его свита поклялась, что обмеряли втулки, что винты наши и обработаны «вчистую» - хоть сейчас ставь.

Разбирать, как и когда баржа оказалась у белых, не было времени. Я схватил фуражку и бросился по стенке к «Карлу Либкнехту».

* * *

Теперь комфлот слушал с явным недоверием, а я горячо и громко убеждал его, чтобы он отпустил «Деятельного» в Астрахань на смену винтов.

- Хорошо. Если действительно такое чудо свершилось, разрешаю вам «сбегать» в Астрахань и сменить винты. Но ставлю два условия… Вернее, два задания: во-первых, на смену винтов даю двое, максимум трое суток! И, во-вторых, по пути в главную базу обойти остров Чечень и Кизлярский залив и узнать о судьбе «Каспия», «Кауфмана», «Пролетария» и других кораблей отряда Арского, и если не поздно, то помочь. Они штормуют.

- Есть!

* * *

Очевидно, не сомневаясь в успехе моей миссии, Снежинский и Лузгин начали подготовку к перегрузке винтов на палубу миноносца при свете люстр.

Когда я пришел на корабль, баржа уже была у борта.

При помощи самодельной стрелы (на манер Темперлея), сооруженной из двух телеграфных столбов, боцман Немм, как истинный художник такелажного дела, погрузил на корму

миноносца два винта, подстелив маты и запеленав тяжелый груз, чтобы его не стрясло от вибрации или не смыло штормовой волной.

Какой- то бодреж обуял всех. Очевидно, у многих в Астрахани остались незаконченные дела. То же и на других миноносцах -до самого отхода от стенки через нашу палубу проходил поток желающих отправить письмо, пакетик или словесный привет.

Наконец швартовы отданы. «Деятельный» уверенно, как будто базировался на эту гавань несколько лет, выходит в море.

Надо торопиться. У нас времени в обрез, а может, и того меньше.

Есть особенное удовольствие в самостоятельном плавании. Вообще говоря, миноносец - существо общественное, обладающее стадным чувством. Поэтому обычно они ходят и воюют группами или соединениями.

В одном официальном руководстве, которое является сборником, сводом правил хорошего тона для миноносцев («как вести себя в компании с систер-шипами»), сказано: «Тактической единицей является группа из двух миноносцев».

Значит, единица из двух единиц.

И это бесспорный исторический факт, что «Дерзкий» и «Гневный» вдвоем загнали «Бреслау» обратно в Босфор, будучи даже вместе слабее противника; они попеременно атаковали с разных сторон, заставляя крейсер подставлять один из своих бортов, а между направлениями с него на эсминцы было около четверти картушки. А сколько раз при несении дозора, когда скисало радио у головного, донесение в базу давал концевой, приняв его по семафору. И, наконец, сколько раз в случае подрыва на мине одного эсминца («Орфей», «Забияка» и пр.) другой приводил его на буксире или, в худшем случае, подбирал людей. Подобных случаев очень много, так же как случаев расплаты за то, что в море высылался один миноносец.

И все же после совместного плавания исключительно приятно иногда побегать одному.

Почему?

Во- первых, потому, что нет начальства на мостике. Просторнее. Никто не подтягивает по мелочам; можно делать все что угодно.

Во- вторых, не надо поддерживать заданное число оборотов (эскадренный ход), не надо следить за строем, чтобы не налететь на корму головного, не надо никого предупреждать о поворотах и т.д. и т.п., то есть не испытывать большого напряжения.

И вот «Деятельный» один идет на север. Война не кончена. Чечень еще не взят. Где-то бродят белогвардейские корабли.

Поэтому вся служба несется по-боевому: усиленное наблюдение, полное затемнение.

Последовательно увеличиваем ход с тем, чтобы выиграть побольше времени на док. Однако старые винты протестуют, а новые (как бы распластанные на корме), несмотря на найтовы и маты, принимают серьезное участие в общем концерте дребезжащих и стучащих от вибрации металлических частей корпуса и вооружения.

Больше четырнадцати с половиной узлов не получается. И без того на корме можно объясняться только жестами, а при повышении числа оборотов более ста двадцати, помимо «дрожемента» в ногах, начинают щелкать челюсти и можно прикусить язык {63}. Но страшно не за целость языка, а за целость кронштейнов.

Наконец, есть веский довод, чтобы не очень торопиться. Осматривать Кизлярский залив можно только после рассвета, то есть не раньше 5 часов 40 минут (не считая периода сумерек). Поэтому нам нет смысла прийти к району поиска в темноте.

* * *

Независимо от того, что сейчас ночь, видно, как идем навстречу шторму. Небо впереди заволокло плотной облачностью, в кромешной тьме нельзя различить линию горизонта. Ни зги!

Сперва встретила нас зыбь, а через час - быстро нарастающий ветер, который все крепчал и принялся разводить такую волну с белыми гребешками, что скоро мы были мокрыми от брызг.

Миноносец начинает раскачиваться.

Я эти места плохо знаю. Снежинский, посмотрев на барограф в моей каюте, уверяет, что, очевидно, это местный циклон, который проходит стороной и нас задевает только краем.

* * *

Обходим, от греха подальше, отмели и банку на ост от оконечности острова Чечень. Тем более что вряд ли будет гореть маяк: ведь белые еще не ликвидированы на острове.

* * *

В ожидании рассвета на мостике состоялась дискуссия по вопросу о том, как винты миноносцев очутились в Петровске, поскольку вариант с участием Николы-чудотворца никого не устраивал.

Старпом В.А. Снежинский, который командовал «Деятельным» на Волге, не один раз видел баржу в Нижнем Новгороде и в других затонах.

- Мы всегда имели ее в виду. Особой надобности сменять гребные не было. Да и времени не хватало, а если случались передышки, то не было дока или баржа с винтами оказывалась застрявшей в другом порту. Так и подвигались к Астрахани, но именно там баржа исчезла из виду.

После обсуждения ряда умозрительных вариантов я лично пришел к убеждению, что баржа с винтами, приписанная к Петроградскому военному порту (что видно по бортовым литерам), скучала в недрах Астраханского филиала до осени 1919 года, когда срочно понадобились высадочные средства для выброски десанта моряков в помощь армейским частям, защищавшим район под Лаганью.

Относительно небольшая, но ладная железная баржа весьма подходила для этой цели из-за малых глубин. Ее разгрузили, оставив на пайоле бронзовые винты в качестве балласта.

Десант высадился успешно и слился с флангом армии, а вот уводить в Астрахань плавсредства, обмелевшие после спада воды, желающих не нашлось, и так как высадка производилась в районе театра, в котором хозяйничал бело-английский флот, то еще до ледостава они сняли баржу с отмели и в качестве трофея увели сперва на Чечень, а затем в Петровок.

Снежинский разрабатывал свой вариант «чуда с винтами», но наступление рассвета помешало ему. Поворот на запад - обходя далеко остров Чечень и не приближаясь к острову Тюлений - целиком отвлек внимание командира, старпома (он же старший штурман) и штурмана Буша.

Ветер крепчал; миноносец валяло с борта на борт. Пасмурно. Временами с неба брызгает, но заметно, как весь мрак смещается на OSO.

К нашему огорчению, именно здесь штатной навигационной обстановки не оказалось. Помимо маячной башни на острове Чечень, единственным ориентиром служил остров Тюлений. Из-за малого хода и свежего порывистого ветра увеличился угол и величина дрейфа, а еще через полчаса мы убедились, что влезаем в район критических для миноносцев глубин, хотя по карте здесь мог бы маневрировать настоящий крейсер. Отличительная, 18-футовая глубина, красиво нанесенная на карту, оказалась

ловушкой.

Что это? Понижение уровня из-за сгонного эффекта в результате шторма или результат увеличения отложений наносов из Терека, не отмеченный гидрографией?

Но для научно-экспедиционной работы времени не хватало. С лотовыми на крыльях банкета носовой пушки и с грязевым шлейфом в кильватерной струе, пробираясь почти на брюхе, «Деятельный» обошел южную часть Кизлярского залива, заглянув (издали) в Аграханский с таким расчетом, чтобы осмотреть в бинокли и дальномер {64} все берега и заметить наши корабли или место высадки десанта.

Попутно очень хотелось увидеть английскую авиабазу. При такой волне поплавковых самолетов бояться было нечего. Значит, они должны быть вытащены на берег. И если бы позволила видимость, мы смогли бы нанести на карту места построенных спусков (что нет ангаров, было известно от разведки еще с 1919 года).

Ни кораблей, ни самолетов, ни людей.

Не будь новых винтов, лежавших на палубе, я никогда не рискнул бы залезть в район таких малых глубин. Кроме того, неотступно преследовала мысль, что из-за поломанной шпилевой машинки нельзя становиться на якорь.

Выбрались мы благополучно, но задания не выполнили, никаких следов отряда Арского не нашли. Оставалась мысль, что он еще здесь не был и отстаивается на 12-футовом рейде, ожидая конца шторма.

Пошли дальше.

На этот раз я испытывал беспокойство больше, чем Снежинский. Мы приближались к минным заграждениям, поставленным моими руками. А надо сказать, что заграждение выглядит иначе, если на него смотреть с тыла, по сравнению с тем, когда приходится проходить через него с моря, не имея надежного определения места.

Все обошлось хорошо.

Нас встретил дозорный сторожевик еще до того, как открылся новый «маяк» в виде обгоревшей рубки и трубы покойного «Князя Пожарского». Затем постепенно вырос из воды тыловой город плавучей базы флотилии.

От командира сторожевика узнали (в мегафон) печальную новость. Арский выходил. Шторм разметал все корабли и транспорта, и в ночь с 8 на 9 апреля на «Каспии» выбило волной обшивку скулы, вследствие чего он затонул и перевернулся.

Ближе всех оказалась канлодка «Пролетарий», которая безуспешно пыталась подать буксир, но в итоге смогла только

подобрать из воды тринадцать человек.

Командира отряда - жизнерадостного Владимира Александровича Арского - и командира «Каспия» - сдержанного Евгения Ивановича Перетерского (который был старше и опытнее своего начальника), к сожалению, в числе спасенных не оказалось {65}. Это были два честных патриота, с Октября 1917 года бесповоротно ставших на сторону народа.

Личная храбрость и морской опыт обоих подсказали, что все возможное для спасения людей и корабля было сделано. Позже это подтвердили как спасенные, так и свидетели трагедии на «Пролетарии».

Почему же мы понесли такую потерю? Это разъяснили корабелы {66}. Оказывается, еще зимой 1918/19 года при вооружении ледокола «Каспий» двумя орудиями 100-мм и двумя 75-мм вызывала опасения прочность переборок, так как проект корабля не предусматривал его вооружения даже при мобилизации. В последующем «Каспий» из-за своих ледокольных качеств заканчивал кампанию позже всех и начинал раньше других. Многократные бои расшатали перегруженный корпус, который не получил необходимых подкреплений или даже ремонта.

Ослабление переборок и обшивки в сочетании с короткой и крутой каспийской волной, особенно на толчее, образовавшейся в Кизлярском заливе во время последнего шторма, привели в какой-то момент к столь неблагоприятному совпадению, что без заранее обнаруженной остаточной деформации корпус сразу начал разрушаться.

Но остров Чечень скоро будет захвачен. На рейде уже заканчивает снаряжение повторная экспедиция с «Пролетарием» и «Кауфманом». На последнем размещен матросский десант.

* * *

Захватив в каюту газеты, перекинутые с плавбазы, я впервые спустился в каюту на ходу миноносца и залег на койке, предоставив Снежинскому вести корабль по каналу, который он знал лучше меня.

Предварительно дали в Астрахань подробное радио о подготовке дока.

В течение всего перехода из медного раструба переговорной трубы докладывалось о кораблях и транспортах, шедших навстречу.

Это в Петровск! Как силы и тылы флотилии, так и «хвосты» XI

армии.

В добрый час!

20- 12 апреля. Астрахань.

Разговоры с докмейстером и инженером. Со мной - механик и боцман. От ячейки - И. Белов насчет мобилизации команды.

Доклад в штабе о походе и наших задачах, после чего «по требованию публики» - рассказ о первых операциях. Несмотря на то что здесь уже находится плененное воинство генерала Толстова, из Петровска до прихода «Деятельного» никого не было.

Узнал, что на подходах к Тюб-Караганскому заливу мой «любимый» «Карамыш» готовится выставить новое заграждение. Не зря ли?

Но штабники уверили, что нельзя рисковать. Будто есть сообщение, репетуемое из Москвы, что Фрунзе доносит об обстреле бело-английскими крейсерами железной дороги у Красноводска.

Встреча с Л. Рейснер

С Ларисой Рейснер я был знаком еще в Москве, когда она служила в качестве комиссара Генмора.

Зимой 1919 года, когда Ф.Ф. Раскольников убеждал меня ехать на Волгу, чтобы принять миноносец (а я, не веря в свои силы, соглашался только на должность «флагспеца по тралению и заграждению»), меня вызвали к нему на квартиру, где вместо служебных разговоров прослушал несколько интересных воспоминаний Ларисы о времени ее учебы в Мюнхене, где она с отцом была в эмиграции.

Я все пытался подвести разговор к операциям на Волге. Об ее личном участии в боях на миноносцах рассказывали легенды, иногда невероятные. Но хозяйка дома (и это было ее правом) упорно возвращалась к вопросам графики и показала мне изумительные работы Сергея Грузенберга (тоже мюнхенского периода).

Осталось впечатление об очень образованной, волевой женщине, к тому же очень красивой.

Затем две-три встречи в Астрахани, на докладах у комфлота. Теперь она была начагитпропом полиотдела флотилии и вместе с политотделом ожидала переброски в Петровск.

Имея поручение от комфлота передать Л. Рейснер личное письмо, я вечером направился к ней.

Первое, что мне не очень понравилось, - это атмосфера какого-то избранного общества, когда посланца ввели в царство хорошего тона, разместившееся в большой, роскошно убранной и явно купеческой гостиной. И если комната и обстановка служили

своего рода трофеем, оставленным удравшим богатеем, за стиль которого нынешняя хозяйка не могла нести ответственности, то состав компании, окружающей крупного политработника и жену комфлота, всецело определялся ее выбором.

Пять или шесть глубоковоспитанных дам восседали вокруг кресла той, которая сейчас являлась старшей среди равных, и трудно было поверить, что она наганом и конем владела лучше, чем вязальными спицами, и спокойно могла стоять на мостике корабля во время артиллерийского боя.

Еще раз я убедился, какой сложный человек был в этой оболочке {67}.

Все занимались «рукоделием», а одна из дам, помоложе, читала вслух какую-то книгу.

С моим приходом заведенный порядок был нарушен. Хотелось ограничиться ролью курьера, однако пришлось рассказать все с момента выхода в операцию с 12-футового рейда. Повышенный интерес слушательниц был естественным, все они были женами командиров, ушедших со штабом флотилии или дивизиона эсминцев.

По таинственному знаку хозяйки появился подносик с чаем, домашним печеньем и ломтиком подобия колбасы. Хорошо, что я имел небольшой тренинг в Петровске, поэтому не испытывал тошноты, когда уничтожал угощение.

Через минуту неприятно резануло другое. От имени комфлота доложили, что он ее ждет; уже приготовлена квартира сбежавшего контр-адмирала Сергеева.

- Как он не понимает, что я не смогу жить в этом доме и дышать тем воздухом, которым дышали наши смертельные враги!

Пафос и дрожь голоса от гнева привели в трепет всех дам. А я следил глазами за возмущенной женщиной, шагавшей с пылающими глазами из угла в угол, и не мог понять, насколько эта щепетильность является искренней… Ведь нынешняя гостиная тоже принадлежала не пролетарию. Не знаю, прасолу или рыбопромышленнику, но вижу, что миллионеру.

Чужая душа - потемки. А такой необыкновенной женщины - и подавно.

Через несколько минут морской фельдъегерь или дипкурьер забыл все сомнения и оценил остроумие хозяйки.

Остановившись против меня, Лариса Михайловна сказала:

- Спасибо за письмо, каптен! Спасибо за повесть о первых операциях… Вы интересно рассказываете. Будь у вас время - заставила бы написать в газету о случае с зарубленными у тюрьмы. Ну, да бог с вами… Меняйте винты, это сейчас важнее!… За отличное выполнение поручения вы награждаетесь… Ну, что

больше всего нужно капитану, несколько суток простоявшему на мостике? - Она оглядела своих дам, но те насторожились и не рискнули отгадать вслух. - Вы награждаетесь горячей эмалированной ванной с душистым мылом!

Это было неожиданно для всех и для меня. Это было великолепно {68}!

Комендант - картинный матрос с маузером - сделал кислую мину и, когда вел меня в ванную комнату, возмущенно ворчал.

Только сидя в мыльной горячей воде, в отличной «мальцевской» купели, я оценил жест хозяйки. Совершенно очевидно, что она сама испытывала это блаженство после длительных (и очень рискованных) скачек по калмыцким степям, с ночевками в грязных кошарах. После подобия душа на «Деятельном», которым было неудобно, а главное, некогда пользоваться, награда, полученная в виде ванны, воспринималась с благодарностью, как приятное с полезным.

Розовый и сияющий, как херувим, посланник опять предстал перед дамами, благодаря от души хозяйку, после чего произошел деловой, но неприятный разговор.

- Вот что, кэптен! Пока вы плескались, я решила идти в Петровск с вами на миноносце!… Тут Сергей Андреевич {69} готовит мой переезд на одном из транспортов, который пойдет дня через два, в составе конвоя. Но с вами я выиграю полсуток, а главное - тряхну стариной!…

После взгляда на мою недвусмысленную мину холодно и с издевкой:

- Или вы боитесь «бабы» на корабле?… Может быть, вы по понедельникам в море не рискуете выходить?…

- Ни понедельника, ни тринадцатых чисел и прочих примет не боюсь. Но, во-первых, я не имею разрешения командующего, а во-вторых, скажу откровенно, у нас в гальюне офицерского отсека - одно очко. И два пассажира - штабные командиры… Устали все изрядно. Думаю, что экстренный док обойдется нам еще дороже. Вправе ли я усложнять жизнь своих командиров еще больше? Поверьте, что одно дело идти в бой, а другое - быть только гостем. Последнее более обременительно.

- Ясно! Не продолжайте! Вы правы, я иду на транспорте.

По дороге на миноносец я вспомнил, как мне демонстративно твердо пожали руку…

- Спасибо за откровенный ответ! - Это было явно сказано для аудитории, шокированной моим отказом и еще больше грубыми морскими терминами.

Ссылка на отсутствие разрешения была явно несостоятельна: ведь речь шла не столько о жене комфлота, сколько о

начагитпропе. А что она стеснила бы нас независимо от пропускной способности гальюна - в этом я не сомневался.

* * *

Больше ничего об Астрахани не помню, так как больше на берегу не был.

Записал отрывочно кое-что.

Ясно, что теперь, когда мы стоим на подступах к Баку, здесь готовится огромный и сильный флот. Чуть ли не десяток миноносцев, столько же канлодок и сторожевиков. Но, к сожалению, никто из них еще не готов.

Комиссар в день выхода узнал в штабе, что остров Чечень захвачен. Подробностей еще нет.

* * *

В городе, на пристанях, заводах, базарах - новый тонус жизни… Еще нет привычного (огромного) потока нефти (хотя из Гурьева уже пришло два или три каравана); еще не увеличен продовольственный паек, но все на рейдах и в городе готовятся к перекачке нефтепродуктов для дальнейшего направления вверх по Волге. Баржи, буксиры, насосные станции, железнодорожные цистерны, баки… Все это огромное хозяйство как бы предчувствует приближение нефтяной волны, если не наводнения.

Кстати, сейчас, к видимому концу войны, часть миноносцев типа «П» переделывается на мазутное отопление. Но они не успеют.

Дорогу пробивают «угольщики».

* * *

И еще запомнилась тревога относительно Польши и отчасти Врангеля.

Но это - только в московских газетах и в высших штабах.

Для коренных жителей Астрахани и Врангель, и особенно Польша так далеки, а войной они сыты настолько, что не хотят и думать.

А жаль. Нельзя не думать. Это та же самая война, но с другого румба.

14 апреля (траверз острова Чечень).

«Пролетарий» и другие - на 12-футовом рейде, но мы визитов наносить не стали. Приемка угля с баржи - и в море.

Днем начали обход Кизлярского залива.

Еще издали заметили характерный корпус бывшего пассажирского парохода «Кауфман». Корабль как будто вымер.

Это вслед за десантом на берег высадились любопытные, все, кто мог, кроме вахты.

Узнали от командира, что:

английские самолеты улетели на юг еще до прохода миноносцев на Петровек;

улетая, летчики-офицеры (включая и англичан) выпустили авиационный бензин в воду;

пытались портить сооружения и спуски, но солдаты не позволили;

весь гарнизон без выстрела сдался десанту, так как по суше был блокирован XI армией еще с последних дней марта;

одиночки «шкуры» скрылись, очевидно присоединившись к «камышатникам» (в дельте Терека и Сулака), которые еще гнездятся в плавнях, но дни которых сочтены.

Печально, что наши гидросамолеты здесь не найдут горючего.

Но ничего… Грозный недалеко. Однако вряд ли поспеет с перебазированием Каспийский гидродивизион из Оранжерейной, чтобы помочь нам в операции на Баку.

15 апреля. Петровск-порт (вторично).

Самое приятное, что, несмотря на невозможность отбалансировать гребные винты на стенде (очевидно, было сделано в Кронштадте) и недостаток времени для проверки линии валов, вибрация от новых винтов почти не ощущается.

На участке траверз мыса Сулак - Петровск-порт начали повышать обороты, сколько позволяли три действующих котла.

Довели почти до двухсот оборотов, а это около восемнадцати-девятнадцати узлов. Жаль, что нет мерной мили.

Стоя над трапом лицом к корме, любуюсь ровной кружевной пеной кильватерной струи, которую прокладывает, как по линейке, рулевой Вася Кузнецов, артист своего дела. На Волге он не мог показать всех своих талантов.

Не знаю, комиссар ли или кто другой подсказал, но команда, как вызванная по авралу, почти вся наверху.

Чудный солнечный день, затихающая, очень пологая зыбь, горы над Петровском вдали и шипящая лобовая волна, убегающая от борта с такой непривычной скоростью. Какой моряк не залюбуется подобной картиной, особенно после многолетнего

голодания?

Механик Лузгин сияет. Так и должно быть. Золотые руки! Ему больше всех миноносец обязан, в том числе и сменой винтов.

Кто- то из машинистов, стоя у комингса машинного люка, показывает мне издали большой палец и кричит, улыбаясь:

- Как по маслу!

И действительно, что-то есть маслянистое в этой гладкой и глянцевитой зыби.

Но тут же, как сбавили ход до 12 узлов, случилось маленькое происшествие, которое могло бы кончиться большим несчастьем.

Я всегда запрещал опираться на леера, особенно на тросовые, которые на «Деятельном» тянулись почти вдоль всего борта. И всегда знал, что достаточно мне уйти или только отвернуться, как эта дурная привычка вступала опять в силу.

Только серьезный Немм, хороший боцман, старый моряк и опытный рыбак, сочувствовал моему упорству. Остальные, очевидно, считали, что это блажь бывшего офицера (в старом флоте строго грели за опору на леера, не думая о разъяснении причин), заботящегося о внешнем благолепии морской службы.

Вот и сейчас, пользуясь радостным событием, против машинного люка, с наветренного борта, собрался целый клуб, причем несколько человек облокотились задом, а двое даже сели на верхний леер из мягкого троса, оперев ноги на нижний.

Не успел я крикнуть, чтобы прекратили это безобразие, как внезапно, делая сальто через голову, два человека полетели спиной в воду.

Одна мысль - молнией: «Винты!»

«Право на борт!…» Из-за того, что я видел падение и стоял у штурвала хороший рулевой, - не запоздало. Снежинский, мгновенно поняв, в чем дело, остановил правую машину. И через минуту мы увидели две головы на пенистой глади воды, кипящей от отворачивающейся на циркуляции кормы.

«Человек за бортом!», сирена, остановка второй машины, начало спуска шлюпки и т.д. - все это запоздало. Ведь мы ни разу не тренировались, не делали учебных тревог.

Как всегда в таких случаях, все произошло абсолютно неожиданно.

Что их спасло? Все вместе взятое, но, очевидно, решающим явилось расстояние от места падения до винтов при данной скорости и изумительная способность эсминцев типа «Деятельный» слушаться руля. Если бы они сидели непосредственно над винтами или перед ними, то мгновенно были бы разрублены, так как в этом месте вода самими винтами втягивается под подзор кормы, а последняя не успела бы

отреагировать на положение руля даже у такого хорошо управляемого корабля.

Случайностью было и то, что я смотрел на корму и видел падение.

Я был взбешен больше, чем испуган.

Когда героев дня, принятых на шлюпку, подвели к борту и раздались первые поздравления «с открытием купального сезона», мне стоило колоссальных усилий, чтобы не сорваться. При виде физиономии командира наступила полная тишина.

* * *

Сосчитав до двадцати, «через нуль» {70}, я подозвал к мостику боцмана и громко, через его голову, сказал:

- Боцман! Объявите! Если когда-нибудь еще раз увижу сидящего на леере, то никакого взыскания не будет. Но даю слово, что такой липовый моряк будет в тот же день списан с корабля! А вам делаю замечание.

Леер существует для того, чтобы удержать падающего человека. На качке на него могут опереться не два, а четыре человека сразу. Трос, рассчитанный на несколько тонн, закреплен был гнилой шкимушкой, вы этого не досмотрели!

Старику было неприятно слушать выговор при всех, но возражать было нечего, так как с мостика было видно, что у кормовой угловой стойки возится его подручный марсовой, перетягивая леера и такелажную цепочку.

Что касается остальных, то я знал: выпасть из такого коллектива было бы для каждого не наказанием, а несчастьем.

Петровск- порт почему-то радовал, как родной дом.

На этот раз он был нарядный. Весь в зелени.

Встречает дозорный сторожевик. Совсем как в приличном военном порту.

Подходим к «своему» месту, но на этот раз не так просто: в гавани уж несколько канлодок и транспортов, которые пришли за время нашего отсутствия.

16 апреля (Петровск-порт).

Когда отоспался после похода, конечно, предварительно доложив в штабе и сдав пакеты и поручения, навязанные в Астрахани, в каюту заглянул комиссар и, оставив на столе три номера «Правды», посоветовал прочесть выступление Ленина на съезде трудовых казаков. Оказывается, эти газеты (от 2, 3 и 4 марта) в числе других, более свежих, находятся у нас на борту корабля с момента прихода в Астрахань, но были в тюках,

адресованных в походный политотдел в Петровск. Поэтому никто не удосужился пакеты вскрыть, и теперь мы получили «новости» на общих основаниях, но только еще на неделю позже.

Исключительно интересно неожиданно оторваться от ограниченных интересов корабля, дивизиона и даже флотилии и посмотреть вокруг глазами всевидящего Ленина на общую обстановку, на положение в нашей стране, на политическую картину мира.

Как понятны слова о «военспецах»; анализ причин, почему Красная Армия побеждала и побеждает. А разве не смотрит Ленин не только на север и на запад и Владивосток, но и на наш театр с грызущимися «союзниками» от контрреволюции, когда говорит:

«…А наши враги, бесконечно более могущественные, потерпели поражение потому, что между ними не было, не могло быть и не будет единства, и каждый месяц борьбы с нами для них означал распад внутри их лагеря»…

Но как- то неожиданно резануло:

«Война кровавая закончена, теперь мы ведем войну бескровную против разрухи, против разорения, нищеты…»

4 марта, мы еще только набирались сил в Астрахани и ждали ледохода, чтобы начать кровавую войну.

А мины? А взрыв «Пожарского»? Бой «Либкнехта» с «Милютиным»? Захват форта Александровского? Наконец, как же дальше с Баку и белогвардейским флотом?

Но потом подумал и… смутился.

Конечно, после того, как ликвидированы Колчак, Юденич, Деникин, Дутов, выкатились домой англичане и американцы с севера, французы - из Одессы, с Эстонией заключен мирный договор… Когда в итоге побед Туркестанского и Кавказского фронтов вся северная и средняя часть Каспийского моря и большая часть Кавказа очищены от белых и интервентов и остался один бросок на Баку - разве нельзя считать это концом войны? Особенно если вспомнить, что было еще полгода назад!

Вот что значит смотреть на мир только со своей колокольни. А ему из Москвы далеко видно, и, по-видимому, так оно и есть, что война против разрухи и нищеты - сейчас главная война.

Но это еще означает, что для успешной борьбы с разрухой и разорением мы должны в кратчайший срок покончить с белым флотом, выгнать англичан с Каспия, а танкеры передать освобожденному Баку для питания РСФСР нефтью. Вот что будет нашим вкладом в бескровную войну!

17- 25 апреля. Петровск-порт.

Прошла неделя, но такая напряженная, что не записывал. Механик бьется с ремонтом. Сделано много по мелочам, но

главное - шпилевую машину здесь починить нельзя.

Полная приемка угля.

Если не успеваю записывать, то теперь стараюсь просматривать «Известия» или «Правду», хотя они доходят до нас невпопад, а главное, с большим запозданием, и на каждый номер - очередь.

Отпали какие бы то ни было сомнения - в речи на съезде водников в Москве товарищ Ленин так уточнил формулировку того вопроса, который меня захватил больше других:

«…на фронте кровавом у нас борьба кончается, а на фронте бескровном начинается, и что тут не меньше нужно напряжения, сил и жертв…»

В этой формулировке помещается и XI армия с флотилией, и борьба с Врангелем. Но, конечно, война кончается. От нас зависит ускорить этот конец.

* * *

На очередном совещании клуба капитанов, после «самых свежих» анекдотов Беткача (часть которых была дослушана только из вежливости) и после доклада командира «Деятельного» об астраханских новостях и настроениях, возник интересный вопрос: в чем своеобразие нашего положения в войне с бело-английским флотом? Эта особенность могла бы всплыть в начале кампании или даже года два назад, но почему-то не фиксировалась ни в официальных документах, ни в частных обсуждениях. Сейчас вопрос возник не самопроизвольно, а в связи с попыткой анализировать случаи безнаказанного ухода «Австралии» от Петровска и «Милютина» и «Опыта» - от «Карла Либкнехта».

Кто выиграл, а кто проиграл?

Если на момент забыть о влиянии отсутствия топлива на результат первой встречи, что относится к области оперативной готовности, и оставить в стороне тактическую оценку боя 4 апреля, получается не так уж плохо, что нам не удалось их утопить, поскольку есть шанс рано или поздно все суда белых захватить в наши руки. И если не найдется фанатиков, готовых сражаться до последней капли крови, все корабли могут быть получены в целом виде, исправными.

Своеобразие обстановки заключается в том, что все боевые или транспортные единицы бело-английского флота, все до единой являются имуществом России, причем крайне необходимым для молодой Республики. Весь этот флот строился

и служил для перевозки нефтепродуктов из Баку, Петровска и Челекена в Астрахань и далее вверх по Волге для питания транспорта, электростанций и заводов, для освещения квартир и питания моторов огромного государства.

Ни англичанам, ни белым, собственно, не принадлежит ни одно судно (здесь они назывались «нефтеналивные шхуны»), буксир или баржа. Поэтому когда мы топим их (например, «Князя Пожарского»), то топим свои суда, как бы они ни назывались и под каким флагом ни ходили - андреевским или святого Георга. И, зная английские политические традиции, можно быть уверенным, что в Лондоне будут злорадствовать в любом случае, когда пойдут ко дну наши или вражеские корабли.

Черт возьми! Как-то это раньше не приходило в голову. Ведь в таком парадоксальном положении не находился ни один флот в мире. Из-за замкнутости театра и зависимости всей страны от подвоза каспийской нефти даже нет аналогии с положением в Соединенных Штатах во время войны Севера с Югом.

Дальше пошла разноголосица. Кое-кто из капитанов был склонен «проявлять осторожность» и не топить белые корабли без крайней необходимости. Что касается Калачева и меня, то мы стояли на крайней точке зрения: топить возможно больше и возможно скорее и тем самым постараться спасти остальные суда.

Как- то военное сознание не мирилось с возможностью воевать так, чтобы не повредить противника. А с другой стороны? Что, если часть утопим, а остальные будут взорваны в Энзели удирающими в глубь Персии белыми? Что даст такой финал государству, если останутся на воде только победоносные, но ставшие абсолютно бесполезными миноносцы?

Разошлись без единого мнения, с сомнением и колебаниями в сознании и в душе.

Поздно ночью, мучаясь на койке, вспоминая слова Ленина, наконец нашел решение, которое мне казалось единственно правильным.

1. При всякой встрече - беспощадный бой. Чем скорее, тем лучше. Топить на ходу, не задумываясь. Искать таких встреч с расчетом поколебать дух остальных врагов.

2. Одновременно стратегически стремиться всеми средствами заставить капитулировать врага: частными победами, отнимая базы, темпом операций, не давая передышки, все время ведя агитацию, доказывая бесполезность сопротивления.

На душе стало легче. Хотел вскочить и бежать в штаб. Но, взглянув на часы на переборке, смутился. Боязнь быть осмеянным (не дело командира эсминца лезть с советами к старшим, определяя линию поведения во время кампании) уложила опять

на койку. К тому же вспомнил, что сегодня в клубе был А.А. Синицын, - значит, комфлот знает, о чем шла речь: флаг-капитан обязан докладывать начальству, чем дышат командиры кораблей.

* * *

Пока у миноносцев суточная готовность.

Но канлодки и транспорта периодически выходят в море - к Дербенту и южнее. Это перевозки и их прикрытие.

В приморской полосе огня как будто нигде нет.

Наступила оперативная пауза.

Фронт фиксируется на границе Азербайджана, по реке Самур. Но сосредоточение и какая-то перегруппировка частей XI армии продолжаются.

Бои идут кое-где в горах. Собственно, не бои, а ликвидация контрреволюционных банд, пытающихся уйти на территорию соседа или в Грузию.

* * *

Кожановские отряды, оказывается, после успешных действий и занятия экспедиционным корпусом Кизляра оттянуты в Астрахань, приведены в порядок и теперь сосредоточиваются в Петровске, не сходя с транспортов. Один конвой «Деятельный» обогнал в море, когда шел в Кизлярский залив. Но головной отряд с самим И. Кожановым уже в Петровске, готовый в любой момент к высадке на побережье мусаватистов.

Где- то мой балтийский дружок Князев? Не ранен ли? Может, в последних эшелонах? Непременно зашел бы на миноносец. Интересно послушать одиссею их марша через степи.

* * *

Век живи - век учись.

Сегодня, проснувшись от резкого нефтяного запаха, выглянул в иллюминатор и ахнул. Стоим в сплошном мазутном море. Резко обозначена граница глянцевитого, еле колышущегося маслянисто-черного покрова, занимающего четверть гавани в районе стоянки миноносцев, от остальной акватории, на которой весело играет мелкая волнушка почти прозрачной морской воды.

Что за чудеса? Лопнул где-нибудь бак? Как это в пожарном

отношении, помимо того, что измажет все корабли и шлюпки? Никогда не приходилось стоять в сплошной нефти.

Хотя еще до ухода в Астрахань сдал охрану водного района, но совесть подсказала, что этим делом надо заняться мне.

Вызвал портового инженера, главного боцмана (который исполняет обязанности удравшего «капитана над портом») и брандмейстера. Они снисходительно улыбаются моей серости.

Оказывается, эта нефть была в гавани, по углам и под причалами, а с переменой ветра перешла к стоянке кораблей. Уплотнилась. Дело для них привычное.

Можно ли поджечь? Можно. При помощи пакли, смоченной в бензине. Но - если слой нефти достаточно толстый (от 5 до 10 мм) и если не пожалеть пакли и бензина. Количество последних зависит от температуры воды и воздуха, а также от состава нефтяных остатков.

Как бороться? Можно ждать перемены ветра, пока опять не унесет в другие углы. При благоприятном направлении ветра можно струей воды из брандспойтов и винтами буксиров выгнать через ворота гавани в море. Но только по ветру.

- Вроде как дворники мусор метут, - пояснил боцман.

Кроме того, можно, связав «запань» из плавучестей (столбов, бонов, запаянных труб), согнать нефть в подветренный угол и «запереть» ее в определенном контуре.

Изучив «розу ветров» на синьке плана порта, по совету опытных старожилов, оставил мазут в покое.

К вечеру он без нашей помощи куда-то мигрировал, как только переменился ветер.

* * *

Собирал комфлот.

Нам было разъяснено, что дивизион опять остается ударным отрядом и в то время, как канлодки будут поддерживать огнем фланг армии и высадку (или высадки) десанта. Миноносцы, маневрируя мористее, прикроют поддержку и десант. Наша задача - не пропустить противника к берегу на участке река Самур - Сумгаит.

Почему- то у капитанов настроение к «крейсерству», «поиску», к бою в море. Мерещится что-то вроде Ютландского боя на Каспии.

Наше счастье, что комфлот после своего злосчастного похода к Ревелю 26-27 декабря 1918 года {71} кое-чему научился, и хотя внешне такой же экспансивный и воинственный, но ведет себя

благоразумно.

И без того первые операции без угля (Петровск, Александровск) были более рискованными, чем можно было бы допустить с полноценным и активным противником.

Сейчас мы всей флотилией «привязаны» к флангу XI армии и оперативно зависим только от нее. И это абсолютно правильно при создавшейся обстановке. Однако, кроме как с Владимиром Петровичем Калачевым, который на «Расторопном» в походном ордере наступает мне на пятки, на эту тему ни с кем не говорю. Злятся. Не понимают.

Подозреваю, что не только печальный опыт сдерживает комфлота. Он днюет и ночует в Реввоенсовете XI армии. Там есть у кого учиться благоразумию в сочетании с революционной твердостью и целеустремленностью.

Ведь все вожди нашей XI армии - не только политические вожаки, но и боевые подпольщики и единоличные командиры отрядов и целых повстанческих армий, не раз лично бывавшие в боях. Кстати, Орджоникидзе, Киров и Микоян - все были в весьма рискованных переделках и на море, неоднократно прорывали английскую блокаду на рыбницах. А С.М. Киров в 1919 году фактически руководил отрядом кораблей под фортом Александровским.

Отеческое внушение таких людей комфлоту необходимо. Личной храбрости и пыла у него с избытком, так же как и честолюбия, а вот выдержки и опыта явно не хватает.

* * *

Что в Баку организованно готовится восстание, рядовые командиры не знали.

Догадывались, конечно, что чаша терпения азербайджанского народа скоро переполнится. Учитывали и сведения разведки об уводе английских полевых частей в Персию.

Но Реввоенсовет Армии, особенно после прибытия с юга товарища Микояна, конечно, не только знал о предстоящем восстании, но и помогал бакинским товарищам в его организации. Наконец, хотя до нас, командиров, не доходили документы, а центральные газеты попадали в Петровск с двух-, а то и с трехнедельным запозданием, все знали, что Ленин лично интересуется этим направлением и все время следит за ним, давая необходимые указания, несмотря на занятость и на то, что более значительная польская угроза росла с каждым днем.

* * *

Опять, как месяц назад, темп предстоящей операции был важнейшим ее элементом, хотя мотивы были частично новые.

Тогда шла борьба за упреждение в развертывании для последующего успеха прорыва блокады.

Сейчас - морская блокада прорвана; противник не ищет боя в море. Единство «союзников» - больше номинальное. Отдельные корабли сдаются. Захвачены три базы.

Но… общее материальное, численное и артиллерийское преимущество сохраняется за ним, так как для морского боя пока у нас все те же 4 миноносца, из которых три - с 75-мм пушками. И хотя есть признаки подрыва воинского духа у белых, все же беспокоит предположение, что в случае согласованного удара Пилсудского и Врангеля может опять набраться храбрости воинство «единой и неделимой» и, подпираемое англичанами, оно опять попытается «брать реванш».

Поскольку обстановка на суше кардинально изменилась (закаспийские области и Терек с Дагестаном стали советскими), серьезных успехов на море англо-белогвардейскому флоту добиться вряд ли удастся. А вот нагадить они и мусаватисты могут так, что страшно подумать.

Взорвать или поджечь нефтепромыслы и перегонные заводы, баки, трубопроводы, насосные и электростанции можно в кратчайший срок, а остальное доделает сама нефть и ветер.

Ведь относительно национализации всего этого хозяйства у Тагиевых, Ладаевых, Манташевых или Нобелей и им подобных никаких сомнений быть не может: они знали это еще из программы Бакинской коммуны. Вот почему, в бессильной злобе, они могут в последний час обречь на уничтожение не только Балаханы, Сураханы, Черный город или Биби-Эйбат, но и город Баку, что произойдет автоматически, в случае большого пожара. Это будет не только месть своим азербайджанским большевикам, своим рабочим. Нет! В еще большей мере это будет ударом по РСФСР, которой нужна братская дружба с народами Кавказа и крайне необходим бакинский бензин, керосин, мазут и смазочные масла. Причем можно предполагать, что уничтожению Баку вряд ли будут мешать или хотя бы протестовать англичане. Пока можно грабить Кавказ - они за сохранность этой дойной коровы. Но как только появляется угроза потерять, вернее, угроза захвата большевиками, - они не остановятся перед таким грязным делом, как не остановились перед подлым убийством бакинских комиссаров.

Вот почему хоть и по другим мотивам, но темп операции - главное.

Однако всем нам ясно, что дивизион эсминцев ничего сделать не может для предотвращения уничтожения нефтепромыслов. Возможно, придется воздерживаться от артиллерийского огня, чтобы не поджечь вышки своими снарядами {72}. Наше дело - боевые корабли или окопы и батареи на подступах к Баку. Нелегко и XI армии, - одна одноколейная железная дорога и плохое шоссе тянутся вдоль берега на протяжении 200-250 верст.

Много путевых сооружений (мостики, виадуки, водоводы, станции, водокачки), которые можно легко уничтожить артогнем кораблей. Берег достаточно приглубый.

В данных условиях нашим канлодкам, пожалуй, придется разгонять мусаватистские части, если они захотят цепляться за эти сооружения. Лишь бы не дали взрывать. Это значительно снизит темп наступления броневиков, бронепоездов и железнодорожных эшелонов. Однако в самом лучшем случае одно наступление со скоростью курьерского поезда не сможет спасти Баку от разрушения.

Значит?! Значит, успех сохранения ценнейшего народного добра зависит от успеха общего восстания всех рабочих. Только они, захватив ключевые позиции на каждом участке, каждом промысле, смогут не дать взорвать или поджечь вышки, станции и баки. Но если в это время не будет угрозы извне, то есть на оборонительных рубежах города и всего Апшерона, то мусаватисты смогут бросить свои войска на подавление восстания.

Итак: изнутри, с суши, и с моря!

Все это подтвердилось через несколько дней, когда Временный ревком первым же обращением по радио просил В.И. Ленина помочь восставшему народу Красной Армией.

26 апреля (Петровск).

Утром на «Карле Либкнехте» сигнал: «Миноносцам. Иметь четырехчасовую готовность».

После полудня: «Иметь двухчасовую готовность». Такая быстрая смена сигналов взбудораживала всех. С внешне равнодушным видом пробирались капитаны в штаб, чтобы узнать - когда, куда? Однако колдуны или конспирируют, или сами ничего не знают.

На корабле и, очевидно, на всем дивизионе настроение боевое, я бы сказал - драчливое.

Механик в окружении машинистов и кочегаров сидит на котельном кожухе, и вся компания хитро улыбается. Нетрудно

понять, в чем дело. Ясно, что главные машины прогреты и все механизмы опробованы.

Хотя преждевременное приготовление машин без приказания - такое же нарушение дисциплины, как если бы опоздали с готовностью, мне приходится делать вид, что не догадываюсь.

Иначе пришлось бы драить. Между тем это их начало в реализации лозунга «Даешь Баку!», и не время придираться, хотя такое нетерпение, возможно, обойдется в несколько тонн угля. Все зависит от того, сколько придется стоять до выхода в операцию.

Нежданная встреча!

На стенке по дороге в штаб встречаю Озаровского. Он в новом качестве - командир канлодки «Макаров 4-й» {73}. Стоит здесь. Пришел в наше отсутствие.

Оказывается, как только 12-футовый рейд остался в тылу, а после занятия Петровска и Красноводска вряд ли можно было ожидать нападения вражеских кораблей на рейды Астрахани, он добился назначения командиром на канлодку, уходящую для участия в операции против Баку.

Как это похоже на «Летучего голландца» (прозвище Н.Ю. Озаровского еще с гардемаринских лет) - променять должность флагмана на должность командира… буксира! Хоть этот буксир с гордостью и опасностью для жизни носит две 100-мм пушки и несколько пулеметов, он все же не смог полностью преобразиться в канонерскую лодку. Доказательством того, насколько две «сотки» ему не по плечу, является тот факт, что, несмотря на все старания корабелов и механика правильно разместить балласт, «Макаров» упорно валился то на один, то на другой борт. Так и ходит с креном.

Забавно и тревожно было смотреть на корабль, у которого ствол носовой пушки высовывался за форштевень и задевал за гюйсшток.

После печальной гибели «Каспия» я не хотел бы поменяться командирскими мостиками с Озаровским.

А он, как всегда жизнерадостный и веселый, был зачислен в капитанский клуб, где и рассказал подробности того, как ему на голову свалилось ведерко с краской при взрыве на мине «Прилива». Хохотали до слез…

* * *

В штабе, вернее - кают-компании «Карла Либкнехта», зарывшись с головой в карты и таблицы, которые сутки сидит

начштаб В.А. Кукель с главартом Б.П. Гавриловым, прикидывая тысяча первый вариант, что и где могут сделать наши корабли для непосредственной помощи (поддержки огнем) флангу XI армии. Не секрет, при взгляде на армейские карты, что в случае наступления наши главные силы будут продвигаться вдоль берега. Это определяется наличием дорог и местоположением главного объекта операции - Бакинского укрепленного района.

Очевидно, они же выбирают и места возможной высадки десантов Кожанова в тыл позиции противника и для удержания мостов и путепроводов.

Насколько неладно с информацией о положении на фронте, видно из того, что мы (говорю о комсоставе миноносцев) узнаем больше из газет. Наверное, в штабе есть сводки, но до нас они не доходят.

Тем эффектнее бывают выступления комфлота при сборе командиров.

Как всегда в подобных случаях, слухов и легенд - хоть отбавляй, и не всегда разберешься, где враки, а где факты.

Весь Северный Кавказ очищен от деникинцев, но пока еще почта и газеты из Москвы идут не через Ростов, а по-прежнему через Астрахань. Только так называемый «прямой провод» в Ставку и к Ленину, кажется, уже действует по кратчайшему расстоянию.

* * *

А.А. Синицын в клубе рассказал, что от «соседа», Реввоенсовета Югзапфронта, получена копия директивы, разосланной еще 7 марта с.г., об откомандировании из сухопутных частей всех моряков в г. Николаев для укомплектования морских сил фронта. Очевидно, речь идет о Днепровско-Бугской флотилии Лимана (Очаков) и Азовской флотилии (кажется, штаб в Мариуполе?).

Флаг- капитан с соблюдением всех внешних приемов конспирации (оглядка вокруг и переход на театральный шепот) сообщил также, что приезжал какой-то «вербовщик», чтобы сманить несколько командиров нашей флотилии, но что будто бы комфлот приказал его выслать обратно.

Директива подписана членом Реввоенсовета Югзапфронта товарищем Сталиным.

Третий раз эта фамилия привлекает мое внимание. Во время Октябрьского восстания и переворота мы в Гельсингфорсе знали только одно имя - Ленин, которое воплощало в себе все

руководство, командование вооруженными силами и направление восставшего народа, в том числе и революционных моряков.

Конечно, мы знали фамилии Свердлова, Подвойского, Крыленко, Антонова-Овсеенко и др., имевших отношение к флоту, но всех их заслонял авторитет одного имени Ленина. Сталин меня заинтересовал как нарком национальностей (когда я подумывал о поездке домой, чтобы помочь матери) и тем, что он оказался тифлисским семинаристом Джугашвили.

Далекие от партийных дел, бывшие офицеры флота впервые запомнили его во время подавления мятежа на «Красной горке» и после лестной оценки, которую он им дал в беседе с корреспондентом «Петроградской правды». Теперь его фамилия появилась в составе Совета смежного фронта.

27 апреля (Петровск-порт).

Сегодня через штаб впервые узнали (хотя ждали этого известия), что польское правительство, возглавляемое «комендантом государства» Пилсудским, начало большую войну против Советской России, даже не утруждая себя особенными дипломатическими формальностями.

Сошлись на стенке. Возможно, последнее сборище клуба командиров.

После разноцветного и густого мата по адресу шляхтичей, в котором не принимал участия только целомудренный и скромный Володя Калачев, было отмечено:

Общая печаль и досада. Еще одна тягота для молодой федерации. Срываются многие мирные начинания. Опять и еще - кровь и слезы.

Несомненно, что факт начала войны, время и направления удара определяет не Пилсудский, а французские или другие генералы недоброй памяти Антанты.

Также несомненно, что этот план как-то должен быть согласован с Черным бароном. Удастся ли им согласованный удар или нет - покажет время.

Вспомнили классическое положение из учебников (генерала Леера): комендант и барон занимают охватывающее положение, а РККА может действовать по внутренним коммуникациям. Это наше преимущество. У них - коалиция, за которой еще более сложная и пестрая коалиция (Англии, Америки, Франции и иже с ними). Но у Леера не сказано, что за нашей армией стоит стодевяностомиллионный народ. Вот в чем наша главная сила.

Вывод для нас, каспийцев? Бить крепче и скорее, чтобы покончить здесь вовсе и высвободить силы на Черное и Азовское моря.

Аминь.

Разошлись довольные собой, но озабоченные общей обстановкой.

На «Деятельный» прибыл смущенный С.А. Чириков, его флажок и еще один чин штаба.

Приказано разместить - на «К. Либкнехте» уже лежат «в три слоя».

Начальник дивизиона, пересаженный к нам комфлотом, смущен своей ролью и старается занимать меньше места и даже меньше говорить.

На «Расторопном» и «Дельном» такая же картина.

Уступил каюту. Все равно с мостика сходить не придется. К тому же теплая весна. Но самый факт, что все штабные товарищи лезут на головные корабли, хотя могли бы сидеть в Петровске или на канлодках, показывает, что они убеждены в легкой победе.

28 апреля - 1 мая.

Бакинская операция

Напряженность достигла предела, когда наконец под вечер на «Либкнехте» был поднят сигнал «буки», то есть начать движение. (Дать ход!)

Мы ожидали, что перед выходом будет сбор командиров для уточнения обстановки и задач. Сбор состоялся, но как раз без капитанов нашего дивизиона. В салоне одного из больших транспортов инструктировали артиллеристов канлодок (Гаврилов) и командиров десантных отрядов (Кукель, Кожанов).

Комфлот отсутствовал. Вероятно, в штабе фронта. Хотя, по слухам, Реввоенсовет XI армии с опергруппой штаба уже более суток находится далеко впереди.

Буквально за десять минут до «буки» начдив Чириков на стенке у сходни «Деятельного» и, как принято говорить, на ходу информировал командиров и комиссаров миноносцев о том, что, по сведениям армии, в Баку началось восстание! И что получено открытое радио Бакинского ревкома в адрес Лредсовнаркома РСФСР товарища Ленина с просьбой об оказании помощи и предложением братского союза.

Сигнал о начале операции был поднят еще засветло, как только за комфлотом, примчавшимся на армейском автомобиле, убрали сходню.

Выходили миноносцы «по способности» - из-за тесноты в гавани от множества кораблей. Но выходили сноровисто и, держась под машинами, за сторожевиком, стоящим в качестве брандвахты у конца фарватера, ожидали «Либкнехта», чтобы занять места в походном ордере.

Флагман, проходя мимо нас, опять имел на рее «буки», но теперь уже с позывными канлодок и транспортов.

Выходя в голову колонны, комфлот дал семафор по линии дивизиона: «Армия начала наступление. План операции остается в силе».

Никакого писаного плана или приказа на операцию мы не имели. Очевидно, речь шла о задачах, оглашенных на последнем совещании командиров в кают-компании «Карла Либкнехта».

Начдив, стоявший на крыле мостика, подтвердил мои соображения, но я замучил старика своими вопросами: «Почему не вышли раньше?…», «Не опоздаем? Не поспеем ли к шапочному разбору?», «Если план остается в силе - значит, дивизион идет не прямо в Баку (до которого двести пятьдесят миль и, следовательно, не менее пятнадцати часов хода) {74} и мы только собираемся занять место в завесе, на норд-ост от оконечности Апшеронского полуострова, чтобы прикрыть с моря продвижение армии и поддерживающие ее канлодки?…»

Начальство только поддакивало, кивая головой, очевидно не желая ввязываться в дискуссию на мостике, густо заселенном своими и гостями.

Хотя мы начали выход еще засветло, но, оглядевшись за корму, на задний створ, увидели, что симпатичный старикан смотритель зажег оба огня большого маяка {75}. Он как бы посылал световой привет миноносцам, уходящим в операцию. Что касается остальных кораблей, которые будут вытягиваться из гавани не менее одного-двух часов, то им маяк будет уже необходим - наступит темнота.

* * *

После длительной паузы, когда Чириков убедился, что все миноносцы заняли свои места, он заговорил шепотом, чтобы не слышали соседи по мостику. Оказывается, в последнюю минуту комфлот сообщил ему относительно предположения произвести высадку непосредственно в Бакинской бухте, если прорыв армии с севера будет задерживаться. Для этого выделено два самых больших транспорта, на которых размещены лучшие батальоны кожановского отряда. Самые боевые и вооруженные богаче других.

Места высадки начдив указать не мог, честно признавшись, что сам не знает. Да и комфлот сказал, что место и время десанта - «по обстановке».

Мне не надо было смотреть на карту: вспомнилось, как мальчишкой тормошил мать при поездках с ней из Тифлиса к отцу (служившему на нефтепромыслах в районе селения Романы),

чтобы не проспать станцию Аляты, после которой уже не отходил от окна вагона, любуясь открывшимся морским простором. В этом районе море подходит вплотную или отступает немного дальше, но всегда остается в видимости с железной дороги, а следовательно, и дорога просматривается с кораблей. Так обстоит дело на протяжении около пятидесяти верст. И это единственный путь из Баку в глубь страны, то есть для отступления в сторону Грузии.

Это было бы замечательно, если удалось бы перерезать линии отступления и эвакуации мусаватистов! Но у меня большие сомнения… Поспеем ли?

* * *

Погода благоприятствует. Слабый, неустойчивый ветер с редкими дождевыми шквалами, после которых отличная видимость. Волнение не более двух-трех баллов. Четверть луны. Заметно теплеет с продвижением на юг.

* * *

Отсутствие планов и приказов, соответствовавших последним изменениям обстановки, сказалось больше всего на миноносце «Деятельный», который комфлот превратил в эту ночь в посыльное судно. Наша джигитовка в темноте говорила о двух фактах: что события опережают планы и расчеты штаба и что комфлот, никогда не командовавший даже катером, не представляет, насколько это не просто - подходить кораблям друг к другу на ходу, ночью, без предварительной тренировки.

При комфлоте, несмотря на полнокровный штаб, помимо него, состояли колоритные фигуры на должностях «комиссара для особых поручений» и «комиссара по особо важным делам». В текущую кампанию это товарищи Авдонкин и Калинин, но кто из них «особо важный», я всегда путаю. Так вот, через два или три часа после выхода из Петровска последовал семафор: «Деятельному». Подойти к борту, принять комиссара Калинина, доставить пакетом головной транспорт десантом. Комфлот».

С этого момента все прочее улетучилось из головы. Меня охватило сильное беспокойство: никогда еще мне не приходилось выполнять подобного маневра. Но по тому, что командующий не уменьшил своего хода (14 узлов), мне стало ясно, что он сам не понимает, чего требует от подчиненного. Дальше я решил

командовать сам, передав ратьерам назад: «Выхожу из строя», начал маневр. Единственно, что благоприятствовало, - слабый ветер, и волнение, и четверть луны, часто закрывавшейся небольшими облаками.

Приблизившись с подветра к правому борту «Карла Либкнехта», я громко крикнул в мегафон тоном нарочито твердым и безапелляционным (хотя у самого, что называется, поджилки тряслись), сознательно игнорируя присутствие начальства на мостике флагмана:

- Андрей Андреевич! Если хочешь, чтобы у тебя уцелели стоики и шлюпбалки, прошу уменьшить ход до малого, точно следить за оборотами машин и держать строго по прямой, чтобы не каталась корма.

Как и ожидал, в ответ послышалось только звонкое «есть», переданное в мегафон Синицыным. Начальство благоразумно не вмешивалось.

Без подачи концов, на двойном комплекте кранцев, «Деятельный» осторожно прижался своей левой скулой к борту «Карла Либкнехта» (чуть позади его мидель-шпангоута), оставаясь к нему под углом 5-10 градусов. Скорость хода при этом регулировалась уже не телеграфом, а звонками.

Деталь, которую не учел. Подход с подветра на том же курсе привел к тому, что луна оказалась на одном пеленге с кормой флагмана. Выйдя из-за облака в момент сближения, она осветила намасленную стальную палубу «К. Либкнехта» в районе его машин, и отраженный блеск слепил глаза стоявшим на мостике «Деятельного» как раз в тот момент, когда надо было ясно видеть каждый фут, если не дюйм, борта флагмана.

«Век живи…» Без перемены курса головного корабля этого совпадения избежать нельзя было. Когда обнаружилось, уже поздно было менять курс, а кроме того, долго пришлось бы объяснять, что мне надо… Тем более что, в конце концов, луна больше помогла, чем помешала.

Как только Калинин перешел к нам на борт, остановкой левой машины, с рулем, одновременно положенным вправо градусов на 10, удалось отстать от корабля, к которому подходил, не прочертив своей скулой или штевнем вдоль его борта.

Маневр удалось сделать чисто только потому - не считая льготных условий погоды, - что не дал миноносцам прижаться бортами. [А что это опасно, крепко запомнил еще с 1915 года, когда, плавая гардемарином на Дальнем Востоке, видел, как «прилип» миноносец (типа «Точного») к борту вспомогательного крейсера «Орел» и не мог отделиться до полной остановки машин обоих кораблей. Но к тому времени из-за попыток

сманеврировать на ходу все ванты, штаги и шлюпбалки были срезаны, потянув за собой стеньги и реи (конечно, больше пострадал миноносец). Сконфуженное начальство не снизошло до того, чтобы разъяснить будущим флотоводцам, в чем суть происшедшего. Но мы сами горячо и критически разобрали по косточкам маневр обоих капитанов и после длительных споров решили: главное заключается в том, что внутренние винты, работая у обоих кораблей на передний ход, выгоняют воду из туннеля, образующегося между сближающимися бортами, что создает эффект присасывания, который и остается в силе до тех пор, пока взаимное положение корпусов кораблей и режим обтекания их водою остается без изменения. Пригодилось через пять лет!]

Самое глупое заключалось в том, что, выйдя из ордера миноносцев, мы не знали, где же искать Кожанова, к которому с пакетом направлялся мрачный и неразговорчивый Калинин.

Общими усилиями Чирикова, Снежинского и самого «для особо важных поручений» решили искать к северу от намеченной линии завесы миноносцев, сделав за транспорт его прокладку от Петровска и учитывая ход не более восьми-девяти узлов.

Нашли. И что странно - сразу и именно того, кого искали. При этом, хотя никто не делал никаких опознавательных сигналов, дело обошлось без салюта боевыми патронами.

Транспорт «Курск» оказался очень высокобортным, так что «Деятельный» стал вдруг казаться очень маленьким. Отмечено это было в оскорбительной и смачной реплике одного из десантников-кожановцев, который крикнул сверху:

- На миноносце! Подойди поближе, я тебе в трубу плюну!

Остряку заткнули глотку, но когда подошли к борту, оказалось, что действительно плюнуть можно если не с палубы, то со спардека.

На этот раз подходили с комфортом. Поднявшийся по штормтрапу штурман Буш привел транспорт в круиз той бейдевинд и, добившись от капитана самого малого хода, в дальнейшем следил за неизменностью положения судна относительно ветра. Это позволило «Деятельному» подойти с подветра борт о борт, подать один носовой швартов, остановить машины миноносца и заставить буксировать себя лагом со скоростью около трех узлов. Слово «комфорт» употреблено неспроста - с транспорта был приспущен обычный бортовой трап, и Калинин взошел на палубу как почетный гость.

Воспользовавшись удобным случаем, поднялся Чириков, а за ним и я, передав командование Снежинскому. Интересно было увидеть Ивана Кузьмича Кожанова. Но в роскошном салоне

бывшего большого парохода мы увидели Ларису Рейснер.

Холод в глазах и голосе ясно показывал, что мне не простили отказа взять на поход в Петровск. Как-то странной и неожиданной показалась эта демонстрация. Пришлось уйти. Но, перебираясь к себе, успел подумать, что ведь и на этот поход начагитпроп не попал ни на один из миноносцев. Значит, комфлот не счел возможным ни взять на «Либкнехта», ни навязать другому командиру… Значит, я был по-своему прав.

Ну, довольно об этом думать! Есть проблемы поважнее. К тому же если у меня оставался какой-то неприятный осадок после разговора в Астрахани, то сейчас от него не осталось и следа.

Через полчаса появился Калинин, и мы, как на катере, «отвалили» от борта транспорта.

Я был рад практике (тем более удачной), но, конечно, понимал, что роскошь такого сообщения между кораблями при наличии активного противника никто себе позволить не сможет. Даже для особо важных поручений.

29 апреля (в море).

Сознательно замешкался с тем, чтобы подойти на видимость дивизиона с рассветом.

Хотел занять свое место в ордере, но Калинин настоял, чтобы я передал его на «Карла Либкнехта», так как он должен сделать совершенно секретный доклад лично комфлоту, чего ни семафор, ни радио выдержать не могут.

Полностью повторил ночной маневр. На этот раз было светло. Не было уже ни лишних разговоров, ни волнений.

Больше того. Не знаю, надоумил ли кто или командующий сам решил, но после отхода «Деятельного» на фалах «Либкнехта» был поднят сигнал не то «удовольствия», не то благодарности флагмана «за отличный маневр». Очевидно, в назидание другим: ведь когда подходили вплотную, то же самое можно было передать голосом.

* * *

Интервал между кораблями увеличен до пяти миль (на широте Апшеронского маяка), я прилег на мостике и заснул мертвым сном. Потом чередовался со Снежинским за обедом и ужином.

Старик очень просил его включить в третью смену, но мы ему деликатно отказали и уговорили спать в моей каюте, пообещав докладывать обо всем.

Удивительно, до чего пустынно море. Никого!

Понятно, что белые днем даже с торпедными катерами не рискуют сунуться. Также понятно, что нет пассажирского или грузового движения. Война. Причем именно здесь война, в центральной части моря, - в данный момент все линии сходятся на Баку.

Но почему нет рыбаков? Нет катеров или баркасов, на которых спокон веков здесь осуществляется малый каботаж, включая и контрабанду?

Похоже, что все попрятались и притаились, ожидая исхода боев за Баку. Очень похоже, но тогда как же с секретностью операции, если все побережье знает? Впрочем, если восстание началось с 27 на 28 апреля, то, конечно, уже все знают.

* * *

Для меня срыв первой попытки в Астрахани ввести разводку на работы не прошел даром.

Хороший урок. Подумал… и придумал, как сманеврировать для пользы дела и в то же время не отступить.

В Петровске, не афишируя своих намерений, вечером вызвал в каюту комиссара, боцмана и механика, «чтобы поговорить, все ли у нас готово к новой операции…».

В следующий вечер обговаривали тот же вопрос расширенным составом, дополнительно пригласив «председателя комитета Ваню Беляева» (как его называют товарищи) и старпома. Никакой официальности. Так как в каюте не помещались, расселись в кают-компании. Начиналось с моего вопроса вроде такого: «Ну-с, товарищи! Как по-вашему, что надо будет сделать завтра с подъемом флага?»

Постепенно все втянулись и выдвигали предложения, а командир только поддакивал, давал советы или отклонял; в заключение подводил итог уже в форме задания.

По- деловому, непринужденно и, что важнее всего, без лишних слов проходили эти «военные советы». Народ деловой, сами знают, что требуется. Необходимо только их направлять и разрешать конфликты между «верхней» и «нижней» командой в случаях предстоящих авралов или привлечения к работам не по специальности. Постепенно круг вопросов расширился вплоть до дисциплинарных.

Как- то само собой все утряслось. Распорядок дня стал более четким, работы выполняются организованно; никаких споров и почти никакого уклонения от обязанностей.

Но, конечно, неверно, что все это сделалось «само собой». На

самом деле Ваня Беляев как вожак в команде разъяснил остальным большевикам необходимость выполнения очередных задач в определенные сроки, как было решено у командира, тем самым воздействуя через них на весь коллектив. Вот почему, когда старпом, механик или боцман вызывали с утра на разводку, никаких недоразумений не было или почти не было. Старый режим и Колчака теперь никто не вспоминает.

С выходом в Астрахань из Петровока и сейчас, на пути в Баку, такие «летучие» советы проводятся «накоротке» - на мостике или под ним.

Снежинский ругается. Ночью из-за крутых циркуляций и подходов к другим кораблям пришлось несколько раз убирать лаг.

Вензеля, которые выписывали в темноте переменными ходами, имея последнее надежное определение по Петровскому маяку, привели к тому, что наша прокладка за ночь имеет несколько деликатных пунктиров. Вызвано это тем, что ни разу не подходили на дальность видимости Апшеронского маяка. Неизвестно даже, горит ли он.

30 апреля (в море).

Перед самым рассветом комфлот сомкнул миноносцы и, обойдя далеко все банки и камни Апшерона {76}, последовательно поворачивая на зюйд, затем на зюйд-вест, наконец лег примерно в район устья реки Куры.

Намерение очевидное. Выйти на пути отхода, эвакуации или, вернее, бегства мусаватистов в Персию. Конечно, одновременно этот же курс пересекает путь белому флоту, если он вздумает идти на помощь своим далеко не дружеским политическим единомышленникам и союзникам. Впрочем, какие это союзники? Только ненависть к Советской России и страх перед Красной Армией и флотилией - вот и все, что есть у них общего. Впрочем, есть кое-что еще: безвыходность положения и очевидный скорый конец.

Однако размечтался.

На сегодня, похоже, пришел конец мусавату. Что касается белого флота, то с ним, наверное, еще придется повозиться.

А англичане? Ну, эти, как почти всегда на протяжении своей истории, в кусты, когда дело становится безнадежным, прикрывая свой отход трупами доверчивых наемников. Будут ждать благоприятной для себя обстановки. Но что-то мало шансов на новое «приглашение» в Баку, как это было в августе 1918 года, по глупости одних, политической недальновидности других, а главное - в результате предательства меньшевиков и эсеров, захвативших руководство Центрокаспия.

* * *

Опять горизонт чист. Никого.

Правда, периодически кто-либо из сигнальщиков, но чаще из пассажиров «открывает» на горизонте стеньги или дымки, которые с такой же быстротой исчезают. Это старая история, знакомая по опыту войны с немцами. Когда никто обстановки точно не знает, положение запутанное, а нервы напряжены - всегда мерещатся дымы, силуэты или стеньги, а ночью - огни, звуки выстрелов или шум пропеллеров.

Увы, никто обстановки не знает.

У нас - ни одного аэроплана. Ни у флотилии, ни у армии.

Выходя, не знали, где корабли противника и что они делают. То ли в Баку, то ли в Энзели, то ли в море. Тысяча предположений самого разнообразного характера.

Проделал опыт, которому научил в Рижском заливе летом 1917 года начальник 13-го дивизиона эскадренных миноносцев. Порознь опросил всех находящихся на мостике, как они оценивают обстановку, с тем чтобы найти золотую середину или даже если не средний, то наиболее убедительный вариант.

Бесспорного варианта услышать не пришлось, но итоги интересные… Высказаны такие предположения:

1. Белые, разграбив корабли и ценности, затопили флот в Энзели и пробираются по способности в Крым, чтобы продолжать борьбу вместе с Врангелем.

2. Белые, свезя часть пушек на берег, выставив мины и корабельный дозор, организовали оборону Энзели совместно с англичанами (а возможно, без них) и, убежденные в том, что мы не рискнем нарушить персидский нейтралитет, будут отсиживаться, ожидая исхода борьбы в Крыму и с Польшей; затем могут утопить или распродать государственное имущество, после чего растают, как растаяла армия Юденича в Эстонии.

3. Белые, развернувшись в районе Сара-Ленкорань-Кизыл-Агач, выжидают, когда мы втянемся в Бакинскую бухту, и, атаковав нас минными (торпедными) катерами, сомкнут огнем тяжелых калибров (6-дюймовых «Славы» и «Дмитрия Донского»); при этом «Карс» и «Ардаган» могут одновременно нанести удар со стороны города.

Самое замечательное в этом гадании на кофейной гуще заключается в том, что каждый из вариантов технически вполне возможен и выполним. Вероятность того или иного целиком зависит от состояния воинского духа.

Если англичане предали, азербайджанцы отреклись, а персы сохраняют вынужденный нейтралитет, то у «единой и неделимой» нет никаких шансов на успешное продолжение борьбы на Каспийском море. Немного погодя мы поменяемся ролями. Вся нефть будет у нас, а у врагов только то, что осталось в трюмах. Когда истратят, нигде новой не добудут. Да и все виды оружия и технического снабжения они получали через Батум. Что касается персидской территории, то через нее ничего доставлять не удастся. Наверное, самим англичанам теперь приходится туго без железной дороги.

Если боевое настроение команд и офицеров не подорвано, то их командующий или небольшая кучка авантюристов из числа офицеров, которым нечего терять, могут организовать операцию противодействия с некоторыми шансами на временный успех благодаря подавляющему численному и артиллерийскому превосходству их флота над четырьмя нашими миноносцами {77}. Но если даже им удастся помешать, то только на короткое время. По Волге спускаются три дивизиона миноносцев (причем один из них на мазутном отоплении).

Отныне у флотилии будет глубокий тыл и полное снабжение не только через Астрахань, но и через Северный Кавказ. А белые загнаны в крайний угол.

К сожалению, мы не знаем, какой дух у противника, какие настроения, а следовательно, какие могут быть планы контр-адмирала Сергеева и его штаба.

Вряд ли белые настроены очень воинственно после гибели «Пожарского», бегства из Петровска, захвата нами форта, после невозможности удержаться в Баку, ретирады в Персию англичан, перехода к нам двух в Красноводске и особенно после того, как белые узнали о всеобщем восстании в Баку.

Но я хорошо помню, как всего только один месяц назад (хотя кажется, что прошло полгода) враги пытались минной постановкой закупорить нас в дельте Волги и приводили туда же, помимо заградителя, свои «истребители» (то есть минные катера) для атаки кораблей Озаровского. А 12-футовый рейд отстоит от Баку на расстоянии 370, от Петровска - на 140 миль, в то время как от Энзели до нас (в данный момент) только 150 миль - столько же, сколько прошел «Князь Пожарский» с катерами до заграждения на Астраханском рейде. Если тогда у них была промежуточная база на острове Чечень, то сейчас есть возможность стоянки за островом Сара.

Лично для меня самым убедительным доказательством того, что враг не собирается сейчас нам противодействовать, является тот факт, что ни вчера, ни сегодня не появлялись его

гидросамолеты. Расстояния для них вполне реальные, а знание обстановки сейчас необходимо белым не меньше, а больше, чем нам. Между тем небо такое же пустынное, как море.

Почему? Опять кофейная гуща… Но очень важен самый факт, что воздушной разведки врага нет. Если в течение дня она не появится - значит, ни белые, ни англичане не могут ее организовать (или не хотят?).

Черт с ним, с этим гаданием. Буду исходить из худшего варианта, чтобы не просчитаться.

Интересно, как думают на флагмане? Судя по тому, что не поворачиваем к Баку и не снимается боевая готовность, очевидно, тоже исходят из возможности появления белого флота со стороны южной части картушки.

Но, может быть, «Карл Либкнехт» получил какое-либо задание с берега? Или сведения об обстановке на суше?

* * *

Вспомнил, как осенью 1917 года, стоя на якоре на рейде в Куйвасте, несмотря на исключительно сложную и запутанную обстановку, мы на эсминце «Изяслав» представляли почти всю картину высадки немецкого десанта и форсирования проливов в Рижский запив и Моонзунд только потому, что перехватывали все радиограммы, как открытые, так и шифрованные (нашего флота).

Вызвал на мостик старшего радиста.

Вид утомленный. На вопросы о том, что делается в эфире, получил такие ответы:

- Нас никто не вызывает… Белых слушать не удается. Еще в прошлом году пробовали. На берегу штабная - та записывала. Теперь она в Петровске. А у нас прием английских станций плохо получается. У белых сплошь английские приборы… Вообще эфир загружен, переговоров много. Красноводск говорит в открытую с Баку, Баку - с Петровском; еще какие-то. Но вроде как нас не касается. Опять же Тифлис мешает, не по-русски.

- Не любопытный вы человек! Ну, а с армией связаться можете?

- Никак нет! Может, на «Карле» документы есть. У него и радиостанция новее. А мы ни позывных, ни переговорных таблиц, ни их волн не имеем.

- Ну ладно! А «Карл Либкнехт» сам ни с кем не разговаривал?

- Говорил. Под утро с «Курском», по коду. Второе - позывные давал товарища Кожанова.

- Ну ладно! Можете идти. Если что будет, доложите.

- Есть.

* * *

Вот самое слабое место флотилии.

Что командиры миноносцев не знают, как развиваются события вокруг и внутри самого Баку - это еще полбеды, но похоже на то, что и комфлот не знает. А ведь мы, по плану, должны действовать согласованно с XI армией!

Боюсь, что опять, как это бывало не только здесь, но и на Балтике, о кораблях забыли. Значит, они пока не нужны. Совершенно очевидно, что если мы не знаем, где армия, то армия не знает, где мы.

«Где- то в районе Баку!»

Хорошо, если хорошо кончится. Иначе не избежать взаимных упреков.

* * *

Почему не цукаю сигнальщиков или пассажиров, когда им мерещатся корабли противника «за горизонтом»? По той же причине, по которой, резюмируя обсуждение обстановки, громко останавливаюсь на мрачном варианте встречного боя, хотя в него не верю.

По личному опыту знаю и всегда помню то, что другие иногда забывают. А именно, что от сигнальщиков и рулевых команда узнает абсолютно обо всем, что делается и говорится на мостике. Так же, как и от радистов, если радиопереговоры ведутся открыто. В экстренных случаях интересный разговор передается через посыльного под мостиком или при помощи невинного «разрешите отлучиться!». Так вот, всякие выводы, сделанные вслух, на посту управления, по-разному доходят до сознания людей, которые вторые сутки посменно дежурят у пушек, аппаратов и механизмов, не раздеваются, едят стоя и все время ожидают боя. Те же самые «новости», услышанные в порту, у стенки, могут не произвести никакого впечатления. А в море на походе, а особенно в бою, одной неосторожной фразой незаметно для себя можно размагнитить (или наоборот - мобилизовать) всю команду. «Какого черта торчать все время у пушек, если командир сказал, что белые не посмеют сунуться!»

Самое примечательное заключается в том, что чем выше авторитет командира, тем более решительные и неожиданные выводы могут быть сделаны на основе его реплик, брошенных невзначай, не думая о последствиях.

* * *

На мостик поднялся и сразу же подошел к карте наш старик (Чириков). Свежий. Даже одеколоном пахнет.

На лице смущение. Вроде как бы извиняется, что он выспался, а мы нет. Заверил старика, что мы поочередно со

Снежинским отсыпались. Одна забота - точное место, обсервации не имеем вторые сутки.

Просил его разрешения сделать запрос соседям о месте. Отклонил. Говорит - неудобно. «Это должен был сделать флагман. Получится вроде нетактичного намека. Кроме того, скоро упремся в берег, тогда и определимся. Думаю, что Корсак мечтает о том же».

Старик оказался прав.

Не сразу, а после осторожного поворота и движения на юг, на пределе видимости острова Була и острова Свиной, спустились до широты оконечности Куринской косы, на которой в дальномер можно различить маячную башню и почти рядом - острый шпиль маленькой церкви. После определения и проверки места головной, очевидно от греха подальше, отвернул опять в море - подходы к устью реки Куры изобилуют всякими сюрпризами в виде рифов, банок и камней, «видимых и невидимых».

Хорошо, что путаемся здесь днем, а не ночью и что аллах отвернулся от мусавата и помогает нам; по крайней мере погодой и, в частности, в отношении дальности видимости.

* * *

По- прежнему пустынно и на море и в небе.

* * *

Спустился вниз, предварительно кратко передав начдиву итоги ночной конференции по оценке обстановки. Одобрительно промолчал. Своего мнения не высказал.

Тогда сознался старику, что, будучи слишком доверчивым в юношеские годы, несколько раз так тяжело был наказан за избыток оптимизма, что вот уже много лет как усвоил твердое правило - всегда исходить из худшего предположения, если причины и обстоятельства не ясны. Тогда не приходится разочаровываться, оказываешься подготовленным к худшему и не обидно ошибиться, если дело оказывается проще и чище, чем ожидал.

Начдив оживился. Похвалил.

- Я к этому пришел значительно позже, чем вы.

* * *

Прежде чем заснуть, упрекнул себя за откровенность с начдивом, я не договорил, что эта философия не лучшая. Очень важно, рассчитывая на худшее, не переборщить, не «запугать» самого себя. Это сковывает не только поступки, но даже мысли.

Более успевают те, кто не боится временных разочарований и прет на рожон. Напористо или даже нахально.

Все это так, пока дело идет о самом «герое». Но если ты отвечаешь за жизнь семидесяти пяти человек, которые целиком зависят от тебя, так же как и дорогостоящий корабль и еще более дорогой флаг, в этих случаях «переть на рожон», рисковать ради «ура» и славы человек не имеет права.

Хватит! Иначе не засну и буду полемизировать с собой. Ведь не все ясно… Может, и не скоро прояснится.

По заведенному порядку, меня будили в переговорную трубу. Несколько раз. (Это мне не портит сна, как другим. Привык.)

Знаю, что два транспорта и канлодка держатся к NO от нас, а мы широкими галсами медленно продвигаемся на север.

К заходу солнца побрился и вышел.

Приказал спать старпому, пообещав, что он ничего интересного не пропустит. Разбужу.

Ночь на 1 мая (в море, к S от Баку).

Какая- то досада не дает покоя.

Что это? Излишняя осторожность или разумная методичность в действиях флотилии?

Но как подумаю: а что, если вдруг обстановка осложнится, хотя бы на суше? Что сможем мы сделать с двумя сотками и шестью трехдюймовками против берега? Или если бы пропустили корабли белых в Баку или из Баку? Или хотя бы, если растерялись ночью, или только один миноносец сел бы на камни?

Нет! В этих условиях, пожалуй, комфлот прав.

С какого- то момента данная операция стала политической демонстрацией. Вот еще одна особенность гражданской войны.

Капитаны в темноте инстинктивно увеличивают интервалы между штевнями. Идти только по створу кильватерных огней утомительно. Кроме того, сейчас в этом нет надобности, так как лунный серп, хоть слабо светит и временами закрывается облаками, все же позволяет достаточно ясно видеть переднего и заднего мателота на расстоянии более двух кабельтовых.

* * *

Чириков перенес сюда традицию Балтийского флота показывать изменения ходов при помощи шара, независимо от времени суток и видимости. Думаю, что эта традиция родилась в периоды белых ночей. Независимо от происхождения, плавая на «Кобчике», на своей шкуре убедился, насколько это полезно даже в самую темную ночь, если имеешь соответствующий бинокль.

А сегодня, при еще недостаточной сплаванности командиров и при наличии комфлота, не вникающего в подобные «мелочи», это вдвойне полезно.

* * *

После полуночи уменьшили ход.

Понятно. Нетрудно видеть расчет начальства - прийти в Баку засветло.

Погода обещает быть как по заказу. Если барометр не врет.

* * *

Сперва открылась шапка из дыма, - очевидно, над Черным городом. Значит, часть заводов работает.

Затем - неровная полоска гористых берегов. Наконец поднимается из воды остров Наргин. Сигналом по дивизиону - «боевая тревога»; по разведданным, на нем береговая батарея. Но при подходе ближе - на башне огня красный флаг. Здорово! Кажется, все, ясно.

Комфлот решил ввести нас с востока, по большому фарватеру (на Астрахань). Ну что ж, мы идем из Советской России!

Утро.

Пушки заряжены, а второй сигнал с «К. Либкнехта»: «Приготовить флаги расцвечивания».

Диспозицию стоянки на бакинском рейде никто не предусмотрел. Да оно и понятно. Час назад собирались стрелять, а сейчас на берегу, можно сказать, карнавал.

Солнце - справа за кормой и ярко освещает множество красных флагов и плакатов, видимых от края до края бухты. Из-за того, что утренние лучи освещают полого, не скупясь на розовые тона, город выглядит исключительно празднично, встречая нас сиянием стекол и огнями красного кумача.

Только сейчас вспомнили, что сегодня 1 Мая - праздник!

Значит, двойной праздник.

Команды: «Орудия разрядить! Патроны уложить в кранцы» - и затем: «От орудий и аппаратов отойти» - переломили неопределеннно-выжидательное настроение.

Улыбки. Поздравления. Громкие голоса. Но мне, как командиру, некогда было разглядывать город.

После путаного семафора с флагмана: «Стать на якорь… в порядке номеров… против городской набережной… расстоянии…» - капитаны поняли, что от них требуют, и стали по дуге, концентричной береговой черте, на удалении пятнадцать-двадцать кабельтовых от последней.

«Чтобы самим посмотреть и себя показать», - как сострил кто-то из пассажиров. И действительно, скопление желающих увидеть диковинные корабли, каких здесь никогда не было, - с каждой минутой все возрастало.

Понимая, что это не окончательное место и, очевидно, скоро придется сниматься, огляделся вокруг, ибо хорошо помнил о неисправности шпилевой машины «Деятельного». Почти рядом оказался на якоре пассажирский пароход, на корме которого красовалась надпись «Орел», а на флагштоке - красное полотнище, явно наспех переделанное под флаг. На мостике несколько моряков в форменных кителях, из всех иллюминаторов и полупортиков выглядывали женщины и дети. И те и другие во все глаза следят за каждым движением миноносцев, и, конечно, за ближайшим.

Низенький и коренастый командир, очевидно старший из них, судя по бороде - капитан 2-го ранга, с готовностью перегнулся через планшир, всем своим видом демонстрируя внимание, когда увидел, что в его сторону был обращен малый мегафон. Но он не мог скрыть своего недоумения, когда услышал: «Прошу принять меня на бакштов!»

Подойдя вплотную, нормальным голосом пришлось разъяснить: «Шпилевая не исправна. До перехода к стенке постою у вас на бакштове».

Теперь стало ясно, что ковчег полон «бывшими» (у которых только что срезаны погоны), почему-то очутившимися в нем вместе с семьями.

Через несколько минут все было в порядке. Мы стояли на своем манильском тросе, заведенном серьгой, с теплыми машинами и якорем, готовым к отдаче. На баке - комендор Гридин с топором, а остальные - как кому положено по ходовому расписанию.

На «Орле» сами догадались потравить смычку каната.

Конечно, мы понимали, что во время парадной манифестации не очень-то красиво выглядели. Но будет еще хуже, когда

дивизиону придется сниматься, а мы еще минут двадцать будем танцевать на якорном канате {78}. Из двух зол - меньшее.

Сошел вниз привести себя в порядок.

В переговорную трубу докладывают:

- Так что, командир «Орла» просит разрешения явиться!

- Передайте, что я сам перейду на «Орел».

Не столько из любопытства, сколько для проверки нашей безопасности перебрался вместе с комиссаром по короткому штормтрапу на штабной корабль «Добровольческого Каспийского флота».

Мы были первыми красными командирами, которых они видели, поэтому офицеры немного волновались, смущались и слишком тянулись. Через десять минут они уже спрашивали: какова будет их судьба, арестуют ли? Пришлось разъяснить, что командир миноносца никак не может знать этого или выдавать какие-либо векселя. Но, чтобы подбодрить, успокоил: мол, если нет грехов вроде работы в контрразведке, могут рассчитывать на гуманное обращение.

Основная группа (семь-восемь человек) состояла из кадровых офицеров старого флота. Все старше меня выпуском на три-четыре, а то и на пять-шесть лет, уже имеющие классную специальность. Командиром оказался полковник по адмиралтейству, из числа штурманов давно изжившего себя корпуса флотских штурманов, по фамилии (не уверен) Полковников. Судовые офицеры - из торговых штурманов, призванные на военную службу еще в мировую войну. Кроме того, из кают и коридоров выглядывали какие-то интенданты и почтенные нестроевые фигуры (деловоды? писаря или содержатели?), которых всегда много в любом штабе.

Большинство команды - из торговых моряков. Вооружения нет, кроме сигнальной пушки Гочкиса (47-мм).

Немного неприятно было то, что мы внешне выглядели бедными родственниками. Та же форма, но заношенная. Кроме того, они отдыхают несколько суток, а мы из похода.

Самым неожиданным была встреча с другом детства Евгением Енчевским, который на год раньше меня ушел из Тифлиса в юнкера флота. Красавец атлетического сложения, он служил на Балтике, на крейсере «Олег», но как и когда очутился у белых, я не имел понятия; в последний раз видел его в Ревеле весной 1917 года, непосредственно после Февральской революции.

Встретился с ним вежливо, но от интимных разговоров отказался, не желая выделять его из числа остальных.

Беседовали в салоне.

Оказывается, «Орел» вышел из Петровска с семьями офицеров и с частью штаба в двадцатых числах апреля. Стояли в Баку без сообщения с берегом, пока начальство грызлось с мусаватистами. Затем приказано было следовать в Энзели. Там тоже в гавань не пустили из-за каких-то недоразумений с англичанами. Штормовали на рейде. Отошли к Астаре. Опять штормовали. К этому времени начались брожение, споры и сомнения, в результате которых произошла перетасовка пассажиров. Часть решила остаться в Астаре, часть перешла на корабли, уходящие в Энзели. Зато некоторые офицеры, разочарованные в «белом» движении и понимавшие, что песнь деникинского флота спета, перешли на «Орел» и постановили идти в Красноводск или в Баку, чтобы сдаться красному командованию.

Их было значительно больше. До переворота мусаватисты запрещали сходить на берег. Своеобразный политический карантин. Что же, они по-своему были правы. Эта тяга к нам - заразительная. После переворота многие офицеры, несмотря на риск, тайком, по ночам, перебрались в город.

Рассказали нам с нескрываемой ненавистью, что контр-адмирал Сергеев сбежал в Крым. Кроме того, сообщили, что в городе осталось не менее двадцати - тридцати флотских офицеров (считая и ушедших с «Орла»), которые тоже хотят явиться с повинной.

Называют себя «добровольно оставшимися».

Деликатно расспросил об Энзели, не желая сразу же смущать необходимостью выкладывать все про своих вчерашних друзей. Но несмотря на выяснившуюся готовность, никто ничего путного оказать не мог, так как они не были ни в гавани, ни на берегу. Однако самый факт их присутствия на бакинском рейде и желание отдать себя на суд советской власти говорят о многом.

Без сбежавшего командующего, сделавшего больше других, чтобы морально разоружить флот, и без значительного числа специалистов последний на активные операции явно не способен. Конечно, кроме возможности выступления отдельных головорезов.

Вернувшись на корабль, написал записку комфлоту. Доставить ее взялся Чириков. Воспользовавшись шлюпкой «Орла», он съехал на «Либкнехта», в это время перешедшего к пристани, недалеко от Баилова.

* * *

Побывав в рубке и увидев наличие многих карт, послал на

«Орел» Снежинского, чтобы он взял «заимообразно» (под расписку) те планы и карты, которых нет на «Деятельном». Нам они пригодятся больше, чем «Орлу».

* * *

Комиссар спросил, не надо ли выставить караул на «Орле»? Отвел - на том основании, что они пришли сюда до нас и без нас. Да и податься им некуда.

Меня заботило другое. Соблазны на «Орле» были самые искусительные, начиная с водки, которая имелась у «вольной команды». Строго предостерег Полковникова.

Еще раз убедился в высоком классе нашей команды.

За сутки стоянки на бакштове - никаких недоразумений, хотя наши и ходили в гости к соседу.

1 мая. Баку (на бакштове у «Орла»).

Радостным утром, при отличной погоде, мы стоим в центре Бакинской бухты и, как почетные зрители из ложи, наблюдаем величественную сцену.

Три исторических события слились в единое:

Освобождение Азербайджана не только от английских и прочих империалистов, но и от своей национальной контрреволюции, состоявшей на службе у мировой реакции. Освобождение полное, ибо оно вылилось в форму установления советской власти, а гарантией дальнейших успехов является союз с РСФСР.

Завершение операции, которая открыла доступ бакинской нефти к Волге и далее в глубь Советской России, промышленность и транспорт которой развивались на этой нефти, а затем были искусственно обречены на голод в самое критическое для республики время.

Международный пролетарский праздник. Интернациональный. Ведь, на берегу сейчас своеобразный интернационал из народов Закавказья, Кавказа и их соседей. Причем это братство далось не дешево, - помимо зверств завоевателей (в том числе и царских), а позже при их подстрекательстве, пролито много крови на почве племенной и религиозной розни. Сейчас же очень многим ясно, что враг не в Армении, Грузии или в России, а тут же, под боком, в здешних особняках, поместьях и в мечетях.

Праздник получился такой грандиозный, даже отсюда, с рейда, что ни один драматург или режиссер не мог бы придумать.

Одно только не вяжется с наблюдаемой картиной - то, что,

кроме флагмана, ни один миноносец не пустили к стенке; что на «К. Либкнехте» был поднят сигнал: «Увольнение на берег не производить!» - и второй сигнал: «Боевая готовность сохраняется!»

* * *

(Приписано вечером).

Все понемногу становится понятным.

Оказывается, некоторые ударные части XI армии прошли через город и сейчас двигаются на границу меньшевистской Грузии. Остальные полки сразу после парада направлены туда же или в угрожаемые районы. В то же время в городе находятся вчерашние бойцы «мусаватской гвардии», частью разбежавшиеся при появлении Красной Армии, частью распущенные Ревкомом.

Ясно, что сознательное большинство аскеров - за советскую власть. Но в городе - почти все их офицеры и юзбаши, которые могут еще пойти на провокации, используя малосознательную часть аскеров и отряды из всякого сброда, начиная с купеческих сынков.

Вот почему незаметно для всех мы охраняли демонстрации и город от покушений.

Когда все закончилось абсолютно благополучно, началось увольнение на берег с миноносцев, но не больше одной вахты. Кроме того, послан вооруженный обход с дивизиона и два или три от кожановских отрядов в распоряжение комендатуры.

Удивительно, что, хотя все морячки стремились в город, наблюдая торжество с флагами и музыкой, никто и никак не выразил протеста или досады, когда узнали, что увольнения не будет. В то время, когда командир и комиссар сами еще не знали, в чем дело, сигналы «Сохранять готовность» и «Увольнения не производить» были восприняты без ворчания. Причем даже никого не пришлось уговаривать.

На всякий случай посменно приводились в порядок и утюжили брюки первого срока, сохраняя бодрое и праздничное настроение в связи с общим ходом событий, который кратко можно назвать: Победа советской власти!

Такую дисциплинированность еще зимой, в Астрахани, вряд ли можно было ожидать. Значит, команда политически растет.

После обеда все затихло. Отсыпаются за две ночи и впрок.

Сижу на мостике, смотрю на город моего детства и пытаюсь вспомнить отца, который еще в 1906 году похоронен на кладбище Чемберкент {79}, когда мне было около двенадцати лет.

Интересно, скоро ли попаду в Тифлис, чтобы помочь старухе матери и сестре? Как будут развиваться дальнейшие события?

Одно ясно - что прежде, чем закончится борьба с добровольческим флотом, думать о Тифлисе не приходится.

* * *

Поймал себя на некотором чувстве неудовлетворенности в связи с тем, что не пришлось открывать огня. Совсем как обида комендора Гридина, прорвавшаяся в Петровске. Однако, подумав, решил: ничего, что мы опоздали. Больше того, так даже нельзя ставить вопрос. Никуда мы не опоздали, а пришли как раз вовремя, поскольку с моря никто не оказывал сопротивления и никто морем не отступал.

Что не было боя и десанта - только к лучшему. Нет напрасно пролитой крови и тех пожаров, которые стали бы неизбежными при упорной борьбе за город. А что такое пожар именно для Баку, знаю с малых лет, когда пришлось увидеть, как горела вышка над фонтанирующей скважиной, а затем огонь охватил ближайшую пристань. Полыхающее пламя с чудовищным заревом по ночам и зачерненные дымом полнеба - днем - врезались в память на всю жизнь. Но самым страшным была не реальная стихия огня, а та мучительная тревога, которая сжимала мозг и сердце всех людей от мала до велика в течение трех-четырех суток: как изменится ветер? Удастся ли побороть огонь или он перекинется дальше?…

Черт с ними, с боем и лаврами победителей.

Откровенно сознаться, когда кончили с приемками в Петровске, а Красная Армия сосредоточилась на рубеже реки Самур, я в душе досадовал - отчего медлят наши вожди? Чего ждет Ленин?

Ведь было ясно как день, что ударом с суши и с моря мы могли бы захватить Баку еще в середине апреля.

А теперь мне ясно нечто большее: что мы здесь не завоеватели. Переворот должен был созреть. Азербайджанские коммунисты должны были проявить свою революционную волю и суметь мобилизовать все силы народа. Но так как против них была не только своя буржуазия, но и ее союзники в лице соседей - грузинских меньшевиков, дашнаков и английских сил с остатками белогвардейщины, - то на помощь бакинским рабочим пришли по их просьбе армия и флот РСФСР.

Эти две недели выдержки сохранили тысячи жизней и много народного богатства, тогда как в середине апреля попытки сопротивления носили бы более упорный и националистический

характер. Самое ценное заключается в том, что за эти полмесяца революционные силы успели сплотиться, а массы политически вырасти.

* * *

Волнами, то затихая, то неожиданно усиливаясь, доносился по ветру голос медных инструментов многочисленных оркестров, сверкавших своими трубами.

Наши пассажиры, попавшие на парад (для них закон не писан), вернувшись голодными к ужину, рассказывали об исключительном подъеме, с которым прошел митинг, первый митинг столицы Советского Азербайджана. На трибунах в составе Временного ревкома наряду с руководителями восстания, вышедшими из подполья, стоял Нариман Нариманов, а с ним - Орджоникидзе, Киров, Микоян и другие.

Серго вручал награды отличившимся бойцам и командирам XI армии. Было очень торжественно.

Однако все обратили внимание на парадоксальную особенность войскового парада. Армия-освободительница, проходившая по главным улицам и мимо трибун церемониальным маршем непосредственно с похода, выглядела запыленной, потной, в застиранных рубашках и штанах и в нечищеной обуви. Она шла, не особенно заботясь о шаге и равнении, и все же произвела внушительное, если не сказать - грозное, впечатление. В то же время те национальные полки, которые перешли в подчинение новой власти, выглядели отменными гвардейцами - хорошо маршировали и были прекрасно одеты в новое английское обмундирование. Отсутствие скаток, вещевых мешков и лопат, которые делают солдата солдатом, а также новизна и покрой формы придавали аскерам красивый, но слишком декоративный вид. Бросалась также в глаза нехватка азербайджанских командиров.

Но это не так важно. Важно то, что с сегодняшнего дня они маршируют в одном строю с Красной Армией. А боец из народа, как только поймет до конца, что и почему произошло, станет надежным защитником советской власти.

* * *

Как моряки, мы прежде всего заинтересовались ролью азербайджанского флота, который состоял из канлодок «Карс»,

«Ардаган», вооруженного парохода «Пушкин» и еще нескольких сторожевых кораблей, купленных у деникинского морского командования.

Несмотря на то что мусаватистское правительство уделяло мало внимания своим кораблям, почти не отпускало средств на их содержание и вспоминало о морской силе только в целях представительства или при необходимости «наводить порядок» в прибрежных районах, ему все же не удалось сделать из моряков карателей.

В связи с отсутствием своей системы подготовки кадров пришлось принимать прежних моряков флотилии, «раскаявшихся» после подавления Коммуны. Часть из принятых были старыми рабочими и матросами, специально засланными по заданию подпольного комитета.

Вот почему с началом восстания на стеньгах всех кораблей были подняты красные флаги, а командующий флотом Ч. Ильдрым предъявил правительству ультиматум о передаче власти Ревкому. И хотя боеспособность этого маленького флота не была на должной высоте (расстрелянные стволы, отсутствие части замков, некомплект специалистов), его выступление сыграло свою роль. Для рабочей власти были сохранены все боевые единицы, а у контрреволюции отняты последние силы, на которые она могла рассчитывать по опыту 1919 года.

После переворота на корабли под красными флагами потянулись те немногие из уцелевших моряков, которые были в черных списках мусавата как сторонники Коммуны или Муганской республики.

Говорят, что вместе с частями Красной Армии появился А.Р. Кузьминский, тот самый революционный матрос старой Каспийской флотилии, который был ее комиссаром в период Бакинской коммуны.

2 мая. Баку (у Дадашевского дока).

С утра перешли к пристани (не то № 5, не то № 6). Наконец прекратили пары, кроме дежурного котла.

Но все- таки полусуточная готовность сохраняется.

* * *

Вчера не сошел на берег. Не в чем. Поэтому решил собраться с мыслями и привести в порядок «гардероб». С мыслями дело обстоит не блестяще, но с гардеробом еще хуже. Беда в том, что с утра тепло. Белых кителей нет и в помине, а в бушлате жарко. Синий китель уже давно не синий. Решил подогнать матросскую

робу.

Воображаю ужас Синицына и некоторых других хранителей флотских традиций «хорошего тона».

Характерно, что «роба» является не только моей заботой. Кое-кто приходил с претензией насчет ботинок или брюк. Раньше не до этого было.

* * *

Комиссар где-то узнал, что специальный поезд с «дипломатами, аккредитованными при правительстве мусаватистов», не успел проскочить Баладжары и возвратился в город.

Это, наверное, второсортные дипломатические работники из бывших вице-консулов при царской администрации, которые, как правило, одновременно занимались коммерческой деятельностью, конечно, неофициально или через подставных лиц. Но они очень опасны тем, что глубоко пустили корни в местную почву и прекрасно знают условия, людей и их слабые места. Такие персоны не станут бездействовать, когда события будут развиваться не в их пользу, личные интересы этих людей совпадают с интересами фирм и обществ, которые они представляют.

* * *

На набережной толпы любопытных. Очевидно, праздник продолжается.

На пристань никого не пускаем.

Не знаю, как в других районах города, но в нашем, видно, подметать улицы некому или некогда. Картина, знакомая по 1917 году. Но это мелочи временные, которые постепенно утрясутся. Мне больше не нравится ночная стрельба из винтовок, причем никто не знает, кто и в кого стрелял.

* * *

Механик Лузгин уже успел проникнуть в старый порт флотилии и договориться с каким-то инженером баиловских мастерских о неотложном ремонте. Просил у меня разрешения прекратить пары на трое суток.

На семафор «Либкнехту» последовал ответ: «Приготовиться к походу к рассвету. Начштаб».

Вот спасибо! Куда и зачем - пока не ясно. Но с провалом ремонта абсолютно ясно. «Обрадовал» механика.

* * *

Торжества торжествами, однако есть потребность мысленно осмотреться, поскольку завтра - новая задача. Это оказалось возможным только ночью, в каюте, когда голова начала остывать от разнообразных и шумных впечатлений прошедшего дня.

Посмотрел на маленькую бланковую карту Каспийского моря. Возможно, впервые охватил мысленным взором весь театр. На мостике, в штурманском столе все время возимся с навигационными картами «Северная часть», «Средняя часть» и «Южная часть» или более крупномасштабными картами и планами различных заливов и бухт.

А этот маленький бланк дает сразу не только все Хвалынское море, но и его «окрестности». И так же сразу становится очевидным, что именно здесь, в Баку, за последние дни произошло генеральное изменение обстановки.

Оба берега вплоть до персидской границы на этой стороне и в Закаспийском крае стали советскими. Оба берега очищены от англичан и от белых. Весь Северный Кавказ и одна из закавказских республик, из врагов превратились в союзников. Для меньшевистской Грузии и дашнакской Армении все это «начало конца». Для всех соседей на Ближнем Востоке это соблазнительный пример.

Наконец, у нас богатейший порт (ремонт, техническое снабжение, харч; не знаю только, как с углем) с железнодорожным и морским путем в тыл, в то время как у белых - нора, берлога без второго выхода.

По- моему, в этих условиях у флотилии три задачи, которые очевидны. Не знаю, как и в какой последовательности они сформулированы в штабных планах, если есть такие документы вообще.

Первая задача - обеспечение нефтеперевозок на Астрахань, или, как здесь привыкли говорить, «в Россию».

Что бы ни говорили на базаре, в разведотделе или за чаем в кают-компаниях о разложении и деморализации белогвардейского флота, нефтеналивные суда надо охранять. Пока у белых и англичан есть торпедные катера, всегда могут найтись головорезы, способные за фунты стерлингов рискнуть

подкарауливать караваны, предварительно перебазировавшись на саринский рейд, в Ленкорань или в залив Кизыл-Агач.

Мои оппоненты считают это нереальным: Англия с нами не воюет… а верховный совет Антанты в Париже объявил о снятии блокады с РСФСР еще в начале текущего года.

Но как она снята на Каспийском море, мы знаем по заградительной операции белых на 12-футовом рейде в конце марта; а как невоюющие англичане сделали налет торпедных катеров на Кронштадт, мне тоже хорошо известно.

Охранять караваны надо. Может быть, не до Астрахани, а только до Петровска, но необходимо, пока с белыми не покончено.

Слава аллаху, дивизион миноносцев к решению этой утомительной и скучной задачи не привлекают. Отдуваться придется канлодкам {80}.

Вторая задача - очищение всего побережья в пределах Азербайджанской Советской Республики от контрреволюционной нечисти с берега и с моря. Конечно, совместно с армией.

Завтра, очевидно, идем к Ленкорани именно для этой цели.

Третья задача - главная: окончательное очищение Каспийского моря от белых и захват наших судов, уведенных в Энзели, для возврата их транспортному флоту (особенно нефтеналивных). В какое время и каким способом предполагается решать эту задачу, пока начальство карт не открывает.

Что операция предполагается относительно скоро, догадаться нетрудно… На просьбы механиков дивизиона (и нашего Лузгина) «разбросать механизмы для ремонта» последовал отказ. Между тем изношенность машин и котлов - недопустимая.

По всем признакам белые не способны к наступательной операции. Но, прижатые в угол, они вынуждены будут обороняться, причем возможно, что сопротивление будет ожесточенным. Здесь ничейный исход исключен. Опять вечная, как на войне, проблема: чем раньше ударить, чем внезапнее - тем лучше, но без предварительной подготовки никак нельзя. В то же время каждый день нашей подготовки - это еще день подготовки противника к обороне.

Какую роль будут играть англичане? Какую персы? Как всегда на войне, тысяча вопросов. А в гражданской их еще больше. И обстановка сложнее, и воюют «не по правилам».

Инш- алла! Поживем -увидим! Если не начальство, то сама жизнь даст ответы на все вопросы.

3 мая (Ленкорань).

Накануне, поздно, когда уже не ожидал, вызвали на «Либкнехт» (береговая штаб-квартира еще не готова). Короткое

совещание. Постановка общей задачи всем участникам. Уточняться будет сигналами. Документов штаб не дал.

Рад был встретить Озаровского. Он на «Пролетарии» - начальник отрядика из трех вымпелов.

Снялись с восходом солнца.

Пока шли по бакинскому меридиану прямо на зюйд, с флагмана обстоятельный семафор (по линии, то есть через нас):

«Расторопному» выйти вперед, осмотреть рейд Сара, после спуститься к Ленкорани. Обозначить буйком якорное место для транспорта десантом, занять позицию южнее высадки.

«Деятельному» осмотреть залив Кизыл-Агач, остров Кулагин включительно. После занять позицию поддержки десанта с севера».

Дальше начались наши мытарства.

Очевидно, предвидя их, главштур дал от себя дополнительный семафор, возможно без ведома начальства: «Командиру. Прошу учесть ненадежность карты. Корсак».

Карту эту {81} еще два дня назад Снежинский «добыл на «Орле». При первом взгляде на линии отличительных глубин получалось не очень страшно, так как «порог» в залив имел двенадцать футов, а внутри его показано до восемнадцати футов. Наша корма при половинном запасе угля сидела только девять с половиной футов. Но, помимо этих утешительных цифр, для всего района устья реки Куры была нанесена предостерегающая надпись о том, что глубинам особенно верить нельзя.

Фактически дело обстояло еще хуже. Лоцмана у нас не имелось, и никто из корабельных и двух штабных командиров, любопытствующих на мостике, никогда в этих местах не плавал. Хороших ориентиров нет; берега настолько низменные, что почти сливаются с линией горизонта. Из залива маяк Куринский камень не виден, а церковь и маячный огонь на Куринской косе остаются за кормой и при продвижении на север, к острову Кулагину, тоже скрываются из видимости.

Самое страшное началось после того, как миноносец, перескочив на малом ходу через песчаную гряду у входа в Кизыл-Агач {82}, очутился в густом лабиринте сетей, натянутых между столбами и шестами, воткнутыми в грунт. Через час или два, совершенно запутавшись, мы поняли, что сети стоят на глубинах двенадцати футов и ниже; по ним тоже можно бы ориентироваться относительно приглубых мест. Но Кизыл-Агач разгородили настолько путано и обильно, что разобраться в творчестве рыбаков оказалось далеко не так просто. В то же время в заливе не было заметно ни одного баркаса, рыбницы или шлюпки, так что способом «опроса местных жителей»

воспользоваться не удалось.

Только два обстоятельства помогли выбраться из этой ловушки: тихая и ясная погода и неожиданная прозрачность воды там, где она еще не была взбаламучена винтами миноносца.

Никакой прокладки вести нельзя было. Оставалось, учитывая сети, мутный след за кормой и мало дающие показания лотовых, двигаться к выходу самым малым ходом.

Наличие сетей убедило в том, что торпедные катера абсолютно не в состоянии действовать из этого залива. Тем более не могли оперировать отсюда вооруженные пароходы белогвардейского флота. Поэтому, выпутавшись с середины Кизыл-Агача, я считал свою задачу выполненной и старался возможно скорее выбраться в открытое море.

Однако только после двухчасового ползания «на брюхе», временами доходя до бешенства или впадая в состояние, близкое к беспомощности, замучив машинную и кочегарную команду, а также рулевых и лотовых (не говоря о штурманах), мы наконец вышли из Кизыл-Агача. Вот почему когда «Деятельный» подошел к Ленкорани, операция там была уже закончена и шло приготовление шашлыков и плова.

Б.П. Гаврилов через день после возвращения в Баку рассказал, что при первом приближении «Карла Либкнехта» к городу в бинокли и дальномеры было выяснено, что гарнизон, состоявший из бывших мусаватистских войск, не собирается оказывать сопротивления, а демонстративно выстраивается для встречи на площади перед старой крепостью. При этом, кроме оркестра на правом фланге, был приготовлен старый, трехцветный российский государственный флаг, очевидно в виде знамени. Но когда миноносец подошел ближе к берегу и ленкоранцы, по-видимому, разглядели его кормовой флаг, после короткого замешательства трехцветный флаг был заменен красным.

Ввиду отсутствия пристани комфлота, члена Азербайджанского ревкома и штабных командиров жители охотно выносили из шлюпок на руках и доставляли на берег, не дав гостям замочить обувь. Одновременно высаживались с транспорта кожановцы, не боявшиеся соленой воды.

Так оказалась достигнутой еще одна «бескровная победа». После парада и митинга гарнизон был разоружен без инцидентов. Закончилась эта операция гомерическим шашлыком и пловом (Борис Петрович на много лет сохранил память об исключительном качестве этих яств). Откровенно говоря, гарнизону Ленкорани ничего другого не оставалось, как в полном составе и с музыкой перейти на сторону рабочей власти. Мусаватисты в своем поспешном бегстве о нем забыли. Затем

стало известно о перевороте в Баку, о приближении по суше частей XI армии. И наконец - эта высадка батальона моряков, подкрепленная тремя миноносцами, никогда невиданными в этих краях…

В то же время, поскольку ленкоранский район считается местной помещичьей Вандеей, а аскеров оказалось в три раза больше численности десанта, пришлось их на всякий случай разоружить.

Я был настолько утомлен волнением из-за Кизыл-Агачского залива, что на берег не съехал.

Гаврилов удивился, когда для охраны временной нашей штаб-квартиры, дополнительно к кожановцам был выделен матросский караул с миноносцев. Но, очевидно, это была вполне разумная предосторожность, так как помимо гарнизона в Ленкорани оказалось много мусаватистских офицеров, бежавших сюда после переворота. Кроме того, местные беки и муллы оставались в своих домах или окрестных деревнях в ожидании лучших времен, а совсем недалеко бродили вооруженные банды, еще не определившие своего отношения к событиям последних дней.

Позже стало известно, по-видимому из радиотелеграммы Озаровского, что одновременно в Астаре развернулась операция, аналогичная ленкоранской и почти по той же программе. Положение осложнялось близостью персидской территории, разграниченной от азербайджанской небольшой речкой, делящей город на две части {83}.

Это позволило еще до окончания высадки в Русской Астаре всем «недовольным» уйти через мост - за границу. А одна крупная банда, обманутая или подкупленная мусаватистами, ушла в сторону гор, не переходя на персидскую территорию. На прощание эта банда обстреляла моряков, но с заведомо безопасных дистанций.

Озаровский помогал пришедшим с ним бакинцам организовывать советскую власть, после чего, став дипломатом, принялся налаживать дружеские отношения с соседним государством. Кажется, по своей инициативе.

* * *

Только под конец дня узнали, что во время ленкоранской операции, очевидно, пока мы выпутывались из сетей Кизыл-Агачского залива, нашим удалось задержать большой нефтеналивной пароход «Галилей» с несколькими англичанами и

тюками с документами. Британские военные миссии, консульства и различные представительства, застигнутые внезапностью переворота, не успели вывезти свои сейфы и архивы. По суше было поздно, пришлось перегрузить на «Галилея» и ночью тихо-тихо двинуться в Энзели. Не вышло!

Так- то оно так, но это значит, что в Баку Ревком не полностью хозяин, если можно угнать большой транспорт. Поймать помог случай, совпадение. Не будь его -уплыли бы документы в буквальном смысле.

5 мая. Баку (у Дадашевского дока).

Вчера возвратились из-под Ленкорани.

Наконец разрешено начать самый неотложный ремонт - поочередно, по паре миноносцев, но с сохранением двухсуточной готовности. Много не сделаешь. Начальству виднее.

* * *

Впервые вышел в город.

Сбивают с толку неожиданные и своеобразные контрасты. Как будто знакомый и незнакомый Баку.

* * *

В городе быстро организовалась комендантская служба и почти полностью прекратились грабежи, с которыми не могло (или не хотело) справиться даже английское командование, искусственно увеличивавшее анархию.

Не успевшие сбежать владельцы крупных ресторанов, кафе и магазинов, с недоумением убедившись в том, что никто никого не грабит и не оскорбляет, после 1 Мая открыли свои заведения, с любопытством рассматривая новых клиентов.

Но… новый клиент хоть и чисто, но очень бедно одет в старые шинелишки и обмотки с изрядно разбитой обувью и матерчатыми «ремнями». К сожалению, он не имеет в свободной наличности валюты или драгоценностей для обмена, то есть всего того, на чем держалось личное благополучие деникинских, британских, турецких или бакинских политических и военных авантюристов всех мастей с их воинством, наряженным в френчи или черкески в сочетании с кубанкой, тюрбаном, феской или английской фуражкой блином.

Матросы одеты хорошо, даже с флотским шиком, но что касается их финансовых дел, то они не намного лучше, чем у

армейцев.

Красноармейцы ходят по городу группами, без оружия, с любопытством останавливаются перед роскошными витринами… но почти ничего не покупают. Не на что. С деньгами пока сплошная путаница, так как ходят, но почти ничего не стоят дензнаки различных режимов.

Медленно, но верно начинают входить в жизнь многие декреты и постановления, давно введенные на территории РСФСР.

Но как раз это внедрение советских законов и обычаев выбивает почву из-под ног буржуазных элементов. Магазины и рестораны, особенно богатые, не прожив пяти дней, закрываются, чтобы избежать социализации. В связи с этим: спекуляция, черный рынок, увеличение числа удирающих или скрывающихся.

* * *

Посыльный принес пакет: «Вы назначаетесь членом отборочной комиссии по распределению военнопленных офицеров белого флота, задержанных в Баку».

При чем тут командир миноносца? Впрочем, возможно, сыграла роль та записка, которую послал комфлоту после разговоров с «оставшимися» на «Орле».

Поздно вечером попал в какой-то огромный, но полутемный зал, хотя и с большими люстрами (не то бывшая гостиница, не то особняк), в котором накурено, шумно и толпами ходят из комнаты в комнату бывшие офицеры всех родов и служб.

Что «бывшие», видно по выражению лиц (иногда заискивающих, а иногда явно враждебных) и по следам от свежеспоротых погон.

Несколько столиков для регистрации, у которых давка. Вызывают сразу двоих или троих, из разных комнат.

Путаница и дезорганизация полная. Как бы в доказательство через пять минут убеждаюсь, что таких мандатов, как у меня, несколько, но подписаны они разными начальствующими товарищами. Что еще хуже - председателей тоже несколько. Имеется инструкция, присланная из Москвы, но она напечатана на папиросной бумаге и прочесть ее не так просто. В заголовке сказано, что она касается «военнопленных и перебежчиков», а у нас случай своеобразный.

Однако главное не в названии. Суть инструкции в том, что надо использовать тех, кто может быть полезен, и не дать проникнуть в Красную Армию тем, кто еще держит камень за

пазухой. Согласен.

Зажатый в угол, стоит Сергей Александрович Благодарев (с таким же мандатом), и человек пятнадцать - двадцать белых офицеров донимают его расспросами. Причем диапазон интересов такой: «А нас не расстреляют в Чека?», «Скажите, а сколько будут платить, если я соглашусь поступить к вам во флот и запишусь в партию?»

Все остальные вопросы (иногда не менее идиотские) вмещаются между этими двумя. Но все как один просят не называть их пленными, а «добровольно оставшимися».

Более серьезные и умные из «бывших» стоят в сторонке и терпеливо ждут своей участи.

Помещение никто не охраняет. Поведение опрашивающих и регистраторов сухое, но вполне вежливое.

Еще через десять минут я убедился, что никому не нужен: всем заправляют командиры XI армии, чекисты и политотдельцы. Но за это же время насчитал среди регистрируемых двух бывших однокашников по гардемаринству и трех лейтенантов, с которыми познакомился 1 Мая на «Орле». С их помощью составил список «ценных специалистов, разочаровавшихся в белом движении и готовых работать в учреждениях Красного флота».

Поспешил к комфлоту, который уже расположился на берегу.

Через час, к великому неудовольствию одного из председателей этой своеобразной комиссии, восемь бывших флотских офицеров разошлись по домам, имея временные удостоверения и указание назавтра явиться в отдел личного состава Волжско-Каспийской военной флотилии.

- Что, дружков нашел?-весьма недружелюбно сказал председатель, подышав на каучуковую печать и ставя восемь кружков.

По сути, дружками, да и то бывшими, можно было условно назвать только двух. Но сейчас я видел перед собой только людей, сломанных жизнью, потому что они в 1917 году, не поняв происходящего, сделали неверный шаг. Теперь они были готовы на все, чтобы искупить свою вину перед родиной.

Учитывал я и то, что они не боятся, что раскроются такие данные их биографии, за которые ставят к стенке (каратели, осваговцы, диверсанты или зверствовавшие в прошлом с матросами).

Война не кончена, командиров не хватает, а после войны придется строить большой флот (не представляю себе иначе РСФСР), - значит, эти восемь офицеров еще пригодятся!

Было бы хорошо, если я не ошибся.

Только один из восьми высказал желание сейчас не служить

на кораблях и не участвовать в операциях против своих бывших соратников. Это оказался мичман Е. Енчевский, которого знал еще по Тифлису, а здесь встретил на «Орле», почему его можно было в какой-то мере считать «дружком» или, вернее, земляком.

Опасаясь, что поначалу новичку придется трудно, устроил Енчевского на «Пролетарий», под надзор Н.Ю. Озаровского {84}.

* * *

Узнали от пленных офицеров с «Орла», что их командующий, загодя и правильно оценив обстановку, удрал в Крым, через Тифлис - Батум, якобы для доклада Врангелю.

Интересно, что все они называют его контр-адмирал Сергеев, а по нашим разведсводкам он числился капитаном 1-го ранга. Так за какие же доблести он получил следующий чин?

Очевидно, за блестящее отступление из Петровска.

Но есть подробность более пикантная.

Оказывается, контр-адмирал прихватил с собой всю кассу флота, «не успев» выдать жалованье своим офицерам (и командам, конечно!) за два последних месяца.

Почти все бывшие подчиненные вспоминают о нем с озлоблением, ненавистью или с презрением.

Поздновато разочаровались.

Невольно вспомнил цирковых артистов в Петровске, брошенных хозяином шапито.

* * *

Теперь, после бесед со свежеиспеченными командирами РККФ, знаем о том, что 4 апреля к Петровску подходил крейсер «Австралия», и как затем, в море, произошла бескровная «смена командования», как матрос Самородов, избранный главарем, заставил повернуть в Красноводск, где и явился с повинной от имени всех к начальнику гарнизона.

Сейчас «Австралия» уже в Баку, стоит на рейде и приводится в порядок.

Командиром назначен неунывающий и напористый Лей - «фендрик» бывшего кайзеровского флота.

6 мая. Баку (у Дадашевского дока).

Как- то сумбурно проходят для нас эти дни в Баку.

Кругом - сложное сочетание из продолжающегося ликования народа, освобожденного от жадных, продажных, беспринципных

промышленников, купцов, банкиров и их политической ширмы - «Мусавата» (что значит «равенство»). Но одновременно на каждом шагу видна озабоченность и беспокойство (а иногда и бессилие). Азербайджанские большевики и народ, став хозяевами, получили очень тяжелое наследство после белых, турок, англичан и своих грабителей. Дезорганизовано снабжение населения. Очень малые запасы продовольствия. Запутанные дела. Скрывающиеся в городе враги, пока невидимые открыто, но уже ощутимые кое-где рядом по таинственным происшествиям вроде порчи механизмов, засылки вагонов, остановок электростанций, выключения водопровода и т.д. и т.п.

Но больше всего работа врагов ощутима по слухам и слушкам, сплетням, паническим сообщениям и проповедям в мечетях.

Кто- то рассказал, что Ревком распорядился перекрыть нефтепровод, тянущийся на восемьсот пятьдесят верст от Баку до Батума. Из Тифлиса -вопли! Дипломатические и газетные.

Подумать только, какое огромное количество дельцов, вернее - спекулянтов, всех национальностей и калибров кормилось при помощи перекачки нефти и керосина «на мировой рынок» - в количестве свыше пятидесяти миллионов пудов в год.

Цены диктовали Детердинг, Ротшильд и Нобель. Грузинское правительство брало «за транзит» через меньшевистский рай и вывозные пошлины в Батуме, и мусаватистам приходилось со всеми соглашаться. Они задыхались от избытка нефтепродуктов и не имели другого выхода.

* * *

Фронт не так далеко, еще на днях на тифлисском направлении был у Пойлинского моста через Куру. Но беда в том, что никто не знает, где граница. С правительством меньшевистской Грузии (вернее, через него - с непрошеными «защитниками» закавказских народов) ведутся переговоры при явном саботаже с их стороны: об установлении границы, о прекращении стычек на ней; об освобождении из тюрем арестованных большевиков; о выдаче преступников, виновных перед народом, и возвращении похищенных ценностей, принадлежащих Азербайджанской республике или РСФСР, и т.д. и т.п.

Сегодня Сережа Авдонкин сказал, что намечается поездка С.М. Кирова в Тифлис в качестве особоуполномоченного правительства РСФСР с целью установления нормальных

отношений с Грузией.

Вот это было бы замечательно. Возможно, откроется какой-то легальный способ списаться с матерью.

* * *

Наконец немного «очухались» от впечатлений последних дней, от своих дивизионных забот и начали оглядываться на весь мир. Но увы, центральные газеты приходят с большим запозданием, а местная еще недостаточно наладила информационное дело.

Через политотдел и из «Известий» знаем, хотя и очень скудно, о ходе вторжения белополяков.

Опять шляхтичей потянуло на украинские галушки. Положение мрачноватое.

Если здесь, на Каспии, за спиной белых, - англичане с руководством из Лондона и с подкреплениями из Индии, то на западном фронте, по поступающим сведениям, старается французский генералитет.

Врангелю помогают все члены Антанты наперебой, стараясь оттеснить друг друга. Даже эскадры САСШ и Италии бродят по Черному морю. Разобраться трудно.

* * *

Из речи Ленина, опубликованной в «Правде» 30 апреля, узнали интересную деталь: оказывается, что в «Баку имеется миллион пудов нефти, для которой до последнего времени не было сбыта, вследствие чего даже нефтепромышленник Нобель пытался начать с нами переговоры о доставке этой нефти в Советскую Россию».

О последнем обстоятельстве здесь ни от кого не было слышно, хотя о Нобеле приходится слышать каждый день.

Ох уж этот Нобель! На чем только нет этой фирменной марки! И в Астрахани, и в Петровске, Красноводске, Баку… И повсеместно! Доки, мастерские, речные и морские суда, нефтяные и рыбные промысла, перегонные заводы, трубопроводы, фабрики, дома, конторы, больницы, поселки… Нобель, Нобель и еще раз Нобель. Вездесущий, как бог. Точнее, шведское государство внутри российского государства.

Но наконец-то пришел конец Нобелю, Нобелю и Нобелю.

7- 8 мая (Баку).

Опубликован доклад С.М. Кирова на I Общебакинской конференции коммунистов, сделанный 5 мая.

Все начальство было на конференции.

Ожидал, что это будет торжественное заседание, как бы продолжение первомайского парада, с победными речами. Оказалось, что мотив победы и торжественности звучал достаточно явственно, однако по сути дела это был отчет о пройденном пути, приведшем к окончательному установлению советской власти. Анализ обстановки понадобился для того, чтобы одновременно поставить главнейшие задачи на будущее, учитывая специфические условия, сложившиеся «у дверей, ведущих в страны восходящего солнца». Так картинно назвал Киров Азербайджанскую республику и ее столицу - Баку.

Весьма деловой доклад. Он обращен был не только к сидящим в зале делегатам, но и к массам, которые еще не совсем разбираются в происходящем вокруг них, хотя и с их участием и ради их будущего.

Читая, еще раз устыдился того, как сужает духовный горизонт капитанский мостик, если подходить к событиям только с профессиональных позиций. Мы воспринимали победу как военные и как моряки. Мне особенно непростительно… Баку является городом моего детства. Не больше сотни верст отсюда - Карабах, сыном которого являюсь, а чуть подальше - Тифлис моей юности, я знаю местные условия и людей… Но понадобился доклад Кирова, чтобы понял с полной ясностью, что Азербайджан послужит еще политическим и стратегическим трамплином для скорого освобождения Армении и Грузии. Это неизбежно вытекает из слов Сергея Мироновича и тех фактов, свидетелями которых мы являемся каждодневно.

Поражает, что Киров не обошел ни одного острого вопроса, ничего не скрывал: ни национальную рознь, прививавшуюся веками, ни разруху или хозяйственные трудности, которые он назвал «неслыханными», ни польское нападение. Он не побоялся упомянуть о том, что «Россия стала изможденной», и сказать открыто об ошибках коммунистической партии.

Несмотря на все это, доклад дышит оптимизмом и вселяет уверенность в конечную победу.

Особенно важно и довольно неожиданно было услышать следующее: «Надо перестать бить в торжественные литавры… революция в Азербайджане еще не произошла…»

Только дочитав до конца доклад, понял некоторые несуразности, которые было так странно наблюдать после жизни в Советской России. Также понял, что иначе не может быть, что не могло произойти в одну неделю все то, для достижения чего

Петрограду и Москве понадобилось более двух лет.

5 мая (Баку, пристань №

6, около Дадашевского дока).

Еще 3 мая начала выходить газета «Коммунист».

Сегодня на видном месте - приветственная телеграмма Ленина (еще от 5 мая), адресованная «Советскому Социалистическому правительству Азербайджана»:

«Совнарком приветствует освобождение трудовых масс независимой Азербайджанской республики и выражает твердую уверенность, что под руководством своего Советского правительства независимая республика Азербайджана совместно с РСФСР отстоит свою свободу и независимость от заклятого врага угнетенных народов Востока - от империализма…»

И после поздравительных лозунгов - подпись, хорошо знакомая миллионам: «Председатель СНК В. Ульянов (Ленин)» {85}.

Помимо самого факта официального приветствия, очень важно, что даже в нем напоминается о необходимости отстоять свободу и независимость. Это как раз то, что нужно помнить товарищам, не прекращающим с 1 мая ликования, банкетов и восторженных «ура» по поводу победы.

Конечно, особенно в союзе с Советской Россией, возврата к прошлому не может быть, но, как и после Октября в Питере и в Москве, очевидно, предстоит затратить еще немало труда, а может быть, и человеческих жизней, чтобы добить не унимающихся врагов.

Сосредоточение флотилии в Баку продолжается.

Помимо новых тральщиков и сторожевиков, на одном из транспортов прибыли почти все отделы штаба и политотдела из Петровска и частично из Астрахани (тыловики). Располагаться стараются на берегу в реквизированных помещениях, как правило, весьма обширных.

Комфлот занимает квартиру со служебным кабинетом в большом доме. Тут же, рядом, - начштаб Кукель и оперативная часть. Работают все, начиная с комфлота, очень много и упорно. Воображаю, какое обилие «писанины», если передовые корабли в Астаре, а хвостовые в Казани! Директивы идут из Москвы, и от РВС фронта, и от Совнаркома Азербайджана, а согласовывать надо с РВС армии и многими учреждениями Баку, Петровска, Астрахани и даже Красноводска.

Число моряков в городе заметно увеличивается, подходят новые корабли и последние кожановцы. Однако рейд настолько велик, а пристаней и причалов так много, что на воде особого оживления не заметно.

* * *

Пришел на «Деятельный» проведать Снежинского и меня К.И. Самойлов, коренной бакинец, которого знаю с 1914 года. Умница, замечательный моряк и служака. Он давно на флотилии, но как-то в Астрахани не пришлось с ним встретиться.

Сейчас назначен командиром на «Карс» и начинает его приводить в порядок. Работы непочатый край - корабль очень запущен. Пушки настолько расстреляны, что он называет их «гладкоствольными». Замки приходится подгонять, - свои были выброшены за борт во время попытки мусаватистов использовать канлодки против рабочих. По другой версии - замки приказали сдать в порт сбежавшие правители, опасаясь, что эти пушки могут быть обращены против них самих.

Беда «Карса» и «Ардагана» в том, что нет командного состава. Формально он есть, но из азербайджанцев с торгового флота, причем в большинстве они не имеют морского образования и сами начали хлопотать о переводе на нефтеналивные суда. Самойлов не удерживает. Похоже, что он и к нам заглянул не без задней мысли, что можно позаимствовать и сманить кого-нибудь из военных моряков. Кое-чем помогли, но «лишних» краскомов нет.

Посмеялись над рассказом командира «Карса» о том, как на его упрек старпому в связи с отсутствием карт и компасов последний реагировал тем, что, посмотрев на небо, сказал: «Компас там!» - и, постучав пальцем по голове: «Карта здесь!»

Теперь у нас на «Деятельном», надо или не надо, лишь только заходит разговор о картах или компасах, все показывают на небо или стучат пальцем по лбу.

…Был еще один визитер - Князев.

Оказывается, в злополучную ночь гибели «Каспия» он был на «Кауфмане».

Как погибал крейсер-ледокол, он не видел. У самих страшновато было. Но больше всего он был разочарован тем, что после высадки на остров Чечень там не нашли никого и ничего, кроме пустых бочек из-под авиационного бензина.

По сводкам, разговорам и слухам, мы все считали (и я, как другие!), что на острове Чечень чуть ли не первоклассный «порт», «операционная база» или «опорный пункт» и т.д. и т.п. Оказалось, что на деле, кроме палаток и фанерных будок, ничего не было, и жили белые летчики и англичане на плавучих базах малого тоннажа, в палатках и избах рыбачьей «ватаги», а запасы держали

в земляных погребах. Уходя, все уничтожили. Десантникам даже жить было негде и пришлось поголодать.

Десант в Баку вообще не состоялся.

Сейчас Князев скептически ждет десанта в Энзели, в ленкоранскую высадку он не попал.

Специальный посыльный обходит корабли дивизиона, раздавая под расписку приказ, извещающий о назначении военмора Ф.Ф. Раскольникова «Командующим Азербайджанским флотом и Волжско-Каспийской Военной флотилией» на основании постановления СНК Аз. Республики, которым утверждены итоги выборов комфлота на эту должность.

Теперь все стало на свои места. Будем воевать вместе, под одним командованием. Это естественно. Не заводить же здесь две автономные флотилии, особенно сейчас, когда у нас один общий враг, засевший в Энзели, или банды, орудующие на берегах Каспийского моря.

Но… в то же время как-то концы не сходятся с концами. Получается так, будто нет никакой связи с прошлым, что сегодня, 9 мая, в Баку родился новый флот, в то время как этот же «Карс» и его собрат «Ардаган» еще в 1918 году составляли боевое ядро той самой Каспийской флотилии, которая являлась одной из самых надежных опор Бакинской коммуны.

Должна же быть какая-то историческая и революционная преемственность?

Ведь сохранились и перешли к нам не только собственно корабли, но и часть уцелевших моряков, служивших и воевавших на них под красными флагами Октябрьской революции. Другая часть продолжает плавать на миноносцах и канлодках еще с Астрахани, куда удалось перебраться многим товарищам после измены Центрокаспия.

Только здесь, в Баку, довелось узнать, как после Октября, подобно Балтийскому флоту, претерпев революционные преобразования, флотилия сделалась одним из передовых отрядов в борьбе за Советскую власть.

Помимо комиссара по военным и морским делам Г.Н. Корганова, председатель Ревкома и Совнаркома Степан Шаумян, совместно с А. Микояном и М. Азизбековым, пестовал вожаков и героев флотилии и непосредственно занимался ее делами, так как лучше других понимал необходимость укрепления морской силы для бакинских условий и правильно оценивал ее возможности.

Вот почему у флотилии есть своя революционная история, своя боевая летопись, свои имена героев и могилы тех, кто погиб в борьбе с белогвардейцами, турками, англичанами и

мусаватистами ради торжества идей социализма. Именно эту задачу здесь, на Каспии, сейчас завершает Волжско-Каспийская Военная флотилия, укомплектованная такими же моряками, а частично - теми же моряками, то есть «бакинцами».

Правда, сложный переплет политических и национальных особенностей этого края, временно изолированного от России, и объединенные усилия реакционеров и интервентов привели к тому, что кадрам флотилии не удалось сохранить единства на большевистской платформе. Вследствие этого часть моряков поддалась на комбинированную провокацию эсеров и меньшевиков, проголосовав за приглашение англичан, тем самым погубив флотилию. Но даже после такого удара ее лучшие люди продолжали борьбу в бакинском подполье, на тех же кораблях (конечно, нелегально) и в составе «экспедиции», тайно снабжавшей Астрахань бензином, часто расплачиваясь за свою дерзость жизнью лучших товарищей - коммунистов.

Почему же тогда нет никакой преемственности?

Очевидно, так ставить вопрос нельзя.

Нет формальной (для данного случая, так сказать, непрерывной) преемственности. Но ее и не могло быть вследствие того, что в процессе последующей борьбы почти два года корабли под новым флагом и с новыми командами использовались для подавления рабочих и патриотов, выступавших против интервенции. Еще недавно корабли флотилии служили мусаватистскому правительству только для представительства или в качестве объектов политического торга с деникинцами или англичанами.

Очевидно все-таки, историческая преемственность с флотилией Коммуны есть и останется, так как из истории ее заслуг не выкинешь, а если так, то зачем две организации, два флага, хотя и под единым командованием?

Не совсем ясно {86}.

Самое тошное из всего, что пришлось здесь услышать о периоде временного господства врагов - это рассказы о «подвигах» англичан.

Все мы были воспитаны на представлении об Англии как о стране передовой цивилизации. Особенно в старом российском флоте было сильно развито увлечение всем английским. В результате биографию адмирала Нельсона знали лучше, чем жизнь и дела адмирала Ушакова, и Нельсон, а не Ушаков служил образцом для подражания.

Конечно, становясь более взрослыми, знакомясь с историей и литературой, постепенно начинали познавать «коварство Альбиона» и то, что «англичанка всегда гадит!». Почему-то это

относилось преимущественно к области внешней политики, к дипломатии. Но практику, особенно вне Европы, то есть колонизаторские безобразия во всех частях света, помимо дипломатов, прикрывали своими стихами и рассказами Редьярд Киплинг и другие трубадуры Британской империи.

Нашему поколению на многое открыла глаза мировая война, но окончательно свалились все маскировочные покровы с английских политиканов и военных после Октябрьской революции. Гнусные бесчинства на Севере (Мурманск, Северная Двина, Архангельск, наконец, Мудьюг), поощрение и помощь в расправах с народом Колчаку, Деникину, Врангелю здесь, на Каспии, завершилась особо памятным по своей низости убийством двадцати шести бакинских комиссаров. До того я знал некоторые фамилии британских военных вроде Китченера и Хейга или Таундсенда {87}, севшего в калошу в Багдаде, но после 20 сентября 1918 года их заслонили имена капитана Тиг-Джонса и генерала Молиссона, которых мы не забудем до конца жизни.

И все же почти невероятным казался рассказ соседа по скамейке на приморском бульваре. Этот старикан в скромном чесучовом пиджаке и ветхой панаме на седой голове, видно, бедный, но аккуратный гражданин явно русского происхождения, не испугался матросской формы и, приветливо улыбнувшись, демонстративно подвинулся, как бы очищая нам место, хотя на большой скамье было достаточно просторно.

Собеседник оказался не только старшим чертежником городского архитектора, но и философом. Спокойно, с легкой иронией, прикрывавшей горечь, рассказывал он о крайнем шовинизме «отцов города» и о том, как страдали от этого русские, армяне или граждане других национальностей. О смене режимов вплоть до турецкого старик говорил больше в анекдотическом плане, выбирая смешные, но характерные эпизоды, очень умно вскрывая внутреннюю сущность этих якобы занятных, но на самом деле очень печальных казусов.

На каверзный вопрос: «А как было при Коммуне?» - старик, ничуть не задумываясь, ответил:

- Тяжело было!… Но и занимательного тоже хватало. Многое мог бы рассказать о том, как не успевшие уехать хозяева прятали ценности, переодевались в потертые сюртуки, первые подавали нам руку и, сладко улыбаясь, называли кардашами {88}. С другой стороны, хотя и голоднее было, но впервые маленькие люди чувствовали себя настоящими людьми…

- Ну, а как было при англичанах?

С первых же слов чертежник утратил философскую бесстрастность и иронию. Через полчаса перед нами предстала

весьма выразительная картина самого разнузданного, аморального, бесчеловечного и подлого поведения колонизаторов, уверенных в полной безнаказанности.

Великую Британию представляли здесь не только офицеры военного времени или капралы, выслужившие погоны за «дрессировку» индусов, но и джентльмены из так называемых хороших фамилий. Они как бы старались подтвердить ходовое мнение о том, что англичанин - джентльмен, пока он в Англии, и первейший хам, когда он в чужой стране.

Если специфически английским было холодное высокомерие и презрение к окружающим, то все остальные качества являлись стандартными для любых завоевателей. Поэтому зверства, жестокость, грабежи, насилия и издевательства совершались повсеместно, как днем, так и ночью.

Генералы вывозили из банков ценные бумаги, торговали нефтью с большим размахом и брали «комиссионные» от сделок. Штаб- и обер-офицеры грабили купцов и дельцов под видом обысков или вымогали для себя презенты у родственников арестованных; что касается капралов, то они мало чем отличались от ночных грабителей квартир и прохожих. Контрабандной торговлей занимались все, строго соблюдая служебную иерархию.

Пьянство в ресторанах с битьем люстр, зеркал и лакеев, бешеная езда по городу со стрельбой, насилия над женщинами, которые старались не выходить на улицу без охраны, избиение всех, кто не понравился одним своим видом, и многое-многое другое, что вмещается в понятие разнузданного хулиганства.

Два типичных штриха роднят бакинских интервентов с их собратьями в Мурманске, Владивостоке, Одессе… Они не делали особого различия между местными жителями и, забыв о первых своих декларациях, грабили и презирали всех, независимо от национальности, веры или убеждений. Плевали на общественность, на местные власти, законы, суды, полицию, в том числе и на предателей, пресмыкающихся перед ними.

Второй штрих заключался в том, что все беззакония - с нескрываемым цинизмом, официально - прикрывались борьбой с большевиками. Даже отбирая часы и кольца у местного купца, англичане успокаивали пострадавшего тем, что оберегают его самого и ценности от коммунистов.

Интересно было услышать от бакинского обывателя такую характерную сентенцию:

- Честно должен сказать, что индусы из числа гурков и сикхов, которые составляли большинство британских батальонов, вели себя вроде как прилично. Правда, прикажут им стрелять в

безвинных - стреляют, прикажут повесить - повесят. Исполнительные. А вот что касается оскорблений женщин или грабежей - не знаю такого случая. Опять же насчет выпивки - ни-ни!… Получается, что грабежи, насилия и пьянство вроде как особая привилегия более культурных и цивилизованных англичан…

Вот бы огласить такую информацию на заседании английского парламента! Или напечатать в «Таймс»?…

Нет, не напечатают и не дослушают, и не потому, что не поверят.

Почтенные джентльмены вспомнят свою молодость, весело проведенную в Индии или Трансваале, как резвились или обогащались в Египте или Китае… и узнают самих себя. Но никто, кроме англичан, не умеет так лицемерить и лгать, чтобы не выносить сор из избы. Однако, судя по ходу событий во всех концах мира, с годами это становится все труднее и труднее, особенно после Октябрьской революции в России.

* * *

Надо думать, что документы, перехваченные на «Галилее», позволят увековечить «подвиги» англичан в Баку, хотя не все художества оставляют след на бумаге. Но для начала рассказ почтенного чертежника городского архитектора дал нам много пищи для раздумья.

* * *

Желая разузнать, нет ли каких-либо способов списаться с Тифлисом и заодно посмотреть, где и как устроился наш штаб, отправился по указанному адресу.

Штаб- квартира недурная, если не роскошная, и в двух шагах от набережной.

Помощник начальника оперативного отдела Борис Иванович Смирнов, в отношениях с которым остался холодок (после того, как я в Астрахани отнесся скептически к его проекту посылки «Деятельного» в Красноводск), встретив в приемной комфлота, многозначительно поманил меня в одну из комнат со знакомой табличкой на двери: «Вход строго запрещается». Висела в Астрахани, не успели прикрепить в Петровске - теперь накрепко прибили в Баку.

С видом заговорщика, делающего одолжение, Б.И. показал

мне бланк с наклеенной лентой юзограммы из Ростова, репетующий приказ РВС Республики от 2 мая с.г., в котором разъяснялось вероломство «буржуазно-шляхетского правительства», выразившееся в нападении без всякого повода на Украину польских сил, «вооруженных франко-американской биржей» (хлестко написано!)… Дальше сказано, что «в целях всестороннего освещения вопросов, связанных; с этой борьбой… РВСР… постановил образовать при главкоме высокоавторитетное особое совещание по вопросам увеличения сил и средств… для победы в кратчайшее время»… и т.д.

Всех перечисленных фамилий не мог запомнить, только половину, из числа тех, о которых кое-что знал раньше, а именно: генерала Брусилова (председатель), Поливанова, Клембовското, Зайончковского, Парского и Перховского. Остальные совершенно незнакомые фамилии, но уже наличие одного Брусилова, известного всем русским людям, даже не военным, делает это начинание весьма авторитетным.

Ну что ж! Мне этот шаг нравится. Надо использовать всех и вся. Кроме того, такое совещание полностью соответствует решениям VIII съезда коммунистической партии и тому, что неоднократно говорил Ленин о «политике в отношении военспецов».

Возможно, что этот шаг одновременно показывает особую серьезность положения на польском фронте. Ведь не было подобных «совещаний» раньше? Вслух хотя не сказал, но подумал, что вряд ли можно было «мобилизовать» такую компанию царских генералов в период войны с адмиралом Колчаком или с генералом Деникиным, имевшими императорские вензеля на погонах. Сейчас немного иные условия. Сейчас для привлеченных генералов Польша является внешним врагом; следовательно, если они считают себя русскими патриотами, то должны действительно помочь родине.

Наверное, так и будет, хотя это не совсем последовательно. Интервенция Антанты казалась им приемлемой, так как совершалась под флагом «спасения России». Насколько это наивно, особенно для образованных генштабистов, пусть остается на их совести. В данный момент, судя по всему, Пилсудский не скрывает своих грабительских намерений и явно не собирается «спасать Россию», но зато тем самым он помогает нам.

На мой вопрос, как там идут дела, Смирнов утешительно сообщил о замедлении польского наступления и о якобы готовящемся контрударе Красной Армии.

Что касается каспийских дел, замначопер оказался на высоте и упомянул только, что на днях капитанов вызовут на совещание.

И на том спасибо.

Внешняя метаморфоза

Наблюдал, как увольняются наши в город. Красота! В старом флоте полагалось форменку носить «напуском», отчего все матросы казались пузатыми или беременными. Теперь носят в обтяжку под поясным ремнем, видна талия, это делает стройной всю фигуру.

Приятно видеть, что почти у всех в парусиновых чемоданах сохранился «первый срок». Сейчас - выутюженные, с начищенными ботинками - все выглядят как на картинке, «фасонисто».

Но особенно приятно то, что на «Деятельном» ни одного клешника или «жоржика». Нет и ленточек до пояса. Откровенно говоря, так же тщательно и хорошо одеты и другие моряки дивизиона. Если попадаются на улице матросы типа «гроза морей», «буревестник» или в этом роде, что бросается в глаза по расхристанному виду и фуражке, еле держащейся на затылке, то это либо с транспортов, либо из десантных отрядов. Но и там их не много.

Кстати, кто-то из военных мудрецов изрек вполне справедливо, что «внешний вид солдата неотделим от дисциплины», а другой его коллега - что «дисциплина невозможна без внешнего вида, то есть выправки, подтянутости и т.д.». Что раньше - курица или яйцо? Не знаю, но зато могу свидетельствовать, что прошло больше недели увольнений на берег, а на «Деятельном» никто не попадал в кутузку или на «губу», не было ни одного скандала; если пьют, то немногие и умеренно; не говорю уже о служебных нарушениях - их нет или до меня не доходят. А между тем в Баку соблазнов больше и можно было ожидать реакции после длительной «голодовки» в Астрахани.

Получилось наоборот: здесь и внешний вид лучше, и поведение и дисциплина выше, как будто людей подменили, в то время как нельзя сказать, чтобы командир или комиссар специально занимались этими вопросами. И так как чудес не бывает, то несомненно, что все поступки моряков определяются сознанием ответственности задачи освобождения Азербайджана, возложенной на флотилию. Одновременно воздействует понимание того, что каждый из нас является представителем братского народа, что также заставляет именно здесь, в Баку, перед лицом не только рабочих многих национальностей, но и различных их врагов и иностранных наблюдателей подтягиваться и держать высоко флотскую марку.

Чем больше узнают о художествах бичераховцев или

англичан, тем меньше желания походить на них. Значит, дело касается не только внешнего вида, но и поведения, то есть внутренней дисциплины.

Между прочим, здесь всех моряков без исключения считают большевиками. Моряк, военмор, матрос - синоним коммуниста. Значит, все мы для окружающих являемся как бы представителями РКП(б), а это обязывает.

Думаю, что в этом секрет и внешнего вида, и внутренней дисциплины.

* * *

Возможно, поэтому, наблюдая увольнение, невольно так внимательно оглядел самого себя.

Молодцы наши хозяйственники, даже в Нижнем ухитрились открыть швальные мастерские - кажется, заботами тов. Измайлова. Но о командирах забыли, ограничившись выдачей материала на руки. Благо тем, кто вроде А.А. Синицына приехал в Астрахань с комфортом, прямо из Петрограда, прихватив чемоданы кителей и тужурок. Мне же удалось к Астрахани сохранить только портфель с томиком сказок Шехерезады.

За «Тысячу и одну ночь» никто по дороге хлеба не давал. Так и не пришлось расстаться с любимой рассказчицей в течение всей кампании 1920 года. Оказалась верной подругой, несмотря на то что я готов был ее променять.

Еще в Петровске, собираясь в цирк, пытался отпарить бушлат и выутюжить штаны далеко не первой свежести. Заметного успеха не добился. Но там куда ни шло, а здесь, в Баку, - не ради шикарной публики на бульваре, а на фоне подтянувшейся команды, - нельзя было продолжать носить обличие бывшего.

Помню, как в Петрограде, особенно на Невском, некоторые бывшие офицеры, демонстративно торгуя спичками, нарочито выставляли напоказ полную форму, только без кокарды и погон. Мол, смотрите, русские люди, до чего довели нас большевики! Это претило до тошноты, было лицемерием и фальшью, не говоря уже о том, что это была одна из форм контрреволюционной агитации, трусливой и безопасной для этих офицериков.

Не хочется подражать, хотя бы и невольно.

Правда, у меня есть матросский бушлат, но в нем по майскому Баку ходить уже невозможно. Белых кителей не имеется и в помине. Фуражка, хотя на ней нет белых кантов, все же остаток былой роскоши, некогда украшенный золотым «крабом» {89}. Так или иначе, за версту видно бывшего офицера.

С 1 мая положение усугубилось тем, что «оставшиеся» белокаспийцы выглядят почти так же после того, как сняли погоны и кокарды, но только они не успели еще обноситься.

Выход в торговые ряды к ремесленнику-портному кончился полным провалом. Было абсолютно неожиданно и странно в ответ на вежливую просьбу наблюдать нескрываемую ненависть.

- Приходи через год! Стоить будет сто рублей золотом! А материал свой забери обратно и отдай, у кого награбил! - При этом хозяйчик швырнул чуть ли не в лицо кусок сукна, полученный мною еще из астраханского порта.

Если бы с трудом не удержал темпераментного Гридина, то, наверное, произошло бы «нанесение телесных увечий». Однако я не мог понять: откуда такая слепая ненависть к нам, из-за которой человек не владеет собой и готов идти на большой риск? Ведь мы столкнулись не с купцом или промышленником, а с ремесленником, имеющим только двух наемных рабочих (старика и мальчишку, которому, наверное, даже не платит). Подобного случая в РСФСР не бывало и не могло быть.

Неужели это только результат враждебной агитации? Не совсем понимаю. Не мог объяснить и Гридину.

Но относительно моего внешнего вида вопрос ясен. Нельзя ходить оборванцем. Вернул сукно, и, подогнав комплект и фуражку с ленточкой «Деятельный», начал ходить в форме рядового военмора. На корабле это приняли так, как будто иначе не могло быть.

Кое- кто на дивизионе встречает с ехидной ухмылкой: мол, подмазывается к матросам. Сначала было неприятно, но, присмотревшись к реакции этих самых матросов, перестал слушать злопыхателей и освоился.

1- 12 мая (подготовка к решающей операции).

Исподволь - можно считать, начиная с 1 мая непрерывно ведется подготовка к заключительной операции. Ведется так, что никто толком ничего не знает. Для этого используется игра в молчанку (секретность) и маскировка (военная хитрость). Пока неизвестно, как все это воспринимает противник и насколько он дезориентирован.

Что касается нас, исполнителей, то мы, конечно, догадываемся по ряду признаков о неизбежности операции в скором времени. Но когда и как?

Даже на базаре известно о подходе новых сторожевиков и канлодок из Астрахани. Никто не скрывает, что за ними идут балтийские миноносцы. Не то двенадцать, не то четырнадцать, в том числе три или четыре с 102-мм артиллерией (типа «Украина»), а один дивизион - с мазутным отоплением котлов.

Причем все они менее изношены и в лучшем техническом состоянии, чем наши.

Как будто правильнее дождаться их прихода, но тогда выступление против Энзели сможет начаться не раньше июня.

Как достичь цели? Ударом по защищенному порту и находящемуся в нем флоту или блокадой?

Если удар, то, очевидно, решительный и совместный (с моря, с суши и с воздуха). Чем внезапнее, тем больше шансов на успех и меньше потерь. В памяти встает прочитанное о Дарданелльской и Зее-Брюгской операциях. Ни та, ни другая не подходит в качестве примера, так как обстановка и цели операции совсем иные. Не прорыв и не закупорка нам нужны, а захват кораблей и ликвидация вражеского гнезда.

Понятно, почему мы сейчас не блокируем Энзели. Не хватает миноносцев, чтобы по одной паре на три смены держать постоянно в море, перед выходом из гавани {90}. Астраханские канлодки для этой задачи не годятся. «Карс» и «Ардаган» не готовы. Зато с приходом новых миноносцев можно будет организовать вполне действенную тесную блокаду.

Но можно ли выжидать еще целый месяц или надо идти на риск немедленно? Командиру миноносца такого вопроса не решить, так как надо знать, как складывается война с Польшей и Врангелем. Какие отношения с Англией и всей Антантой? Насколько может осложниться дело с Персией? И многое другое.

Штабники молчат, оперативная часть засела в береговом помещении и менее доступна, чем было на «Либкнехте». Это правильно. За нами, бесспорно, следят сотни глаз и ушей. «Галилей» только подтвердил, что в городе легион шпионов: любителей и профессионалов, русских и английских, азербайджанских и персидских, обоего пола и любого вероисповедания.

Очевидно, когда будет надо, объявят решение когда и как. Но уже теперь ясно, что решение будет плавильное, так как подобную операцию в водах и на берегах нейтрального государства нельзя предпринимать без прямого приказания Москвы, а здесь в Баку без указаний тт. Орджоникидзе и Кирова. Не будь их, темперамент комфлота внушал бы беспокойство.

* * *

Для угольного миноносца уголь - главная проблема. О казусе в Петровске даже вспоминать не хочется.

В здешнем нефтяном изобилии угля для дивизиона опять не

оказалось. Ведь не только в Баку все установки работают на мазуте. Смежные железные дороги и котельные заводов и электростанций также на нефтяном отоплении. Поэтому из центра пришлось направить сюда специальные маршруты с донецким углем через Ростов {91}. Спустя десять или двенадцать суток мы грузили отличный уголек прямо с платформ, предварительно перейдя к одной из пристаней поближе к Черному городу.

Кочегары и механик улыбаются: «С таким углем не работа, а отдых, удовольствие! Что твой кардиф!»

Кстати, об отдыхе и удовольствиях.

Когда думаю, как протекает кампания, смущает мысль: поймут ли в Москве, на других флотах или потом, когда будут читать официальные отчеты, насколько нам приходилось трудно?

Ведь плавания пустяковые. От астраханского рейда до Баку всего триста шестьдесят миль. Только один сильный шторм (гибель «Каспия»). Единственный бой в море - с «Милютиным». Несколько небольших десантов и довольно упорная минная война - вот и все трудности.

Формально как будто так.

Но к этому скромному перечню надо прибавить условия, в которых приходилось добиваться даже таких небольших результатов. Совершенно изношенные котлы, машины и системы трубопроводов требовали непрерывных переборок и исправлений без возможности замены изношенных частей, при отсутствии материалов для ремонта и нехватке инструмента.

Многим известно, как авиация, летающая на чертовой смеси, реквизировала касторку во всех аптеках. Уже существуют анекдоты на эту тему. Но мало кто знает, что еще полгода назад из-за нехватки смазочных материалов морякам приходилось в рыбачьих поселках «добывать» тюлений жир и самодельное мыло для использования вместо машинного масла и тавота {92}. И оттого, что последний жир и мыло отбирали у советских людей в принудительном порядке, настроение не становилось лучше.

Некоторые вспомогательные механизмы вовсе не работали - шпилевая машина на «Деятельном» или опреснители на всех миноносцах.

Мусорный уголь, проваливавшийся через колосники, пережигался по два-три раза. В результате приходилось работать в два-три раза больше и дольше, чем в «нормальных» условиях хотя бы очень напряженной войны. Если при этом учесть систематическое недоедание («карие глазки» - до Петровска), то только тогда станет понятным, что не в эпизодических боях, а систематически изо дня в день, в повседневной жизни от

товарищей требовалось исключительное физическое напряжение.

Командир миноносца с приходом в порт становился дополнительно начальником охраны рейдов и тралил фарватеры, а старпом, став лоцманом, вводил вновь пришедшие корабли в гавань и днем и ночью. Нет военмора, который не имел бы дополнительной работы или нарядов в городе.

Однако тяжело не только от физической перегрузки. Ветхость и изношенность миноносцев являются источником тягостного беспокойства при мысли о том, что в любой момент может «скиснуть» какое-либо устройство или механизм. Сколько раз неожиданно отказывал рулевой привод, прерывалась связь, выключалось освещение, падало давление пара или происходили другие происшествия - с соответствующими последствиями. Все это ожидание «сюрпризов», могущих сорвать выполнение боевой задачи, и сознание ответственности тяготило почти всех от салажонка до командира корабля. Беспокоит оно и сейчас, когда думаю о предстоящем походе.

Надо помнить, что не было случая, чтобы флотилия вышла в операцию в заранее намеченном составе (особенно не везло «Дельному»), так же как не было случая, чтобы дивизион пришел к району операции в том составе, в котором удалось выйти {93}.

Вот почему в таких условиях до последнего времени команда не имела нормального отдыха, так как его съедал непрерывный ремонт, дополнительные нагрузки, частые погрузки угля и приемка запасов воды. Кроме того, приходится сознаться, что с момента выхода из Астрахани обстановка менялась так быстротечно, что ни штаб, ни политотдел, ни командиры миноносцев не успевали или не умели организовать досуга (от лекций и кино до бани и стирки), предоставляя каждому устраиваться «по способности». Очевидно, зимняя организация и методы политпросвета и тыловой работы оказались несостоятельными, когда темп боевой жизни резко возрос.

По себе и окружающим знаю, что даже с приходом в новый порт (Петровск, Баку, Ленкорань) всякая любознательность или любопытство погашались непреодолимым желанием выспаться и отдохнуть.

Пусть товарищи оценивают наш ратный труд, учитывая эти условия.

* * *

Что сказать о корабле сейчас, когда надо быть готовыми к следующей задаче? Немного отдохнули. Не полностью, так как

ремонт жмет на нас, а мы на него. Народ подтянулся. Работает много и живет дружно. Не помню взысканий.

Конечно, не все святые. Знаю, что кое-кто опаздывает, возвращаясь с берега, а кое-кто ловчит увольняться не в очередь. Но от меня скрывают. Установился порядок: «Сами управимся, у командира и без этого дел хватает». Однако от секретаря ячейки Ивана Белова мне известно, что ни один проступок не остается без осуждения. Драют сообща так, что редко приходится повторять.

Может быть, обманываюсь, но похоже, что у меня увеличивается число друзей. Дело не в том, что чаще, чем в Петровске, приходят в каюту за советом или с просьбой. Речь идет о товарищеской непринужденности, с которой заговаривают с командиром на палубе, на пристани или при встрече в городе, причем приветливо, но без всякой фамильярности.

Заметил также, что при всех выходах в город, в штаб или просто на бульвар непременно оказываются попутчики. Если при этом случается встретить знакомых, то мои товарищи отстают или исчезают, чтобы появиться вновь, когда опять остался один. Во время бесед прощупываю настроение перед решающей операцией. Итоги замечательные. Спокойная уверенность. Торопят.

Вчера военком принес и положил на стол наган. У меня своего оружия не было.

- Зря ходите в город без оружия.

- Так ведь постреливают по ночам, да и то изредка, а я ночью спать укладываюсь.

- Во-первых, всегда ночью в штаб вызвать могут. Во-вторых, береженого пушка бережет.

- Ладно! Давайте пушку!

* * *

Подсчитал в уме, оказалось, что «Деятельный» - мой пятый корабль, с тех пор как вышел в офицеры, и второй, которым командую. Не считая «гастрольных» боевых походов. В общем, учитывая гардемаринские плавания, есть с чем сравнивать. И должен признаться, что не видел более изношенного корабля и в то же время более надежную и опытную команду.

Конечно, в первую очередь это Лузгин, который живет только кораблем, работает буквально круглые сутки и без воскресений. При этом без шума и крика; никакой позы или желания выслужиться; даже старается скрывать, если устает. Редкая самоотверженность и сознание долга.

Возможно, его следует упрекнуть только в одном - что много работает сам, даже в случаях, когда следует поручать другим. Но поскольку все машинисты, кочегары и трюмные охотно делают что требуется и слушают его беспрекословно, вряд ли надо «перевоспитывать» старика.

Очевидно, механик принадлежит к натурам, которые не могут сидеть без дела ни одной минуты. Старпом рассказывал, что когда на Волге миноносец вмерзал в лед и оставалось свободное время после ремонта и школ (по повышению квалификации), Лузгин тачал сапоги или варил мыло, так как вторую его профессию - агронома - использовать не представлялось возможности.

Под стать механику и его «духи». Даже относительно молодые, вроде Виктора Дармограя {94}, не вылезают из котельных отделений, если какой-нибудь клапан или донка внушают сомнение.

Старпом очень молод, поэтому у него иной стиль, но важно то, что никогда ни словом, ни делом не напоминает о том, что был командиром этого корабля, а работает исключительно добросовестно, стараясь помочь чем может.

Большевики «верхней» команды не отстают от духов.

Мне, бесспорно, повезло с командой.

Теперь, когда мы лучше знаем друг друга, должен сказать, что такого делового и спаянного коллектива не видел на других кораблях; даже на «Кобчике», о котором вспоминал с тоской, когда в Астрахани случались недоразумения.

Именно повезло, так как я пришел на готовое, в коллектив, уже имеющий свои революционные и боевые традиции.

Военком - неплохой человек, но флегматичный, как некоторые эстонцы, и, как почти все атлеты, к сожалению, слишком увлекается выжиманием гирь. Неплохо, что он сплотил вокруг себя силачей, но этого мало. К тому же комиссар на «Деятельном» плавает еще меньше, чем командир. Значит, кто-то другой развивает, сплачивает и воспитывает экипаж миноносца, включая и беспартийный командный состав.

Конечно, это партия и те идеи, за которые она борется. Ежедневно и непрерывно, открыто и незаметно она воздействует на всех нас - убеждением, разъяснением и личным примером коммунистов. Все с исключительным уважением и теплотой вспоминают товарища Ядыгина, который в очень сложное и тяжелое время был председателем комитета, а позже секретарем партийной организации. По всему видно, что этот большевик сделал очень много для повышения политической сознательности и сплочения команды «Деятельного». К сожалению, я его не застал, так как он был переведен, но вижу по сей день, как его вспоминают в трудную минуту.

13- 14 мая (Баку).

Хотя в газетах об этом не говорится или упоминается очень скупо, но на бульваре, в кают-компаниях и кубриках только разговоров что о резне, борьбе с бандами и особенно о мелких боях с грузинскими и армянскими войсками. Никто из соседей не знает, вернее не хочет знать, о точных государственных границах. Каждый исходит из местных интересов.

Командование Красной Армии временно (до установления договорных границ с соседями) исходит из старой административной карты Бакинской губернии Российской империи. Но последняя во многих местах не совпадает с границей Азербайджанской республики, установившейся в результате местных боев. Теперь выясняется, что пока XI армия двигалась к Баку, дашнаки и грузинские меньшевики постарались отхватить кто сколько мог, в то время как мусаватистские вожди, начальники, вояки, пограничники и жандармы, вместо того чтобы защищать свое государство, стремились прежде всего расправиться с большевиками, а затем удрать или сами принимали участие в грабежах и сводили личные счеты.

Самое отвратительное - что почти повсеместно продолжается взаимная резня татар и армян. Не знаю, насколько это точно, но если до последних дней больше страдали армяне, так как мусульманская администрация их не защищала и даже поощряла избиение, то теперь как будто в некоторых местах к моменту приближения наших частей армяне пытаются отомстить, расквитаться в расчете на то, что Красная Армия им поможет.

Надо быть очень темным и очень озлобленным, чтобы видеть в красноармейцах христианских крестоносцев, воюющих только с неверными мусульманами.

Как ни печально слышать об этом мне, армянину, но очевидно, такие случаи имели место. В приказе командарма-XI Леваневского сказано: «…идет взаимная резня армян и мусульман» - и дальше: «…отбросить за границу зарвавшихся грузин и прекратить армяно-мусульманскую резню».

Если, кроме того, вспомнить несколько крупных националистических банд (в Ленкорани, Гандже, Астаре и др.) и большое число мелких, представить себе, что, кроме грузин и армян, через границу перешли персидские «шахсеваны» и что в Карабахе и Зангезуре действуют какие-то «турецкие» полки, то становится ясным, почему пришлось почти все части XI армии распределить по Азербайджану для наведения порядка.

Обстановка чрезвычайно запутана. Сам черт не разберет. Но одно ясно - никаких завоевательных целей у нас нет. Главная задача состоит в укреплении завоеваний революции, в утверждении советской власти в республике, соседствующей с РСФСР, связанной с нами политически и экономически, в разоружении банд и в прекращении резни.

Какими бы лозунгами ни прикрывались муллы, ханы и беки - они служат контрреволюции и самой черной реакции. Особенно характерно и в то же самое время нелепо то, что о национальных интересах азербайджанского народа больше всего заботятся - турецкий паша, английские генералы и сэр Детердинг, швед Нобель, французский еврей Ротшильд и те коренные бакинцы вроде Ассадулаева, Тагиева, Манташева, Лалаева и др., которые проводят большую часть года в Париже и воспитывают там своих детей.

Грузинские меньшевики заботу о своих национальных интересах отдали сперва кайзеровской Германии, затем с такой же легкостью передоверили Англии, поскольку с Италией сговор не состоялся из-за помехи конкурентов.

Дашнаки более твердо держались одной ориентации, но зато целиком, с потрохами, продались американцам (внешняя политика, экономика, армия, полиция и т.д.).

В результате, поскольку Турция продолжает политику экспансии в расчете на религиозный фанатизм мусульман, в Закавказье получился многослойный, противоречивый и запутанный клубок, в котором очень трудно разобраться, тем более что обстановка меняется не по дням, а по часам.

* * *

Пожалуй, самое необычайное заключается в том, что не только голодавшая вчера, но и полуголодная сегодня Советская Россия начала поставлять эшелоны с пшеницей для рабочих Азербайджана.

И это несмотря на разруху транспорта, войну с Польшей и Врангелем, на отсутствие запасов, на недород в некоторых областях. Невероятно!

Было ли подобное в истории? Не приходилось читать. Думаю, что не было. И еще думаю, что это - Ленин. Никто, кроме него, не мог бы взять на себя такого решения.

И в этом наша сила!

* * *

Вызванный начальством (из Астары) Озаровский рассказал кучу интересных вещей.

О том, как, не препятствуя обычному сообщению Энзели - Астара на моторных катерах (персидских), удалось узнать многое о том, что делается в этом персо-англо-белогвардейском порту.

Действительно, береговые батареи есть, даже недавно опробовались стрельбой. Периодически по ночам работают прожектора. Английских войск в порту не менее бригады; большинство солдат - индусы. Но штаб-квартира старшего начальника - в Реште, где большой гарнизон.

Что касается флота, то его состояние оценить трудно. Формально англичане корабли интернировали, но возможно, что это дипломатическая маскировка. Однако является достоверным, что флот стоит с некомплектом экипажей. То ли их распускают, то ли сами разбегаются. Днем дозорных кораблей не видно, возможно, что выходят на ночь.

Ну что же! На этот раз кое-что знаем о противнике. Правда, если бы нас ожидал полноценный и энергичный враг, то этих сведений было бы недостаточно. Лезть в драку с берегом, не имея даже мест расположения батарей, не совсем грамотно.

Жаль, что наша авиация еще не перебазировалась в Баку (фактически еще не дотянула до Петровска).

* * *

Возвращаясь из штаба, оглядел рейд.

До чего велик! Несмотря на то что сюда сосредоточиваются корабли флотилии из Астрахани и подходят все наливные суда, способные двигаться, рейд не кажется оживленным.

Помимо географии, секрет необъятности рейда заключается в многочисленности пристаней (которых более полсотни!), в отсутствии основного тоннажа, который уведен в Энзели, а также в том, что низкобортные миноносцы, стоящие у причалов, затерялись и почти не видны. Да, кроме того, пока миноносцев только четыре.

Все это хорошо, так как не дает почти никаких внешних признаков подготовки к операции.

Характерно, что фланирующая по бульвару публика оживляется, когда пробегает истребитель с большим буруном за кормой. Очевидно, фавориты публики знают о внимании к ним и нарочно эффектно проносятся слишком близко и слишком быстро. Мальчишество. Английского агента катера не отвлекут от наблюдения.

* * *

Поздно вечером необычный вызов на берег, к комфлоту.

Хозяин кабинета один. Стол завален бумагами; сбоку - остывший чай.

- Еще раз хочу напомнить о вашей второй должности… Что скажете по этому поводу? - Комфлот, улыбаясь, протянул мне обычный бланк гражданской телеграфной конторы, полученной в адрес «командующего Красным флотом».

Хорошо помню смысл депеши, подпись, контору отправления (в одну из ночей 10, 11 или 12 мая), поэтому не очень ошибусь, если попытаюсь воспроизвести ее текст.

«Энзели» (служ. отметки)… Считаю патриотическим долгом предупредить (или предостеречь). На днях англичане сбросили много морских мин внешнем рейде подходах порту. Доброжелатель». (Или Благожелатель.)

- Разрешите карту и циркуль.

Вспомнив лекции П.П. Киткина и И.А. Киреева, после некоторых прикидок я начал:

- Докладываю. По нашим данным, у входа в Энзели стоят береговые батареи - до шести дюймов. Мины выгодно ставить на пределе артиллерийского огня, с тем чтобы выдвинуть позицию дальше в море и заставить противника тралить возможно дольше. Одновременно увеличивается глубина района развертывания для кораблей, выходящих из порта. В данном случае глубины моря

показаны очень скупо, но они таковы, что на дальности огня шестидюймовок мины ставить нельзя или почти нельзя.

У «союзников» были так называемые глубоководные мины, сконструированные для барража Отрантского пролива, но это такое громоздкое и дорогое оружие, что вряд ли англичане везли его сюда. Да и ставить «парашютные» мины можно только со специального заградителя. Поэтому такой вариант надо исключить вовсе. Максимум на что можно рассчитывать, - это на русские глубоководные мины, которые белые могли получить из Севастополя. Реальная глубина их постановки сто двадцать - сто тридцать метров (теоретическая - сто пятьдесят). Такой вариант нельзя исключить вовсе, хотя он также маловероятен.

- Почему?

- Докладываю. До сих пор мы имели дело (считая и минные операции 1919 года) с «рыбками» и минами 1908 года. Ни одного «иностранного» образца не было вытралено или выброшено на берег. Самоуверенность у англичан в крови. Белые, вероятно, заразились от них, тем более что относительно недавно Деникин доходил до Курска и Орла. Вот почему англичане и белые не ставили оборонительных заграждений ни у Чеченя, Петровска, ни на подходах к Баку, Ленкорани или Красноводску.

Кое- кто в штабе считает вероятным заграждение белыми входа в Тюб-Караганский залив. Но я убежден, что там могли видеть сорванные мины наших постановок прошлых лет. Никаких неприятельских заграждений вне подходов к Астрахани не существует. В этом отражается их стратегический план, расчет на скорую победу и свидетельство того, как они сильно ошиблись в своих расчетах. По той же причине не могло быть глубоководных мин у них в резерве. Вряд ли они в своих планах предусматривали поспешное бегство, которое совершилось всего только шесть недель назад. Если бы преемник Сергеева просил телеграфно Врангеля выслать глубоководные мины, то, зная административные порядки у белых, необходимость погрузки и выгрузки (Севастополь, Батум), перегрузку на железную дорогу, формальности с транзитом через Грузию, перегрузку в Баку на транспорт или минзаг и выгрузку в Энзели, можно поручиться, что шесть недель -совершенно недостаточный срок. Тем более что мы исходим из предположения наличия готовых мин в Севастополе, свободных транспортов на Черном и Каспийском морях и порожних вагонов в Батуме.

Наконец, «Доброжелатель» сообщает, что мины поставлены на днях, а их еще надо было приготовить. Значит, враги располагали не более как пятью неделями, а то и месяцем. Такой аврал предпринимать только для того, чтобы поставить мины на

крутом склоне береговой террасы, в расстоянии шесть-восемь миль от берега, явно нецелесообразно.

Остается одно, что если мины действительно поставлены, то это обычные шаровые мины восьмого или двенадцатого года, закрывающие непосредственный выход из гавани (в трех-четырех милях). Однако и это допущение очень сомнительно. Товарищ Озаровский уверяет, что дозорных кораблей или брандвахты на подходах к Энзели нет, а персидские катера ходят свободно в Астару и обратно обычными курсами и без лоцманов, что исключает наличие минного заграждения у входа.

Мой вывод: «Доброжелатель», очевидно, из большого желания нас предостеречь ошибается или передает слухи и предположения. Но возможно, что он не благожелатель, а провокатор, которому поручено нас запугать трудностями.

- Согласен! Благодарю вас… Мне тоже представляется сомнительным наличие заграждения. Если же оно вплотную к берегу и только у входа, то оно не страшно. Можно сперва разделаться с батареями, а затем уже с минами… До завтра!

Последние слова, по-видимому, означали, что завтра, 15 мая, состоится официальная встреча с начальством.

* * *

Озабоченный вчерашним вопросом комфлота, с утра послал на «Орел» за новоиспеченными военспецами из числа «добровольно оставшихся». Как назло, почти все оказались артиллеристами. Рекомендовали спросить мичмана по фамилии Твербуз-Твердый, который служил в оперативном отделе сергеевского штаба.

Разысканный Твербуз сказал, что минный запас белых находится на барже «Терек», которая застряла здесь, в Баку, не без стараний мусаватистов и сейчас стоит где-то у острова Наргин {95}.

Хотел сначала посмотреть на баржу, нет ли новинок, но узнав, что на «Тереке» только мины образца 1908 года, присланные из Севастополя, не поехал. Они мне известны с 1914 года и совсем недавно пригодились на астраханском рейде, так что изучать нечего.

На вопрос к Твербузу: «А были ли еще мины, хотя бы у англичан?» - последовал характерный ответ:

- Поверьте, не знаю. Возможно, они получали тем же путем, через Батум, из Англии или из того же Севастополя. Мы обязаны были докладывать англичанам о всех запасах, но что имелось у

них самих - этого мы никогда не знали. От нас скрывали все секретные сведения.

Хороши союзнички и покровители! Впрочем, иначе и не могло быть.

Хотя полной ясности нет, все же вероятность наличия мин перед Энзели уменьшилась. Переслал Б.И. Смирнову записку с просьбой доложить начальнику штаба или комфлоту.

* * *

Все чаще в разговорах упоминается имя Кучук-хана (правильнее - Кучек-хан). Толком ничего о нем не известно, но говорят, что персы-бедняки его боготворят. В это можно поверить, даже у нас о нем ходят романтические легенды на манер шотландского Робин Гуда. Снежинский рассказывал, как впервые услышал о Кучук-хане весной 1919 года, лежа в стрелковой цепи во время боя с белоказаками за село Семирублевое (под Астраханью). Тогда кто-то из матросов, раздосадованный необходимостью мокнуть и мерзнуть, лежа в камышах под огнем казаков, пригрозил, что «бросит все и уйдет к Кучук-хану». Жизнь в отрядах последнего, очевидно, представлялась моряку в виде борьбы вольницы с буржуазией, без особенных трудностей и среди сплошных апельсиновых рощ.

Кроме того, что Кучук грабит богатых и помогает бедным, на флотилии о нем ничего не знали. Сейчас начинает более ясно обрисовываться национально-освободительный характер борьбы, которую возглавляет в Гиляне Кучук. Он причиняет много ущерба и хлопот не только своим ханам, но и англичанам, действуя в их тылу и на коммуникациях. Когда у интервентов дела шли совсем плохо, они вступали с ним в переговоры, якобы сочувствуя его борьбе с шахским правительством, улещали, пытались привлечь на свою сторону. В последнее время, убедившись, что подкупить патриота нельзя, объявили крупную сумму за его голову.

Типичный прием для старых колонизаторов, но какой примитивный! Это годилось, пока азиаты были совершенно слепыми, но времена меняются и люди меняются. Особенно когда под боком поднимается Советский Азербайджан.

* * *

Расписался в повестке, приглашающей завтра с утра на совещание. В Баку мы с 1 мая; за эти полмесяца приглашали кое-

кого порознь, но официальных сборов у комфлота еще не было.

Поскольку начальство и штаб работали с утра до ночи, а нас подгоняли с ремонтом и приемками, нетрудно догадаться, о чем будет разговор.

Значит, по-видимому, решено не ждать подкреплений и закончить кампанию при помощи потрепанной старой гвардии.

Ну что ж! «Деятельный» не подведет… если не подведет наша техника.

15 мая (Баку).

Состоялось первое совещание флагманов и командиров в береговом помещении штаба.

Большой сбор. Настолько большой, что попадались даже совсем незнакомые лица. Кое-кто из кожановских комбатов, несмотря на жару, не может расстаться с кубанкой и кожаными галифе.

После «зажигательного» предисловия комфлота и напоминания о сугубой секретности данного совещания начштаба прочитал боевой приказ № 5, помеченный вчерашним числом.

Главное в приказе:

Энзели защищают до двух тысяч человек английских войск и шестидюймовые батареи (сколько - не указано); о торпедных катерах - ни слова;

общая идея операции - зажать Энзели в тиски: десант с востока, кавдивизион из Астары - с запада, крейсера и эсминцы своим огнем - с моря;

три кожановских отряда с трех транспортов после высадки на участке Хуммам-Кивру и отрезания сообщений врага с Рештом «стремительным натиском овладевают береговыми укреплениями», затем организуют оборону города; в случае приближения отрядов Кучук-хана высылают поддержку;

для обмана и рассредоточения сил противника эсминцы типа «Деятельный» производят за два часа до высадки демонстративный обстрел западного берега от Энзели до Кечелала;

два крейсера (под командованием Гаврилова) подавляют батареи;

три канлодки (под командованием Славянского) поддерживают огнем десант;

кавдивизион из Ленкорани переходит границу (после сигнала по радио) в момент подхода кораблей к Энэели: его поддерживают с моря пароход «Греция» с ротой десанта моряков и крейсер «Пролетарий».

В заключение, еще раз напомнив о необходимости помалкивать и до выхода в море командам и десантникам ничего

об операции пока не говорить, начальство предложило срочно заканчивать ремонт и все приемки.

Ни слова не было упомянуто о дате начала операции, а между тем для многих командиров это все равно что не сказать, участвует или не участвует его корабль в походе, так как на ремонт, снабжение и комплектование нужно много времени.

Первый вопрос: «Когда выход?» - заставил комфлота улыбнуться:

- Узнаете своевременно!

Но такой ответ явно никого не удовлетворил, и комфлоту пришлось добавить:

- В самые ближайшие дни!

Как ни странно, но дальше посыпались вопросы не относительно операции или боя, а о переходе морем. Впрочем, отчасти это понятно, так как формируется эскадра слишком необычная и разнокалиберная, техническое состояние кораблей очень ненадежно, большинство командиров пойдет на них в море впервые (кроме миноносцев), совместно с боевыми кораблями должны идти три транспорта, никогда не плававшие в эскадренном ордере, отсутствуют радиостанции на большинстве судов и т.д. и т.п. Вот что заставляет прежде всего беспокоиться о том, как дойти до места боя.

Попытка начштаба ответить и разъяснить способ построения в три колонны с фордзейлями впереди только запутала и смутила некоторых командиров, и комфлот поручил штабу разработать специальный приказ о походном порядке и раздать его участникам накануне выхода.

Пришлось и мне задать ряд вопросов:

- Исключается ли выход белого флота? То же - атака торпедных катеров или аэропланов? Кто должен следить за выходом из гавани, поскольку об этом в приказе не сказано?

Ответы (комфлота и начштаба):

- Выход белого флота и бой с ним исключается, если только не найдется кучка фанатиков, которая может попытаться оказать сопротивление на одном-двух кораблях.

- Что касается торпедных катеров, то атака их более вероятна, поскольку для этого необходимо только три-четыре человека на катер.

- Замечены полеты армейских аэропланов на Решт. Гидросамолеты давно уже не поднимались, но раз аппараты имеются, залив Пир-Базар представляет из себя гидроаэродром, а офицеры-летчики перелетали с острова Чечень - нельзя исключать возможность единичных атак. Если мы сумеем подойти внезапно и стремительно атаковать, то подобные

разрозненные попытки врага вовсе не состоятся или не будут иметь успеха.

- В отношении наблюдения за флотом противника и выходом из гавани - пусть эту задачу выполняет миноносец, который во время демонстрации окажется ближе к порту.

* * *

Под конец, как это было не раз в течение кампании, посыпались просьбы:

- Разрешите опробовать пушки, так как только что подогнали замки и установили две системы. («Карс», «Ардаган» и др.).

- Разрешите уничтожить и определить девиацию… (Касается почти всех кораблей.)

- Разрешите выйти на опробование машин после ремонта… (Относится к пятидесяти процентам кораблей.)

И так далее.

- Не разрешается!… Можете делать на ходу, когда уйдем из Баку за пределы видимости.

* * *

Когда вопросы были исчерпаны, начальник штаба опять вернулся к организации выхода в операцию.

В определенный день флагманы и командиры будут предупреждены (до полудня) о начале выхода в тот же вечер. После чего надлежит прекратить увольнения и все дела на берегу. К спуску флага приготовить машины. Выход без сигнала, по способности, с наступлением полной темноты, без шума, малым ходом и только с ходовыми огнями.

Сбор в точке к югу от острова Наргин, в расстоянии мили.

Дальнейшее движение - по сигналам флагмана.

Расходились с противоречивыми настроениями, но самый факт, что наконец операция начинается, по-моему, большинством воспринят хорошо.

Ругается Самойлов. Но он действительно в тяжелом положении, поскольку его «Карс» не готов ни по одной статье. Ругается потому, что боится отстать, а не потому, что приходится идти неготовым.

Сразу на совещании трудно было обдумать приказ со всех сторон, тем более что его не выдали на руки. Кроме того, не хотел задавать критических вопросов, так как это невольно

вылилось бы в обсуждение существа приказа, который подписан еще вчера. В таких случаях выступать надо очень деликатно. Дело не в формальном авторитете приказа или штаба. Нельзя смущать малоподготовленных командиров и увеличивать их сомнения. Можно выяснить свои вопросы у Чирикова или у Кукеля с глазу на глаз.

Но зато в каюте вопросы и сомнения появляются каждую минуту.

1. Внезапность и скрытность! Сказано, что «посадку десантов на суда произвести в городе Баку в день, который будет указан дополнительно». Незаметно это сделать невозможно даже ночью, учитывая три больших транспорта и три отряда. Со скрытностью так не получится.

2. Обидно, что авиация вовсе не участвует. Ни одного самолета. Особенно они пригодились бы для обнаружения береговых батарей и удара по ним.

3. Миноносцы должны начать демонстрацию за два часа до начала высадки, а крейсера откроют огонь по берегу одновременно с атакой десанта на укрепления. Значит, миноносцы два часа будут находиться под обстрелом шестидюймовок?… Эти два часа могут дорого обойтись.

4. Операция удобно расчленяется на этапы по времени достижения целей, но этого не сделано. Места отдельных боевых групп и направление ударов как будто ясны, а вот последовательность их действий и согласование между группами по времени не уточнены. Это может привести к путанице.

Очевидно, начальство предполагает лично дирижировать действиями отдельных отрядов в процессе боя. Такой метод управления возможен, но он годится только при хорошей погоде (видимости), пока все идет по плану и противник не вносит неожиданных изменений в обстановку. Туманы по утрам могут быть и могут не быть. Пока погода держится отличная. А насчет врагов (возможности, настроения) - только догадки. В приказе, например, белый флот считается интернированным англичанами, но когда последние поймут, что мы стреляем по британским батареям, высаживаем десант против индийских войск и т.д., то вряд ли они запретят белым принять участие в отражении нашего удара. Они всегда любят воевать чужими руками и рады, когда русские воюют с русскими. Мастера черных дел.

Лично я не верю в интернирование - это маскировка с политической целью. Возможно, ошибаюсь. Одно несомненно - что ответы на большинство вопросов мы получим только на месте. А ждать нельзя, значит, надо выступать и сделать все возможное для разгрома как белых, так и интервентов.

Что еще ненормально, так это обеспечение картами, которое не лучше чем перед Петровском и перед Баку.

Морская карта района операции только одна, и довольно слепая. Чириков с трудом добыл одну армейскую десятиверстку на весь свой дивизион. Но самое досадное - названия важных для операции пунктов показаны на этих картах по-разному (Кечелал - Кейречелал? Или Куммам - Хуммам? Залив Пир-Базар - Мурдаб? И многое другое).

16 мая (Баку, выход в операцию).

Не успел узнать, что это - хитрость? Или так получилось независимо от воли командующего (например, могло быть по телеграмме из Москвы).

Дело в том, что еще вчера по намекам и недомолвкам начальства все мы пришли к выводу, что операция начнется через два-три, а то и через четыре дня.

А сегодня утром флажки и поручецы обошли на катерах всех флагманов и под расписку вручили приказ на операцию (№ 5) и уведомление о вечернем выходе в район сбора. Получилось как-то неожиданно.

Чириков пришел на «Деятельный» сам, вызвал Калачева и Бетковского. Дав указания о готовности, начдив ознакомил нас с приказами №№ 6 и 7 от 16 мая - о заслоне в сторону Ардебиля и о походном порядке, разрешив списать, что необходимо для графического изображения ордера. Одновременно он предупредил, что за два-три часа до съемки будем вызваны в штаб.

По просьбе Чирикова продумал и подготовил «репетицию» для уяснения задачи, возможной на три эсминца. К сожалению, начдив приказывать не умеет, но, конечно, его просьбы мы принимаем подчеркнуто как приказ.

Воспользовавшись свободным часом до начала занятий с командирами, собрал «семейный совет», как мы называем сбор комполитсостава «Деятельного».

По глазам догадался, что все и все знают!

Не стал допытываться, откуда идет информация. Когда хотел дать некоторые указания, оказалось, что почти все уже сделано.

Улыбаются. Заверили меня, что боевое настроение у всей команды. С радостью ожидают выхода, несмотря на то что кое-кто начал корнями врастать в бакинскую почву. Сознание необходимости покончить с интервентами и белыми отодвинуло все личное на задний план.

* * *

Собрались в кают-компании без Синицына, так как у «Либкнехта» иная задача и он будет действовать самостоятельно.

Как ни пересчитывай, нас только трое. Боюсь, что в бою останемся с Калачевым вдвоем, так как Бетковский сомневается в готовности «Дельного».

Поскольку брейд-вымпел начдива опять на «Деятельном», он поручил мне как флаг-капитану провести одностороннюю игру (вернее, упражнение на карте) для отработки частной задачи: демонстративный обстрел берега к западу от порта Энзели под видом подготовки места высадки десанта, с целью заставить англичан перебросить войска из Казьяна через пролив.

Попробовали и так и эдак. Поспорили. Сошлись на следующем:

1. К началу обстрела пляжа должны быть подавлены или отвлечены береговые батареи, так как миноносцы, приближаясь к берегу на тридцать пять - тридцать кабельтовых, попадут в сферу огня шестидюймовок, начиная примерно с семидесяти или шестидесяти кабельтовых.

2. Маневрировать надо, исходя из расчета, что мин нет, тем более что имеющиеся два тральщика нужны для обеспечения транспортов с десантом. Иначе задачу не решить.

3. Расстояние между миноносцами одна-две мили, это создаст впечатление подготовки высадки на фронте в три - пять миль, а рассредоточение кораблей затруднит огонь с берега.

4. Чтобы противник поверил, надо показать плотный огонь, не менее как на двадцать - тридцать минут. Но чтобы не расстрелять весь боезапас, надо делать перерывы между шквалами.

Если с берега не будет ответного огня, исходить из ориентировочного расчета: шквал пять минут, темп пять залпов в минуту (двадцать пять залпов), пауза две-три минуты; второй шквал четыре минуты, темп четыре в минуту (шестнадцать залпов), пауза три - пять; третий шквал три минуты, темп три залпа (девять залпов).

Это составит - ориентировочно - пятьдесят залпов на корабль {96} и продлится около двадцати минут. После чего действовать по обстановке.

5. Целеуказание - в первую очередь вести огонь (фугасными) по полевым батареям, пулеметным точкам, технике и транспорту противника (автомобили, катера, шлюпки и т.д.).

По живой силе использовать шрапнель. Не стрелять по домам и саклям, так как это жилье персов, за исключением случая использования их противником.

Чириков одобрил. Насчет первого пункта обещал поговорить с главартом Гавриловым.

Не берусь утверждать, но, очевидно, на этот раз высшее руководство операцией ушло из рук армейского командования. Оно, по-видимому, осуществляется директивами из Москвы, от коморси А.В. Немитца {97}, а на месте - указаниями тт. Орджоникидзе и Кирова.

Приказом № 6 комфлот ставит задачу Ширванскому полку и кавдивизиону, стоящему в Ленкорани, значит, каким-то приказом по армии или по фронту эти части переданы во временное подчинение флотилии. Это хорошо, так как исключает какие бы то ни было недоразумения и моряки не смогут кивать на соседа, что помешали или не дали свободно действовать.

Сложность операции против англичан, с которыми мы не находимся в формальном состоянии войны, да еще в водах и на территории нейтральной Персии, при уравнении со многими неизвестными (о силах и системе обороны противника) требует нахождения командования на месте, в центре событий (то есть на корабле) для быстрых решений в зависимости от изменений обстановки. В данном случае нельзя командовать из Баку только на основе донесений исполнителей. В этом своеобразие предстоящих боевых действий.

Подобная операция называется самостоятельной. Надо только, чтобы мы оправдали целесообразность этой самостоятельности.

Перед спуском флага посыльный принес вызов из штаба. Оказалось, это только место сбора, откуда группами по двое, по трое, с интервалами в несколько минут, чтобы не привлекать внимания публики, пересекли площадь и вошли в дом, который занимает Серго Орджоникидзе.

На этот раз - только флагманы и командиры кораблей, не больше пятнадцати-двадцати моряков.

Исключительно приветливо встретил Серго, здороваясь с каждым, в то время как комфлот представлял подходящих.

Я видел Орджоникидзе так близко впервые (не считая митингов) и очень волновался. Очевидно, и остальные были смущены не меньше.

Несмотря на настойчивые приглашения хозяина, никто не сел и весь разговор проходил стоя.

Совершенно очевидно, что Орджоникидзе еще раньше детально ознакомился с планом и одобрил его, иначе мы не имели бы на руках боевого приказа. По-видимому, вследствие этого о частностях не говорили.

Серго был взволнован не меньше гостей. Чувствовалось, что

он считает операцию очень важной и очень нелегкой, в чем откровенно признался морякам.

Информированный о разногласиях в оценке обстановки и возможностях белых, он вполне искренне (а может, исходя из педагогических соображений?) высказался о необходимости срочного проведения операции и о своем убеждении в полном успехе. Поэтому призвал нас напрячь все силы, чтобы «одним сильным ударом уничтожить врага». Напомнил, что операция против Энзели должна стать последней операцией, но что это произойдет только в том случае, если мы добьемся решительной победы. Особый упор Серго сделал на необходимость захватить неповрежденными нефтеналивные суда. Затем хозяин пожелал всем нам скорой и полной удачи и, пожимая руку, расцеловал каждого на прощание.

Характерно, что ни один командир не высказал сомнений относительно плана или конечного успеха, хотя убежден, что еще вчера у каждого на душе они имелись. Никто не захотел показать свою неуверенность, а после высказываний Серго все сомнения отпали.

Взволнованность отеческого напутствия передалась всем присутствующим на этой встрече, поэтому мы выходили на площадь Свободы молча, но какими-то окрыленными.

* * *

В момент, когда расходились на бульваре, кто-то сказал, что на набережной в порту Энзели есть клуб «Иранэ», в котором собираются местные и английские заправилы. Рассказчик сделал рукой привет и торжественно произнес:

- До встречи в клубе «Иранэ»!

- До встречи в клубе…- ответили капитаны.

Энзелийская операция

Энзелийская операция, несмотря на относительно ограниченный масштаб и всего двухсуточную продолжительность, имела определенное стратегическое значение. Она привела к прекращению войны на данном направлении и к установлению полного нашего господства на Каспийском море. Одновременно она сыграла значительную политическую роль - изгнание интервентов и окончательный разгром контрреволюционных добровольческих сил позволили укрепить советскую власть в Азербайджане и повлиять на ход народно-освободительной и революционной борьбы в Грузии и Армении.

Помимо этого, Энзелийская операция представляет военно-

исторический интерес как один из поучительных, но малоизвестных этапов гражданской войны, проводившейся в весьма своеобразных и трудных условиях, поэтому изучение ее опыта может оказаться в некотором отношении полезным.

Наконец, в этом деле есть еще одна, чисто профессиональная сторона, которая привлекает внимание моряков, - разгром англичан в Энзели можно рассматривать как своеобразный ответ на так называемую «кронштадтскую побудку».

Для разъяснения необходимо обратиться к истории.

Когда на рассвете 29 октября 1914 года линейный крейсер «Гебен», внезапно появившись из тумана, обстрелял Севастополь, он разбудил не только мирных жителей, но и дежурного по крепости. Пока бегали к коменданту за ключами от станции инженерных мин, «Гебен» ретировался и безнаказанно ушел {98}. А этот эпизод стали иронически называть «севастопольская побудка», в назидание другим, чтобы помнили о необходимой бдительности.

Другой случай произошел на Балтике, когда миноносцы, стоявшие на якоре у маяка Церель, проспали подход немецких крейсеров {99}. Но последние так плохо стреляли, что пострадавших не оказалось, если не считать сигнальщиков, которым попало от своего начальства. Несмотря на это, моряки других флотов долгое время укоряли балтийцев «церельской побудкой».

Подобных эпизодов было немало и в истории флотов других стран.

Сейчас, при попытке описания Энзелийской операции, невольно встает в памяти так называемая «кронштадтская побудка», которую десять месяцев назад устроили нам англичане во время наступления генерала Юденича на Петроград. Действительно, нападавшим удалось (вследствие ряда благоприятных для них условий), использовав внезапность, прорваться к Кронштадту. Однако в дальнейшем операция развивалась далеко не по английскому плану, так как, хотя Балтфлоту были нанесены незначительные потери, пробудившиеся кронштадтцы потопили около половины британских катеров, а оставшимся пришлось спасаться, не добившись намеченной цели.

Несмотря на это, от «побудки» остался неприятный осадок, тем более что англичане раздули свой первоначальный успех, умалчивая о провале операции в целом.

«Энзелийской побудкой» советские моряки с лихвой рассчитались с англичанами, продемонстрировав одновременно, как надо доводить до конца план намеченной операции.

Хотя никакого деления на этапы не было предусмотрено планом операции или боевыми приказами, все же при восстановлении хода событий, протекавших 18 мая, более удобно разбить их на следующие условные периоды:

подготовка к операции (была изложена выше);

переход морем, или марш-маневр;

тактическое развертывание;

первый удар, демонстрация и начало высадки десанта;

переговоры и пауза;

второй удар и капитуляция англичан;

занятие Энзели и захват флота.

Отдельно придется кратко упомянуть о последующих событиях в Энзели или о некоторых обстоятельствах, выяснившихся по окончании операции.

16 мая -

вечер (выход и переход морем).

Последние проверки.

Все готово.

Сижу в каюте под свежим впечатлением сбора у тов. Орджоникидзе и жду наступления темноты, после чего надо незаметно (благо нет луны) и без сирен и свистков перейти в точку сбора.

Мысленно проверяю: готовы ли мы к решающей операции?

Безусловно готовы! Но… для реальных условий обстановки, то есть учитывая малую вероятность боя в открытом море, сомнительность наличия минных полей и давно не летавшие гидроаэропланы.

Если не случится чуда и дезертиры не возвратятся на неукомплектованные крейсера, то драка будет только с «войсками его величества».

Главная опасность для кораблей - береговые батареи, но они установлены недавно и поэтому вряд ли уже обучены стрельбе по движущимся целям. Для десанта основная помеха - британские и индусские части, желание которых умирать за английского короля на персидской земле можно поставить под большое сомнение.

* * *

Перелистал старые записи в тактическом формуляре «Деятельного». Спущен на воду в 1907 году; вступил в строй в 1908 году. Первый капитальный ремонт, произведенный через четыре года нормальной эксплуатации, длился с 1911-го по 1912

год, то есть около года. Война помешала поставить миноносец на второй капитальный ремонт, к сегодняшнему дню истекло восемь лет плавания, из которых шесть прошли в условиях напряженного использования в качестве дозорного, сторожевого или конвойного корабля на Балтике, а два последующих - в боях на Волге. Сейчас механизмы только подлатаны, но еще пригодны на один поход, если не придется маневрировать на форсированных ходах.

Что касается топлива и смазочных масел, то никогда положение не было так благополучно - возможно, от самого Кронштадта. По остальным частям (штурманской, артиллерийской, минной связи и т.д.) мы сейчас не в худшем положении, но и не в лучшем, чем когда выходили в Петровок или в Баку.

* * *

Наконец - аврал!

Замечательный вид с мостика.

Море огней. За последние дни освещение города улучшилось. Сплошная светящаяся полоса от Баилова, усиливающаяся в центре и постепенно гаснущая к мысу Султан. Своеобразный Млечный Путь, в котором невозможно отличить портовые и навигационные огни. Хорошо, что Снежинский свободно разбирается, потому что ему приходилось принимать и вводить корабли, впервые приходящие из Астрахани.

Затемняем миноносец и выключаем все огни, кроме ходовых. Тихо отходим от пристани. Интересна психологическая деталь - все стараются говорить и подавать команды вполголоса, хотя это наивно и абсолютно не требуется.

Самым малым ходом обходим караван-сарай и два или три силуэта, стоящих на якоре.

Несмотря на то что в операцию назначены четырнадцать кораблей и три истребителя, никого не встретили до прихода в точку (вернее, в район) рандеву.

Похоже, что скрытый выход из бухты удался.

* * *

Зато дальше было много «тумана».

Получилась толчея в большой куче кораблей. Из-за темноты невозможно было сосчитать, все ли в сборе.

Томительно долго болтались на легкой зыби, без хода,

озабоченные только тем, чтобы не столкнуться. Слышно, как кое-кто из «больших» отдает якоря. Наконец на «Либкнехте» догадались передать клотиком сигнал «показать свои позывные», но из этого ничего не вышло, все начали отвечать сразу, а часть кораблей не имела клотиков или сигнальщиков. В этих условиях самым правильным было дать сигнал о начале движения («буки») и тронуться на юг самым малым ходом, что и было сделано флагманом. Отсутствие навыков совместного плавания сказалось сразу. Когда начало светать, импровизированная эскадра еще не могла уйти из видимости острова Наргин.

Когда наконец стало возможным различать силуэты кораблей, оказалось, что в нашей колонне не хватает «Дельного», отсутствуют вовсе два тральщика, сильно растянулись канлодки, а «Пушкин» отстал настолько, что еще маячит на горизонте.

* * *

Ордер ордером, но «Дельного» нет.

То есть в приказе о походном движении он есть, но в месте сбора не оказалось. Это очень досадно, так как на 33 процента «разжижает» намеченную демонстрацию у Кепречала.

На мостике зло острили, что только один раз он не отстал - когда спешили на первомайский праздник. И еще - что в штабе, зная повадки «Дельного», всегда назначают его концевым. Когда отстает или нагоняет, остальным не надо делать никаких перестроений.

Не завидую командиру. Хотя механик уверяет, что «Дельный» изношен не больше других миноносцев.

Идем генеральным курсом зюйд.

Погода исключительно благоприятная - почти штиль. Ясно. Хорошая видимость. Так тепло, что накаляются металлические поручни и приборы.

Море и воздух опять абсолютно пустынны. Ни рыбаков, ни контрабандистов, ни англо-белых. И так до наступления темноты.

* * *

Ехидные остроты вперемешку с добродушными перекидывались с одного мостика на другой, когда через сутки, уже после окончания операции, сигнальщики доложили, что на горизонте показался наш собрат.

Хорошо, что от Наргина вышли с большим запасом времени

{100}. То транспорта, то канлодки сильно отстают.

Походный порядок изрядно растянулся, в общем сохраняя свою геометрию, за исключением «Пушкина», отставшего ночью.

Вот что значит на практике простое понятие «совместное плавание», если в одну эскадру включены такие разношерстные корабли! Но главное не в этом. Можно научиться маневрировать более сложным соединением, если есть время для практики и тренировки. Взять хотя бы большие конвои мировой войны. У англичан тоже в первое время «камуфлеты» получались. Вот этой-то тренировки мы не имели ни одного раза. Даже пробного выхода не было.

Необычное соединение, непроверенный ордер, неизученные корабли, новые командиры (на пятьдесят процентов), впервые поднявшиеся на свой мостик.

Вот почему с утра ползли пятиузловым ходом (в среднем), а днем делали около восьми узлов и все же не опоздали. Великое дело - резерв. Даже имели время для остановки и приемки воды с «Розы Люксембург» {101}.

Ночь прошла без происшествий.

Как всегда, когда нет опыта, в темноте ордер сильно растянулся. На рассвете «Карс» и «Ардаган» маячат где-то за кормой, почти за горизонтом.

«Пушкина» не видно совсем.

Рождается светлое и тихое утро нового дня.

18 мая.

Отступая, перед нами уходила на юг широкая пелена завесы не то тумана, не то дымки, которая совершенно скрывала море и берег, находившиеся за ней. Лучи солнца, поднимавшегося слева за кормой, отражались от этой завесы, что делало ее как бы светящейся рассеянным матовым светом.

В это время по румбу SO, приблизительно в направлении на порт Наушехр, высоко в небе стали просвечиваться беловатые легкие пятна, принятые нами за далекие облака. Но чем ближе, тем яснее обозначалась снежная вершина в безоблачном небе, как бы не связанная с землей, потому что внизу из-за тумана никаких признаков суши не было.

На мостике находились настоящие моряки, часть которых немало повидала, обходя разные моря и океаны, но появление на небе Демавенда заставило даже старых служак на время забыть все, включая операцию.

Мне тоже удалось кое-что посмотреть на своем веку, и в частности пять лет назад пришлось наблюдать, как из свинцовых волн Охотского моря медленно поднимается кажущийся относительно небольшим и будто близким величественный конус

острова Алоид.

С рассвета и до вечера, почти полсуток, этот страж Курильской гряды продолжал приближаться навстречу кораблю, вырастая постепенно до грандиозных размеров, и необычным казалось то, что с начала и до конца он не терял своей воздушной легкости, оставаясь как бы взвешенным в сиреневой дымке на фоне бесцветного неба. Но самым удивительным было то, что светлая снежная вершина выделялась совершенно отчетливо, даже резко, в то время как основание острова, расплывавшееся в какой-то темной и мутной полосе у горизонта, представлялось более удаленным.

Не случайно память возродила из прошлого Алоид. Хотя теперь вместо мрачных вод вечно неспокойного Охотского моря с его леденящими ветрами мы шли в оранжерейном тепле, по штилевой глади сине-зеленого Каспия, вдали на горизонте все яснее проглядывался величественный конус необычайно красивой вершины. Вернее, не на горизонте, а высоко над горизонтом, так как границы между морем и сушей не было видно, но тот же оптический обман приближал к кораблю вершину Демавенда, скрывая и отдаляя его основание.

Этот исполин, страж древнего Ирана, как бы предупреждал моряков, еще не обнаруживших суши, что это море отнюдь не безбрежно. Однако если он предостерегал о том, что есть где-то берег на юге, то очень обманывал в отношении расстояния до него.

Несколько любопытных голов одновременно склонилось над картой. Ближайшей вершиной оказался Кифт-хан (18000 футов), но пеленг не совпадал. Да простит аллах гидрографов за то, что они не сочли возможным опустить ниже рамку карты. Возможно, что в тот день, когда ученые мужи приближались к этим берегам, Демавенд был закрыт облаками, иначе такой замечательный ориентир обязательно был бы нанесен на планшеты на радость всем мореплавателям. Нам помогла разобраться топографическая пятиверстка, оказавшаяся у Чирикова в качестве общей оперативной карты. Теперь сомнений не оставалось, что это Демавенд (5604 метра), главная вершина хребта Эльбурс {102}, но почти невероятным казался тот факт, что он открылся на расстоянии сто шестьдесят-сто семьдесят миль! {103}

Не верилось. Слишком необычно.

Многократно проверяли себя, царапая циркулем неповинную карту. Каждый раз подтверждалось - сто шестьдесят миль.

По мере дальнейшего продвижения на юг стал проясняться зубчатый контур всего хребта, еще больше подчеркивавшего высоту великана. Немного погодя за сужающейся и отступавшей

дымчатой завесой открылся более сглаженный гребень нижнего яруса гор, которые все же были еще настолько далеки, что представлялись в виде сплошной плоской стены. Наконец туманная полоса настолько сузилась, что над ней выступили верхушки пирамидальных тополей Казьяна, вдруг оказавшихся на неожиданно близком расстоянии от нас. Одновременно, как из-под приподнятого занавеса, начали показываться прерывистый пунктир ярко-желтого пляжа и белесоватого наката прибойной волны, а прямо по курсу - голова высокого мола.

Это означало, что эскадра вышла точно на вход в главный персидский порт, хотя самого Энзели еще нельзя было рассмотреть.

Молодцы штурмана! Ведь корабли шли полные сутки без обсервации. Не было времени заметить, определял ли Снежинский на переходе поправку компаса по звездам или по солнцу, но твердо помню, что в Баку так и не удалось из-за ремонта выйти на уничтожение девиации и добыть новый лаг {104}. Воистину прав был бакинский капитан, когда, постучав пальцем по черепу, сказал: «Карта здесь! Компас там!» - показав при этом на небо. Лучший прибор -хорошая голова.

Туманная дымка как-то сразу рассеялась, открыв перед нами изумительную панораму весеннего ландшафта. Над золотистой лентой песчаного берега теперь насколько видел глаз тянулась полоса свежей изумрудной зелени садов и парков, сквозь которые кое-где угадывались красные полоски черепичных крыш.

Но наступал момент, когда любование красотами природы становилось уже невозможным.

Прозвучал сигнал боевой тревоги - формальная дань уставу и дисциплине, так как не было ни одного товарища, который бы сам еще с рассвета не встал на свое место по боевому расписанию.

Все бинокли, старая подзорная труба и маленький дальномер впились во вражеское гнездо. Комендоры смотрели в прицельные трубы, остальные как могли; но теперь уже не красота или экзотика привлекала общее внимание.

Развертывание

Если смотреть с мостика в сторону берега под углом зрения решаемой задачи - а только так должен смотреть командир на местность перед операцией или боем, - то район предстоящего боя четко разделяется на три участка и выглядит так.

Левее (к осту) - пологий песчаный пляж от селения Кивру до предместий Казьяна с медленным, ленивым накатом прибоя от очень пологой зыби, почти незаметной для глаза. Вплотную за ним голые и невысокие дюны, через которые параллельно берегу

пролегает шоссе и линии проводов на Решт. Единственная дорога то скрывается, то как на ладони. Сейчас пустынна.

Мы ожидали на подступах к Казьяну увидеть окопы или пулеметные гнезда, занимаемые по тревоге, но за дальностью расстояния рассмотреть их не могли.

Прямо на зюйд - после виноградников сплошной парк или лес, сквозь кроны которого выглядывают черепичные крыши или красные стены кирпичных домов. Это Казьян, район учреждений, мастерских и складов, рыболовных и путейских концессий российских фирм и министерств, еще в 1918 году захваченных интервентами и превращенных в военный городок английских войск. В парке Казьяна разбит лагерь для колониальных батальонов сикхов и гурков. Лучшие дома (бывш. Лианозова) занимают штаб и офицеры войск его величества. Тут же главная радиостанция, верхушки мачт которой торчат над деревьями. Со стороны залива Мурдаб должна быть стенка и пристань с посыльными судами и катерами. Где-то здесь же склад бензина и керосина (в бидонах), но местоположение его неизвестно, как неизвестны позиции батарей или других укреплений. Движения не видно.

Правее (к весту) - отделенный от Казьяна проливом (служащим и входным фарватером), находится город и порт Энзели. Резиденция губернатора провинции Гилян, консульства, портовое управление, таможни, банки, множество контор, жилых домов и лавок. Несколько пристаней и стенок с близрасположенными складами и пакгаузами. Большинство судов (больше двадцати) стоит тесно кормой к городской стенке, отдав якоря в заливе. Видны только мачты и трубы. На окраине - склады импортных фирм, также занятые английским снабжением и запасами. Дальше - небольшой сухопутный аэродром, вернее площадка, оборудованная интервентами.

Все три наблюдаемых приморских участка отделены от гористого хинтерланда низменной болотистой равниной или лиманом Мурдаб, непосредственного фона в глубине они не имеют и потому кажутся расположенными как бы на острове, сзади которого на очень большом удалении начинается гористая местность. Там город Решт и высокие перевалы, выводящие к Тегерану. Это путь оккупантов и завоевателей, но это же и единственный путь их отступления. Где-то над Рештом нависают отряды Мирзы и Кучук-хана.

Теперь, когда солнце уже поднялось над морем, видно, что нигде нет ни души: ни на воде, ни на берегу, ни в воздухе. А так как ни один рыбак, лодочник, огородник или портовый рабочий любой части мира в этот час не может не работать, иначе он

умрет с голоду, то абсолютно ясно, что все попрятались из-за нашего появления и, наверно, осторожно выглядывают из-за укрытий.

* * *

В течение всей кампании мы старались упреждать своими действиями противника, начиная с момента борьбы за развертывание на 12-футовом астраханском рейде, и не один раз благодаря внезапности и настойчивости это удавалось флотилии.

На этот раз инициатива явно в наших руках. Мы нападем первыми. Время и место для удара выбрано советским флотом.

Но насколько этот удар внезапен для врага?

Еще одна мысль успевает прийти в голову.

Поскольку белогвардейские корабли не вышли, а самолеты не вылетели, значит, предстоит драться с береговой обороной и гарнизоном, прикрывающими флот и все добро, награбленное у нашего народа. А раз так - предстоит бой с англичанами: на суше нет ни одного добровольческого солдата или персидского аскера.

Однако это не война против Англии. Если бы Энзели было оккупировано американскими либо французскими войсками, очевидно, мы все равно добивались бы ликвидации вражеского гнезда.

Ну что ж! В Финском заливе войны с Великобританией тоже не было, но балтийцы успели утопить подводную лодку «L 55», несколько миноносцев и торпедных катеров, прежде чем правительство его величества вынуждено было отозвать свои силы из Балтийского моря. Может быть, и каспийцы сумеют постоять за себя? Вернее - за интересы Советского государства.

Хорошо, что в точке развертывания эскадру нагнал «Пушкин» и, как говорится, с ходу вступил в бой. Его 130-мм пушки - хорошее добавление к артиллерии «Розы Люксембург».

Это сила, особенно для борьбы с береговыми батареями.

* * *

Итак, до начала развертывания не было никаких помех. Мы не только не встретили дальнего морского или воздушного дозора на подходах, но даже у входа в порт не обнаружили ближнего охранения или брандвахты.

Можно сказать, что пока флотилия несет потери от ветхости или неисправности собственных кораблей или механизмов.

* * *

Батареи молчат, хотя головные корабли эскадры уже находятся в пределах дальности их обстрела. Что это? Хитрость? Может быть, не хотят спугнуть преждевременными выстрелами, чтобы потом иметь больше времени для огня при нашем отходе? Прием не новый, но так ли это?

Пусть не осудят читатели командира «Деятельного» за то напряжение, в котором были мысли и нервы в эти минуты. Тот, кому пришлось хоть раз маневрировать на чистой воде под дулами шестидюймовых пушек врага, на короткой дистанции (35 кб), на манер учебного щита, идущего малым ходом, даже не имея средств дымовой завесы, - тот не бросит в меня камня. При этом особенно тягостно выжидать, если сам не ведешь огня. А мы должны были молчать.

Впрочем, мысли мыслями, нервы нервами, но мы, конечно, продолжали точно выполнять свою задачу, только искренне удивляясь, почему англичане не посылают нас на дно.

* * *

Наконец по флажному сигналу с «Либкнехта» - «действовать по плану» - отдельные группы начали движение по трем основным направлениям (7 час. 15 мин.):

на SO, в направлении мыса Сефидруд, малым ходом двинулись первые канлодки и за ними транспорта;

прямо на S, ориентировочно на Казьян, начали сближаться с берегом «Карл Либкнехт» и крейсера;

одновременно, ложась сперва на входной мол, а затем последовательно склоняясь к W, - «Деятельный» и «Расторопный», левым бортом к Энзели, увеличив ход до двенадцати узлов.

* * *

Расстояние до мола тридцать пять-сорок кабельтовых. Для наших пушек - рано.

Туман разредился, затем рассеялся без остатка, как будто его и не было. Теперь крыши военного городка, мол, порт и город на западном берегу и даже мачты судов в Мурдабе видны вполне отчетливо.

Ожидаем, что каждую секунду темноту под деревьями Казьяна может прорезать блеск залпа… Но его нет. Вообще нет никакого движения со стороны противника.

Обращаюсь к Чирикову:

- Разрешите начинать?

- Начинайте маневр, а с огнем повремените. Надо осмотреться.

Снежинский переходит на кормовой мостик. Мы связаны переговорной трубой.

Старшинам орудий даются личные указания о целях на перешейке за городом.

«Расторопный» увеличил интервал до двух миль в сторону запада, после чего оба миноносца уменьшают ход до среднего и медленно продвигаются параллельно берегу.

* * *

Возглас дальномерщика:

- Вижу батарею… смотрит на нас! Отстранив его, быстро нахожу левее восточного мола (за ним и в глубине) темную полоску и на ней что-то вроде двух установок. Расстояние и условия освещения таковы, что либо это палуба плавучей батареи «Которосль», либо… нет!

Наблюдению мешает землечерпалка, стоящая в канале между молами, и то обстоятельство, что все, находящееся на восточном берегу, проецируется на фоне темного парка или леса. Очевидно, это было учтено при выборе позиции для батареи.

Но долго разглядывать нет времени. «Деятельному» состязаться с шестидюймовками бессмысленно, и наконец через две-три минуты из-за перемещения миноносца батарею заслоняет западный мол, и мы выходим на траверз западных ворот города. Пора начинать огонь.

Хотя на пляже до Кечелала никаких укреплений или окопов не видно, пора начинать огонь, чтобы привлечь сюда внимание.

Начдив разрешает.

Даются первые установки к приборам.

В этот момент - а это было 7 часов 19 минут - «Карл Либкнехт», находившийся в двух милях у нас за кормой, открыл огонь, очевидно по Казьяну.

Буквально через минуту сделал первый залп «Деятельный», а вслед за ним «Расторопный», каждый по своему участку берега. Вслед за первыми - методично пошли остальные залпы. Темп был немного повышен, чтобы восполнить отсутствие «Дельного».

Насколько позволял видеть дальномер и бинокли, пляж от города до Кечелала, шоссейная дорога и отдельные домишки и шалаши оставались абсолютно безлюдными.

Еще минут через пять долетел густой бас 130-мм пушек «Розы Люксембург».

С этого момента огонь по берегу стал нарастать и постепенно перешел в сильную канонаду, то затухавшую, то усиливавшуюся.

Бой начался.

* * *

Огонь противника?

На «Деятельном» его не заметили. Самойлов, делясь впечатлениями после боя, рассказывал, что одна из береговых батарей сделала до двенадцати залпов, после чего замолкла.

Поскольку безмолвную плавучую батарею (у входного мола) мы видели, вести огонь могла только батарея, расположенная восточное Казьяна, то есть в семи-десяти милях от нашего места. В общем грохоте боя мы могли ее не слышать, тем более что эта батарея должна была стрелять по крейсерам либо по десанту. В нашем районе всплесков не было видно.

* * *

Еще одно событие должно было начаться по плану развертывания.

Сейчас, в 7 часов утра, далеко на NW (около семидесяти миль по берегу) должен был по приказу перейти персидскую границу Ленкоранский кавдивизион, заранее сосредоточившийся в Астаре. Забегая вперед, можно сказать, что эта группа, сопровождаемая со стороны моря «Пролетарием» и «Астрабадом», форсированным маршем приближалась к Энзели с запада, нигде не встретив сопротивления. Она подошла к городу поздно вечером, когда все боевые действия под Энзели были уже закончены.

Корабли этой группы вошли в гавань на следующее утро, 19 мая, почти никем не замеченные. И хотя о кавдивизионе никаких упоминаний в официальной литературе или воспоминаниях участников почти нет следов, надо полагать, что дивизион и его корабли поддержки свою роль бесспорно сыграли.

Нетрудно догадаться, что как только эта группа пересекла границу, то об этом тотчас было донесено английскому командованию в Энзели, поскольку телеграфная связь с Астарой

продолжала действовать. Следовательно, депеша могла быть получена адресатом в период времени от 7 часов 15 минут до 7 часов 45 минут. Но в данном случае важнее не время по часам, а то обстоятельство, что сообщение о переходе границы поступило в момент, когда весь горизонт от края до края был заполнен советскими боевыми кораблями и транспортами с десантом, продвигающимися к берегу, и когда раздались первые залпы, не оставлявшие сомнений о серьезности намерений большевиков.

Одновременно с ударом по Энзели, отрезанием его от Решта приближавшаяся группа должна была показать масштаб всей операции и создать впечатление о полном окружении английских сил, что не могло не повлиять на решение обороняющихся.

Первый удар. Демонстрация. Высадка

Не знаю, на каком по счету залпе «Деятельного», но точно помню, что еще на первом галсе (левого борта), следовательно, около 7 часов 25 минут раздался за кормой грохот пушек «Розы Люксембург». Минуту спустя донесся другой солидный залп, и кто-то из смотревших на восток доложил, что это стотридцатки «Пушкина».

Таким образом, опережая утвержденный план почти на полтора часа, главный калибр флотилии нанес удар по центру вражеского гнезда - Казьяну, не выжидая реакции противника на артиллерийскую демонстрацию маленьких миноносцев {105}. Причем, судя по интенсивности огня, стреляли одновременно все крейсера (включая «Австралию»).

На «Деятельном» их канонада была воспринята с чувством большого облегчения - с этого момента вражеской обороне явно было не до нас.

Надо сказать, что общая картина получилась довольно внушительная, так как временами огонь с моря велся от Кивру до Кечелала, причем стреляло до девяти кораблей почти из тридцати средних стволов, не считая мелких калибров истребителей. Несомненно, что в этих условиях английскому командованию трудно было сразу разобраться в намерениях большевистского флота. Когда же прошло достаточно времени после ошеломляющего впечатления первых залпов, мы были удивлены непонятной медлительностью обороняющихся. В тот момент мы еще не знали двух важных обстоятельств. А именно того, что один из пристрелочных снарядов «Розы Люксембург» разорвался в помещении британского штаба, и… того, что советское (декретное) время, по которому жила и воевала Каспийская флотилия, опережало официальное британское время в Энзели на два часа.

И то и другое оказало значительное влияние на ход событий,

разыгравшихся утром 18 мая.

Главарт флотилии Борис Петрович Гаврилов, несмотря на высокий ранг, присвоенный ему на время операции {106}, как истый артиллерист, не мог отказать себе в удовольствии лично управлять огнем 130-мм пушек «Розы Люксембург», на которой он держал свой флаг. Даже сорок лет спустя Гаврилов скромно считал свой успех случайным {107}. И в какой-то мере он прав, поскольку никто на флотилии, включая и главарта, не знал, где именно размещается штаб энзелийского гарнизона. Но целиком согласиться с ним все-таки нельзя. Для выяснения истины лучше предоставить слово самому главарту, который после сообщения о том, что начиная с совещания в Баку он не получал никаких приказаний командования относительно выбора целей, которые следует поразить в Казьяне, затем продолжает в своем письме:

«…Рассматривая в бинокль береговую полосу, я увидел несколько незначительных одноэтажных домиков, а среди них группу домов покрупнее и приказал по ним огонь…» (Гаврилов лично обошел наводчиков орудий, чтобы проверить, правильно ли понято целеуказание. - И. И.)

«…Первый и второй снаряды упали близко от цели… Стрельба затруднялась тем, что крейсер, бывший до вооружения водоналивным судном, оказался с пустыми трюмами, почему даже на слабой зыби его сильно раскачивало. Если один залп падал вплотную у борта, то второй переносило далеко в Мурдаб… пришлось темп огня приспособить к качке, после чего огонь сделался удовлетворительным…

…Вот почему снаряд, попавший в штаб, был, конечно, случайным. Впоследствии я подходил к этому зданию - это высокий кирпичный дом, левый верхний угол которого был разбит…»

Итак, хотя дислокация британского штаба была неизвестна, все же выбор самого большого здания и его поражение, несмотря на качающуюся платформу 130-мм пушек, надо целиком отнести к решению и к искусству главарта. Это так же верно, как и то, что колонизаторы привыкли располагаться в лучших домах оккупированной ими местности, убежденные в том, что никто не посмеет беспокоить их сон. Можно держать пари, что именно это убеждение мешало им проверить бдительность караулов и наблюдательных постов, так как одна вывеска с наименованием «Войска его величества» должна была, по их мнению, вселять трепет в «туземцев» и служить гарантией неприкосновенности.

Очевидно, в том же духе рассуждали засыпающие на постах сигнальщики и часовые «его величества», что подтверждается всей историей колониальных войн до того момента, пока на

историческую арену не вышли большевики, первый залп которых рассеял подобные иллюзии.

Именно в моменте первого залпа - 7 часов 19 минут по советскому (декретному) времени - заключался второй секрет этого злополучного для англичан дня. Надо признаться, что этот секрет был неожиданным не только для защитников Энзели, но и для всех советских участников операции.

На дистанции открытия огня (около сорока кабельтовых) Гаврилов видел в большой «цейсс» розовое облако раздробленного кирпича и фигурки разбегавшихся англичан, но никак не мог рассмотреть, в штанах они были или нет.

С нескрываемым злорадством передавали нам после боя энзелийцы пикантные подробности того, как офицеры выпрыгивали из окон в чем мать родила.

Вероятно, в этих показаниях очевидцев было немало преувеличений, рожденных ненавистью к интервентам, однако основное их содержание не подлежит сомнению, оно было подтверждено другими источниками.

Так или иначе, но вслед за первым залпом советского крейсера из окон и дверей поврежденной штаб-квартиры, так же как из смежных домов, вокруг которых тоже рвались крупные снаряды, начало выскакивать начальство 39-й бригады и других учреждений гарнизона Энзели. При этом вполне естественным в сложившейся обстановке было то, что прыгающие и бегущие джентльмены искали укрытий в канавах парка и за капитальными стенами складских строений Казьяна. Однако крайне досадным обстоятельством этого спортивного кросса было то, что он происходил на глазах проснувшихся в полотняном городке не только солдат Варвикского и Норс-Стаффордского батальонов, но и на виду у всех гурков и сикхов, воспитанных при помощи капральских палок на чувстве высокого уважения к своим сахибам, «несущим бремя белого человека» {108}.

Поскольку прежде других пострадал штаб, то совершенно закономерно, что управление обороной оказалось нарушенным, во всяком случае на первом этапе боя.

Помимо самого факта экстренного «рассредоточения» штабных командиров по кустам, оказалось, что большинство из них было одето далеко не по уставу, несмотря на то что тропическая форма одежды, которой пользуются британцы на Ближнем Востоке, сама по себе предоставляет исключительно большие льготы. Одним словом, представители колониальной армии Великобритании разбегались по кустам не в уставных трусиках и даже не всегда успев скинуть ночные пижамы. Что дело обстояло так, не подлежит никакому сомнению. Даже сами

англичане, не потерявшие чувства юмора, при последующих беседах признавались в этом косвенно, укоряя нас за то, что мы «воюем не по правилам»: ведь, «по давней традиции, освященной веками, уважающие себя люди никогда не воюют на Востоке ночью, а спят в это время, оставляя для сражений дневное время». Причем этот универсальный обычай не ввезен из Европы, а заимствован пришельцами у порабощенных народов.

Мы далеки от мысли обвинять в трусости всех английских офицеров. Среди них попадаются очень отважные и упорные воины, не столько патриоты, сколько спортсмены, но утром 18 мая они были поставлены обстоятельствами в непривычные условия: большевики открыли огонь, когда все они еще крепко спали под москитными сетками.

Так произошла «энзелийская побудка»! Да еще в самой классической форме, несмотря на то что с 19 августа 1919 года прошло всего только девять месяцев.

Ликование балтийцев возрастало с каждым часом, но только на следующие сутки удалось выяснить, как дорого обошлось англичанам их запоздалое пробуждение.

На этот раз секрет успеха побудки заключался не только во внезапности нападения, как было в Кронштадте, но еще больше от расхождения часов, по которым жили обе стороны.

Оказалось неожиданно как для них, так и для нас, что когда еще в Баку планировалось начало тактического развертывания перед Энзели на 7 часов 00 минут, то никто не задумался о том, что это будет обычное бакинское время (6 час. 00 мин. по третьему поясу), дополненное декретным часом. Поэтому, когда пунктуально было начато развертывание с почти одновременной посылкой первого залпа с «приветом» от «Карла Либкнехта» в 7 часов 19 минут (а затем - от «Розы Люксембург»), то в этот момент стрелки всех английских часов как в штабе, так и в лагере или на постах и батареях «его величества» показывали 5 часов 19 минут - по второму поясному времени {109}. Вот почему все спящие, а также те, кому не полагалось, видели в эти мгновения самые сладкие предутренние сны.

Кто же воюет в 5 часов утра?

Опять эти ужасные большевики, не считаясь с установившимися традициями, с правилами хорошего тона и тем более с «сферой британских интересов», бесцеремонно вторглись в район, давно занятый 39-й бригадой, и начали боевые действия в самое неподходящее время суток.

Да, так именно и было! И не в первый раз, если учитывать опыт Петровска, форта Александровского, Красноводска, Баку, Ленкорани и Астары. Очевидно, времена изменились, если

дополнительно вспомнить Балтийское и Белое моря, Мурманск, Одессу и другие пункты, эвакуированные англичанами. И напрашивался общий вывод: очевидно, так будет и впредь, скоро англичане будут изгоняться отовсюду, куда они явились в качестве непрошеных гостей и захватчиков, с оружием в руках, независимо от того, какими бы лицемерными предлогами ни прикрывались их блокады или интервенция.

* * *

Итак, обстановка стала частично проясняться. Внезапностью «энзелийской побудки» можно было объяснить полное расстройство управления обороной Энзели и непонятную вначале медлительность действий англичан.

Объяснить - да! Оправдать - нет! Хорошая система обороны должна предусматривать быстрый выход из любого шока, даже вызванного неожиданным ударом противника.

* * *

На третьем или пятом галсе, когда «Деятельный» вел редкий огонь левым бортом, будучи обращен носом на вест, над заливом Мурдаба показался очень маленький колесный моноплан, поднимавшийся пологой спиралью в сторону гор. Это было так ново, что привлекло всеобщее внимание на мостике, у пушек и на верхней палубе.

Калачев успел поднять однофлажный сигнал: «Неприятельский самолет!» Однако расстояние было настолько велико, что никто не помышлял о стрельбе. Но на случай, если бы англичанин, набрав высоту, вздумал повернуть в нашу сторону, к единственной 37-мм пушчонке на специальном вертлюге, позволявшем ей стрелять в зенит, был вызван на кормовой мостик комендор, который один умел обращаться с этим кустарным приспособлением в виде «глаголя» и держал на почтительном расстоянии английских «сосунков» {110}, когда в зиму 1919 года они ежедневно налетали с бомбами на наши корабли, неподвижно стоявшие во льдах астраханских проток.

Но так же неожиданно, как он взлетел, моноплан пошел на посадку и скрылся в дымке, закрывающей даль за лиманом. Что означала эта попытка вылета, мы поняли только после операции.

* * *

Помимо наблюдения за разрывами фугасных снарядов или шрапнелей, чем был занят командир корабля, стоявшие на мостике - включая начдива - следили неотступно за выходом из порта на случай возможной атаки торпедных катеров. Это определялось тем, что «Деятельный» находился ближе всех к молу. По той же причине я просил «гостей» {111}, чтобы они смотрели за лиманом Мурдаб, вернее за поведением судов, стоящих в заливе, и сообщали об изменениях обстановки, поскольку это можно было разглядеть через высокую стенку мола. Но самым ответственным объектом для наблюдения сигнальщиков и моих помощников являлось движение плавучих средств через пролив, так как в изменении режима плавания между причалами города и Казьяна был весь смысл наших стараний и расхода боевых снарядов.

Минут пятнадцать пролив оставался удручающе пустынным, и ни один киржим, к великой моей досаде, не пересек фарватера. Я начинал уже отчаиваться и думал о бесполезности нашей затеи, когда после очередного поворота на обратный галс (правым бортом) несколько голосов, стараясь перекрыть носовую 75-мм пушку и друг друга, закричали:

- Пошли… стеной!… Тронулись!…

- Десятки киржимов и катеров!…

- Настоящий аврал!…

И так далее в этом же духе. С радостью убедившись в дальномер, что действительно противник начал переброску на западный берег по крайней мере батальона индусов {112}, я приказал подсчитывать число катеров и шлюпок и тотчас вызвал к переговорной трубе Снежинского:

- Ради аллаха, не бейте по киржимам! Иначе спугнете, бросятся обратно!… Пусть переправляются без помех…

- Ясно!

Начдив полностью одобрил и дал семафор на «Расторопный», хотя Калачев от Кечелала не мог еще видеть запоздалого, но нужного нам маневра английских сил «по внутренним операционным линиям», как пишется в учебниках.

Следующим побуждением Чирикова было донести комфлоту об успехе демонстрации миноносцев, но когда мы (продолжая методичный огонь по пляжу) стали искать биноклями «Карла Либкнехта», то оказалось, что:

против Казьяна медленно маневрируют «Роза Люксембург» и «Пушкин» и (как кто-то сострил: «Через час по столовой ложке») посылают по одному-два снаряда в городок;

на горизонте, прямо на ост, виден флагман, все фалы которого заняты какими-то сигналами; ближе к берегу - «Австралия», ведущая огонь по невидимым от нас целям;

еще дальше к востоку заметны только трубы и мачты транспортов, «Карса» и «Ардагана», вплотную к малым глубинам, откуда доносится довольно интенсивная стрельба.

Не оставалось никаких сомнений, что высадка десанта уже началась, но из района маневрирования «Деятельного» она не была видна.

Позже тт. Самойлов и Озаровский кратко нарисовали следующую картину.

Развертывание группы десантных кораблей осуществлялось по плану. Три транспорта с кожановцами вытянулись по линии ост-вест, за ними, мористее, - транспорта снабжения. Обе линии самым малым ходом стали приближаться к берегу с расчетом подойти в назначенный район часам к восьми.

Канлодки шли на флангах этих линий, держась ближе к берегу. Наиболее удачную позицию заняла «Австралия» под командованием Лея. Сначала корабль стрелял совместно с крейсерами по Казьяну, но увидя, что противодействие отсутствует, приблизился почти вплотную к берегу и пошел к правому флангу намечаемого участка высадки, просматривая и простреливая каждый куст.

Смелее всех двинулся к пляжу тральщик «Володарский», забыв о том, что он своими действиями демаскирует предстоящий десант.

К 7 часам 30 минутам на шоссе была только застава с пулеметом, очевидно стоявшая здесь постоянно для контроля за въездом со стороны Решта. Она лениво обстреляла тральщик и скрылась на обратном скате дюн, когда «Володарский» сделал два или три выстрела из своей носовой 75-мм пушки.

После открытия огня крейсеров по Казьяну, минут через тридцать, из города появились отдельные подразделения пехоты, идущие форсированным маршем. Шли они разрозненно, малоорганизованно, частично бегом, залегая то фронтом на восток, то к морю. Общая численность не превосходила роты. Первые же разрывы снарядов «Австралии» внесли расстройство в английскую роту, и она рассеялась среди холмов.

Приблизительно еще через тридцать минут из казьяновского парка появились маленькие грузовые «фордики», битком набитые индусами, которых подбросили почти до селения Кивру и заставили окапываться, оседлав шоссе, в сторону моря, за первой грядой дюн. При этом видно было, что английские пулеметные взводы располагаются сзади индусов не то как опорные пункты

обороны, не то в роли полевой жандармерии.

«Володарский», приткнувшись раза два носом к берегу для разведки глубин, отошел к ближайшему транспорту. После сигнала подошедшего «Карла Либкнехта», приняв на борт около двух взводов, тральщик начал высаживать бойцов первого броска прямо в воду, на глубинах в половину человеческого роста, стреляя при этом через их головы из своей носовой 75-мм пушки по ближайшим британским пулеметам.

В это время транспорта «Березань», «Колесников» и «Парижиен», став на якоря, спустили все свои шлюпки, которые, будучи набиты десантниками до предела, двинулись на веслах к пляжу. Никакого порядка при этом не было. Над всем царил единый, общий порыв - возможно скорее добраться до берега и сцепиться с англичанами раньше других.

Суматоха и беспорядок увеличились, когда первые шлюпки, с ходу врезавшиеся в берег, были залиты набегавшей с кормы прибойной волной. Для наблюдавших картину высадки с транспортов «накат» казался совершенно безобидным, каким и был на самом деле, но для тех, кто имел только волжский опыт и не умел проходить прибой, отдавая с кормы стоп-анкер, эта волна явилась причиной «криминала». Прибой развернул опустевшие шлюпки лагом, затопил часть из них, перевернул и после нескольких ударов о грунт оставил лежать в песке с расшитыми днищами и уже совершенно непригодными к употреблению.

Только теперь выяснилось, что в первые шлюпки попрыгали с транспортов главным образом десантники, которые сами же взялись за весла, а те немногие гребцы из команд транспортов, которым удалось попасть на шестерки и вельботы, добравшись до пляжа, не захотели возвращаться и приняли участие в борьбе за береговую полосу. Приняв морскую ванну, они через минуту уже перебежками старались пробиться к шоссейной дороге, совершенно забыв о шлюпках. То обстоятельство, что у большинства из них оказались карабины, показывает на то, что это нарушение дисциплины было преднамеренным.

Если бы «Володарский» не проявил инициативы, отбуксировав уцелевшие шлюпки обратно, то транспорта рисковали остаться совсем без средств сообщения с берегом и дело могло бы обернуться весьма печально - к этому моменту успело сойти на землю не более одной десятой десанта. Надо помнить, что из трех намеченных по плану тральщиков, которые должны были высаживать кожановцев, под Энзели оказался только один «Володарский», а из двух истребителей один находился в распоряжении «Розы Люксембург» против Казьяна, а другой был занят в качестве посыльного судна при комфлоте.

Больше катеров при эскадре не имелось {113}. Результатом этих ошибок и просчетов было не только замедление темпов высадки, но еще хуже было то, что она производилась небольшими «порциями» и фактически в одной точке вместо одновременной атаки пляжа на широком фронте.

Неприятно вспоминать об этом, но необходимо для того, чтобы подобное не могло повториться в будущем.

Приходится признаться, что в данной операции боевой порыв и стремительность атаки кожановцев оказались выше, чем дисциплина и организованность, которые так необходимы десанту в критический момент - при бое за береговой плацдарм.

Как потом рассказывал Озаровский, в его памяти навсегда запечатлелась картина, широко использованная художниками и кинорежиссерами как типичная для изображения матросских десантов почти на всех морях. Это тот момент, когда богатыри в тельняшках прыгают с высадочных средств в прибойную волну и, не дождавшись подхода вплотную к берегу, пробиваются вперед по грудь в воде с криками «ура», держа винтовки высоко над головами.

Однако этой картиной любоваться было некогда. Десант начинался совершенно неудовлетворительно и с большим риском для успеха всей операции.

В конечном счете та самая воля к победе и стремительность действий кожановцев, которые скомкали первоначальный план боя за высадку, создали перелом обстановки, чему в значительной мере помогло удачное взаимодействие с кораблями флотилии.

Перелом определился тем, что из-за дерзкой атаки первого броска, не остановившегося в ожидании высадки главных сил, не получилось паузы или заминки, и это вместе со своевременной поддержкой артиллерии канонерских лодок дало возможность захватить плацдарм на берегу.

Расстройство управления у англичан не позволило им своевременно усилить оборону, а удачная демонстрация у Кечелала привела к тому, что второй индусский батальон, использованный в качестве главного резерва, подоспел на решетинское направление только часа через два, в изрядно измотанном виде, проделав две переправы через пролив. Но общий темп событий был настолько стремительным, что батальон так и не успели ввести в дело.

Почти невероятно, но факт, что в то время, как один тральщик и несколько шлюпок продолжали медленно перевозить основной состав десантных батальонов, бойцами первых взводов в относительно короткий срок были выполнены следующие задачи

(причем ценою потери только семи или восьми раненых моряков):

перерезаны все провода, шедшие от Энзели на Решт, по обеим сторонам шоссе, включая и линию индоевропейского телеграфа, следовательно, была прервана проволочная связь не только со штабом дивизии, но и с высшим командованием в Багдаде;

сбита застава на шоссе приблизительно в составе пулеметного взвода, которая, подобрав раненых, стала отходить на запад, в сторону Казьяна, постепенно обрастая подходящими пополнениями; тем самым Энзели был отрезан от Решта, а следовательно, и от всего хинтерланда;

выставлен заслон (первоначально в составе взвода), фронтом на восток, для того чтобы задержать какие-либо части, могущие подойти на помощь из Решта. Значительно позже, примерно к полудню, этот взвод вырос до отдельного батальона, который продвинулся до моста через Сефид-Руд и выслал вперед охранение и небольшие разведотряды с расчетом войти в связь с отрядами джангалийцев Кучук-хана.

Теперь бой перемещался по оси шоссе, в сторону Казьяна.

У места высадки стал налаживаться порядок, тем более что этот участок пляжа уже не обстреливался противником. Главным просчетом англичан при организации обороны побережья было полное отсутствие артиллерии, хотя бы полевой. Не ясно было, куда исчезла 8-я батарея «Королевской полевой артиллерии» {114}, приданная 39-й бригаде, о которой мы знали по данным разведки. Очевидно, она осталась в Реште. Во всяком случае у наших канлодок не было достойных целей, и каждый английский пулемет, рискнувший открыть огонь, тотчас накрывался несколькими снарядами с кораблей даже без вызова огня со стороны десанта. Канлодки маневрировали вплотную к берегу, насколько позволяли глубины {115}, а таинственные береговые батареи не давали о себе знать.

Действенностью прямого огня поддержки объясняется и тот факт, что, несмотря на численное превосходство, англичане ни разу не встали во весь рост для контратаки, а переползали, отходя от одного рубежа к другому.

Твердая рука Ивана Кузьмича Кожанова почувствовалась сразу, как только он сошел на берег с одним из первых эшелонов, переправлявшихся на «Володарском».

Бойцы, высадившиеся в спешке, вразброд, стали находить свои подразделения. Комбаты начали получать частные задачи в соответствии с новой обстановкой.

На берегу появился пост СН и С, высаженный с отряда канлодок.

И все же, несмотря на самые энергичные меры, к 9 часам -

спустя час после фактического начала высадки - на транспортах еще оставалось более шестидесяти-семидесяти процентов общего состава отрядов.

К счастью, события развивались так, что главная наша ошибка не отразилась на конечном итоге операции.

Демонстрация миноносцев полностью удалась

Мы смотрели в бинокли (и дальномер), как в театре, поскольку нам никто не мешал. Утренняя дымка держалась где-то в предгорье, за Мурдабом, а на переднем плане видимость была отличная.

Сознание того, что сейчас (8 часов с минутами) где-то в пятнадцати или двадцати верстах к востоку, по-видимому, уже начали высаживаться кожановские орлы, а в это же время определенная часть индусов накапливается на западной окраине города, как-то сразу всех нас наполнило радостью. Усилия миноносцев не оказались напрасными.

С каждым галсом миноносцы сближались с берегом на два-три кабельтова, делая поворот в его сторону.

Разрыв 75-мм фугасного снаряда дает слабый выброс при падении в мокрый песок, поэтому мы старались класть снаряды в воду, вплотную к самому урезу, что давало эффектные фонтаны. Но особо внушительное впечатление производили из-за неподвижности воздуха нарочито низкие разрывы шрапнелей - не успевали расплываться предыдущие, как над перешейком между морем и лиманом появлялись клубки новых разрывов.

Однако, как мы ни изощрялись в искусстве создавать «шум и гам», было ясно, что эта комедия через несколько минут исчерпает свои возможности.

Офицер, командовавший батальоном гурков или сикхов, был с головой, он не выводил их в район обстрела для непосредственной обороны пляжа, тем более что наша артиллерия не трогала лачуг, которыми начинался город. Сзади миноносцев (хотя бы для виду) не было ни одного транспортного судна. Наоборот - все корабли эскадры к этому времени постепенно переместились на восток. Ближайшим был крейсер, стрелявший по Казьяну. Теперь все зависело от того, как {246] скоро командир индусского батальона получит приказ об оттягивании своей части в порт для обратной переправы.

* * *

Во время очередного поворота на обратный галс комендор Гридин всунул полкорпуса через ограждение рубки (стекла были

опущены из-за стрельбы) и, улыбаясь, сказал отнюдь не уставным тоном: «Греется, чертовка!» - показывая на свою пушку.

В первый момент никто ничего не понял. Но потом я сообразил, что это является своеобразным продолжением разговора в Петровске, когда командир обещал томившимся от вынужденного безделия пушкарям, что придет еще время, когда стволы пушек будут разогреваться от стрельбы.

Теперь этот момент наступил. Несмотря на относительно медленный темп огня, после тридцатого или тридцать пятого выстрела ствол 75-мм пушки все же обжигал руку.

Это всегда хорошо, когда слово командира сказано не зря. Но данный мелкий эпизод я записал потому, что сказанное комендором в Петровске сам давно позабыл, хотя говорил в то время вполне убежденно. А сегодня убедился в том, что слово командира, сказанное хотя бы вскользь, крепко запоминается подчиненными. А раз так, значит, ты обязан следить за каждым своим словом, произнесенным перед товарищами.

Кстати, и пушкари сдержали свое слово. Ни одного пропуска в залпе, ни одной осечки, ни одного клевка. Вы скажете, что так и должно быть? Возможно, но я только напомню, что штаб не разрешал нам с начала кампании ни одной практической стрельбы, ни одного поверочного выстрела (даже после смены масла в компрессорах). Следовательно, комендоры (Гертнер, Папаша - Зубков, Гридин и др.) в последний раз стреляли из этих пушек осенью 1919 года, а я, командир корабля, слышал их голос впервые.

* * *

Вот что значит, когда внимание занято каким-либо одним делом.

Только сейчас мелькнула мысль о минных полях! Поздновато.

Весь плес перед портом многократно проутюжили «Деятельный» и «Расторопный», против Казьяна тралили своими днищами крейсера; дальше - канлодки и транспорта. Ясно, что никаких минных полей нет.

Слава аллаху! Тем более что все равно тралить было некому и нечем. Осталось так и не ясно, «благожелатель» врал в телеграмме от страха и добрых чувств или ему было за это заплачено? Узнаем в свое время. А сейчас не до того.

Переговоры

Много раз после окончания операции возникали споры о том, чем она была начата утром 18 мая - артиллерийским залпом или

ультимативной радиотелеграммой?

Что «первое слово» принадлежало Каспийской флотилии - это бесспорно. Но поскольку английская сторона по вопросу об Энзелийской операции (или побудке) хранит гробовое молчание, то ни в каких зарубежных источниках нельзя найти упоминания о моменте, когда британскому генералу была вручена первая телеграмма, содержащая ультиматум о сдаче Энзели вследствие присутствия в порту кораблей и имущества, принадлежащего России, которое может быть принято нами только под нашим контролем {116}.

Часы и минуты открытия огня известны точно по записям в вахтенных журналах, а именно - 7 часов 19 минут (советского декретного времени для III пояса). После изучения соответствующих материалов можно утверждать, что почти одновременно с первым залпом и даже на несколько минут раньше радиостанцией флагманского эсминца «Карл Либкнехт» была начата передача текста телеграммы для береговой радиостанции в Казьяне, в адрес английского командования.

Однако при этом надо помнить, что для того, чтобы впервые «войти в связь» с иностранной рацией, с которой до того не было практики сношения, а затем, проверив принятый текст, перевести его на английский язык и представить начальству, требуется немалое время даже при самой блестящей организации штабной службы и наличии соответствующих лингвистов в числе радистов и офицеров штаба {117}. Если при этом учесть, что огонь «Розы Люксембург» непосредственно повлиял на деятельность некоторой части британского штаба в Энаели, то надо полагать, что ультиматум советского командования дошел до сознания начальника гарнизона одновременно с докладами об обстреле побережья на всем фронте от Хуммама до Кечелала, то есть тогда, когда флотилия закончила тактическое развертывание, каждая из боевых групп уже приступила к выполнению своих задач, а Ленкоранский кавдивизион двигался от Астары форсированным маршем вдоль побережья.

После того, как британская радиостанция подтвердила получение телеграммы комфлота, тотчас последовала путаная передача, принятая частично, в которой понятными были только слова «британское командование» и «требует», однако спустя некоторое время последовал вполне вразумительный ответ в том же духе, что… «по существу предложений русского командования генерал не вправе принимать самостоятельное решение и запросит сейчас же Тегеран, но так как для получения ответа потребуется определенное время, британское командование просит приостановить какие-либо военные действия…». Подпись

была: «Бригадный генерал Чемпэйн» {118}.

Кроме того, сообщалось, что для переговоров относительно перемирия будут высланы парламентеры.

Комфлот дал согласие на двухчасовой перерыв. Но интересно отметить, что в одном из донесений в Москву (после операции) и в своем рассказе «Взятие Энзели» Раскольников это согласие на перемирие мотивирует не столько существом просьбы Чемпэйна, сколько тем обстоятельством, что «высадка» десанта протекала медленно и не была еще закончена». Вот почему, подняв сигнал о прекращении огня, он не приостановил высадку кожановских отрядов.

На первую договоренность и последующие сигналы ушло не менее часа, огонь с кораблей начал затихать приблизительно в 8.30-8.40. Однако несложная хитрость с продолжением высадки была вскоре замечена противником, что и послужило предметом бесплодной дискуссии при помощи обмена новыми радиотелеграммами.

Когда, значительно позже, на эскадру прибыл Крачлей в качестве парламентера, он также пытался протестовать. Но в обоих случаях англичанами была допущена ошибка, так как бригадный генерал требовал не приостановки высадки, а «возвращения десантных войск на корабли!». На что командующий флотилией резонно отвечал, что обратная посадка десанта явилась бы не приостановкой военных действий, а была бы отступлением, на что он пойти не может. Независимо от убедительности доводов спорящих сторон, дискуссия была нам на руку: кожановцы хотя и медленно, но продолжали высаживаться на берег на глазах у советских кораблей и английских войск, окопавшихся в садах предместий Казьяна.

На «Деятельном» не знали о деталях радиопереговоров, кроме самого факта их начала, перехваченного нашим радистом. Поэтому излагаемый ход обмена первыми радио является результатом бесед со штабными командирами на «Карле Либкнехте» после операции, когда миноносцы стояли уже у стенки энзелийского порта {119}. Но прежде чем рассказать о дальнейшем ходе переговоров, целесообразно напомнить о своеобразных «вставных эпизодах», происшедших в период начавшегося перемирия, участие в которых «Деятельного» определилось его позицией вплотную от входа в гавань.

Закончив успешную демонстрацию, мы с «Расторопным» повернули обратно от района Кечелала и маневрировали малыми ходами против входа в порт, в расстоянии двух или трех миль от головы мола.

На мостике появилась знакомая фигура механика, как всегда

с промасленной обстрижкой в одной руке. Вид спокойный, лицо непроницаемое. Но я уже знаю, что это означает или неполадки в котлах или в машинах, или еще какое-либо ЧП.

- Как будем с котлами дальше?

Все ясно! Это значит, что «духи» не понимают, почему для стояния на месте под машинами нужны все котлы, особенно теперь, когда не ведется огонь, но зато персидское солнышко начинает припекать даже на верхней палубе, в топках во всю силу горит прекрасный донецкий уголь, а из-за малого хода температура в кочегарках почти тропическая. Да и в машинном отделении не легче.

- Вот что, мех! Пусть ваши духи по одному поднимутся на мостик и сами посмотрят… Держите бинокль!… Видите вон там, справа от землечерпалки, около сорока или пятидесяти мачт? Ну так вот, ради того, чтобы их заполучить, стоит еще часика два или три пошуровать! Кроме того, не исключено, что какая-либо сволочь не захочет пальнуть с берега, опять взлететь с аэродрома или выскочить с торпедой из-за мола.

- Да я что?… Я ничего не говорю, - раз надо, так надо!

Все не все, но трое или четверо из машинистов и кочегаров деликатно поднимались по очереди на мостик и сходили затем вниз с сияющими лицами. Видно было, как они «докладывают обстановку» по нескольку раз аудитории из трех или пяти человек у машинного люка или кормовой пушки: большее число слушателей нельзя было собирать из-за расписания боевой тревоги, которая все еще не прекращалась.

Выяснив исключительную полезность импровизированного начинания, которое противоречило любому уставу, Снежинский стал «пропускать» по одному человеку из «нижней» команды через кормовой мостик.

Бой катеров

После прекращения огня, вполне естественно, все стоящие на мостике и у орудий увлеклись рассматриванием происходящего внутри порта и в заливе Мурдаб. Высота мола и крыш домов портовой части города позволяли видеть только надстройки, трубы и мачты около двух десятков судов, но так как они были скучены на небольшом пространстве и имели по две, а некоторые и по три мачты с соответствующим рангоутом, то в бинокли видна была картина, которую принято называть лес мачт.

Флагов никто не мог рассмотреть, - возможно, из-за раннего времени, - хотя в подобных случаях традиция требует показа флага независимо от времени суток.

Только две пары мачт делали какую-то попытку изменить свое положение, непонятно пока, с какой целью. Все же остальные суда стояли неподвижно и даже не дымили {120}. Стрелять с них было невозможно, они стояли почти вплотную друг к другу.

Разглядывание и дискуссия о возможных и вероятных действиях противника была прервана нервозным возгласом

сигнальщика:

- Катера выходят!

Так и оказалось, но только катер был в единственном числе.

В белом буруне внезапно выскочил из-за головы длинного мола катер, вероятно торпедный. Вероятно, ибо, кроме темного пятна носа, сливающегося с рубкой, ничего в оплошной пене разобрать нельзя было - англичанин несся под острым углом в направлении «Деятельного».

Это произошло около 8 часов 55 минут.

Машинный телеграф только-только отзвонил «полный вперед!» и еще не успели винты забрать ход, как пушкам пришлось спешно дать команду «дробь», потому что из-под кормы миноносца совершенно неожиданно вырвался на полном ходу истребитель «Дерзкий» и, идя на пересечку англичанину, сделал выстрел из своей 47-мм пушки.

Еще момент - и наш истребитель состворился с торпедным катером.

Контратака «Дерзкого» была исключительно красивой благодаря инициативе, смелости, быстроте и тактическому искусству, и мы наблюдали за ней затаив дыхание.

Англичанин первый не выдержал возраставшего напряжения и круто начал описывать циркуляцию вправо (то есть к востоку), одновременно застрекотав короткими очередями своего «льюиса». Теперь стали видны задранный нос, рубка и бурун с шлейфом, выбивавшийся из-под средней части катера. Никакой мачты или флагштока с флагом никто не заметил. Получалось так, что противник оставался анонимным.

«Дерзкий» также лег на другой галс, прижимая англичанина к казьянскому берегу и не прекращая стрельбу из пушки.

Еще две- три минуты -и торпедный катер скрылся за молом.

Кто- то из стоящих на мостике с шумом выдохнул воздух, и вдруг все заговорили хором, как бы вознаграждая себя за ту скованность и напряженное молчание, с которым следили за контратакой истребителя.

«Деятельный» - после рывка вперед, оказавшегося бесполезным, - теперь медленно возвращался на исходное место.

Весь эпизод занял по времени не более десяти-двенадцати минут.

Кое- кто из наблюдавших этот маленький бой маленьких кораблей склонен был доказывать, что катер шел в атаку на наш миноносец, но нетрудно было отклонить эту версию -англичанин должен был бы стремиться тогда выйти нам в голову, а он с самого появления лег «Деятельному» под корму. Затем повреждение или гибель маленького угольного миноносца с 75-

мм артиллерией, если бы атака имела успех, явились бы слишком скромной победой для противника в данной операции.

С мостика «Розы Люксембург» Б.П. Гаврилов с другого румба лично наблюдал действия «Дерзкого» и даже успел передать к пушкам установки для залпа первой завесы. Главарт утверждал, что англичанин явно хотел прорваться за кормой «Деятельного» к северу, чтобы затем, повернув на восток, торпедировать его крейсер, стрелявший по Казьяну, или же с целью прорваться к десантным транспортам. Но командир английского катера не видел «Дерзкого», который был для него заслонен корпусом «Деятельного», и как только истребитель появился в поле его зрения, все расчеты англичанина сразу же оказались сорванными. Ввиду того, что после операции обнаружить офицеров, ходивших в торпедную атаку, не удалось {121}, надо считать, что версия т. Гаврилова наиболее достоверная.

После морского боя двух «москитов» наступила полная тишина. Оказалось, что еще до момента их встречи все корабли прекратили огонь.

* * *

Радист доложил, что командующий опять «разговаривает» с берегом.

«Либкнехт» в этот момент виднелся милях в пяти к осту. Похоже было, что он занимал позицию, с которой мог наблюдать как за высадкой десанта, так и одновременно за группой Гаврилова («Роза Люксембург» и «Пушкин») и группой Чирикова («Деятельный» и «Расторопный»). Но когда он поднимал флажные сигналы, то никто ничего разобрать не мог: из-за штиля флаги обвисали совершенно отвесно. Несмотря на это, начдив не рисковал переспрашивать о сигналах по радио, потому что не хотел мешать переговорам начальства с берегом.

Оставалось последнее средство дальней связи - прожектор. И вскоре им пришлось воспользоваться.

Парламентер

В жизни часто случается так, что одно и то же событие, происшедшее на глазах многих людей, воспринимается ими не всегда одинаково… Это явление зависит от многих объективных и субъективных факторов, из которых немалую роль играет то обстоятельство, насколько неожиданно возникло и как быстротечно протекало наблюдаемое событие.

Так же часто в жизни случается, что первое впечатление об изменении в окружающей нас среде, особенно если событие

протекает внезапно, врезается в памяти в том виде, в каком оно представилось (зафиксировалось) в сознании в первый момент наблюдения или обнаружения. Позже, когда свидетельства других очевидцев, достоверные документы и даже бесстрастные фотоснимки удостоверяют, что фактически это событие протекало немного иначе, очень трудно, а иногда даже невозможно отказаться от первого впечатления, и оно продолжает жить в памяти даже вопреки объективным доказательствам противного.

Вот одну из особенностей восприятия наблюдаемого и своеобразной аберрации зрительной памяти можно проиллюстрировать на примере с флагом английского парламентера.

В 9 часов 55 минут утра из-за головы энзелийского мола внезапно выскочил новый катер и был тоже принят за торпедный. Прежде чем кто-либо смог отчетливо рассмотреть его в бинокль, всем бросилось в глаза белое пятно, принятое за бурун.

Только счастливый шанс спас английского парламентера от залпа 75-мм орудий. Готовность пушек и людей была, можно сказать, «нулевая» в связи с тем, что после предыдущей атаки торпедного катера комендоры все время держали на прицеле выход из порта, тем более что других объектов для стрельбы пока им не было указано. Помимо этого, наводя прицельные трубы на оконечность мола, наводчики автоматически могли рассматривать все, что попадало в поле зрения оптических прицелов, что делалось за молом, в глубине гавани. А это интересовало всех.

Счастливый шанс англичанина заключался в том, что штурман Арвид Буш, поймавший его в бинокль раньше других, произнес громко два слова: «Белый флаг».

Продолжение фразы Буша: «…очевидно, идет сдаваться», сказанное по молодости лет и незнанию истории, никого не заинтересовало, но нажать замыкатель «ревуна» после такой реплики, конечно, было невозможно. Еще через минуту выяснилось, что это не торпедный, а рейдовый катер под полосатым тентом от солнца и идет он не тридцати- или сорокаузловым ходом, а от силы десяти-двенадцати, и что на переднем флагштоке у него большой белый флаг, который вместе с трепыхающимся тентом и был принят за пенный бурун.

Недаром говорят, что у кого-то «глаза велики». Страх не страх, но напряженная готовность к подвоху врага даже в период перемирия сделала свое дело. К счастью, все кончилось благополучно.

Поскольку «Деятельный» находился ближе всех к молу, катер

с парламентером направился к нему.

Вот тут- то и начинается проблема субъективности зрительной памяти.

К.И. Самойлов, отличный советский адмирал, достойный во всех отношениях человек, очень правдиво (за исключением отдельных частностей) описавший Энзелийскую операцию в своей книге «На канонерской лодке «Ленин» {122}, утверждает, что катер парламентера имел впереди вместо флага прикрепленный белый китель.

Б.П. Гаврилов, бывший главарт и один из флагманов флотилии, выдержанный командир, пользующийся громадным авторитетом, благодаря большому опыту и длительности службы, в своих воспоминаниях пишет: «…из гавани выскочил быстроходный катер с громадным белым флагом размером с простыню…» {123}

Наряду с этими свидетельствами в трех письмах, посланных на протяжении пяти лет, в течение которых собирались воспоминания участников, В.А. Снежинский продолжает утверждать по сей день, что: «…на носовом флагштоке катера развевались дамские панталоны…» {124}

Никакие ссылки на Самойлова, Гаврилова и других не помогают. Объясняя происшедшее явной спешкой, в условиях которой, очевидно, снаряжали парламентера, и ссылаясь на других товарищей с «Деятельного», также увидевших эту принадлежность дамского туалета, товарищ Снежинский совершенно серьезно не считает возможным отказаться от своей версии.

Остается сказать, что в моем дневнике упомянуто о «куске белой материи в качестве парламентерского флага». В те годы способность замечать вокруг корабля все обычное и особенно необычное, без чего невозможно формирование хотя бы посредственного капитана, была развита у меня довольно сильно, поэтому утверждаю, что, если бы англичанин шел с панталонами вместо гюйса, этот факт, наверное, оставил бы след в записках командира «Деятельного».

Конечно, для истории эта деталь не имеет никакого значения. Однако она небезынтересна как показатель одного из симптомов падения авторитета противника по мере выяснения его растерянности, ошибок и слабостей, явившихся следствием главным образом того, что он был застигнут врасплох.

Ведь наши товарищи готовились к ожесточенной схватке, имели очень тяжелые задачи - лезть с 75-мм пушками под огонь шестидюймовок; маневрировать в районе, считавшемся опасным из-за мин, не имея тральщиков; кожановцам пришлось

высаживаться, можно сказать, «повзводно», если не «поотделенно», на берег, на котором противник располагал усиленной бригадой из трех английских и двух индусских батальонов общей численностью до двух тысяч человек. В то же время те же товарищи видели неудачный взлет самолета, неудачную атаку торпедного катера, «бледный» залп одной из батарей, переползание растерянных «томми» обратно к Казьяну, и, наконец, они узнали о просьбе английского командования о прекращении огня.

Вот почему церемония встречи парламентера могла зафиксироваться в сознании некоторых товарищей в непочтительном для врага виде, причем совершенно искренне, ибо его уже не уважали… При иных обстоятельствах боя версия с простыней, кителем и другими частями туалета как со знаком слишком поспешных сборов не могла бы возникнуть и закрепиться в памяти участников.

* * *

Когда катер явно повернул в направлении мостика «Деятельного», то неожиданно для всех, стоящих на нем, всегда невозмутимый начдив, до этого момента абсолютно спокойный, вдруг заволновался и, поспешно спускаясь с мостика, предложил:

- Передаю вам временное командование группой!… Поскорее переправьте его к командующему, а меня, ради бога, увольте от встречи!… Меня здесь нет!

Теперь наступила моя очередь смущаться. Было досадно из-за своего внешнего вида {125}. Но помимо того смутила первая мысль, которая пришла в голову: «Как объясняться с парламентером? На каком языке?» Весьма сомнительные знания школьных лет, позволявшие во время плавания на Дальнем Востоке болтать на интернациональном портовом жаргоне, давно улетучились из головы из-за полного отсутствия практики с 1915 года.

Более двухсот лет существовала международная традиция считать английский язык морским языком (на котором издавалось большинство карт, лоций, пособий, альманахов и т.д.). Поэтому знание его всегда почиталось одним из свидетельств морской культуры, хотя это было весьма относительным показателем для оценки уровня мореходного искусства. Наши поморы заткнут за пояс любого обитателя британских островов, не зная английского языка. В то же время знаменитые ученые-моряки, вроде Лазарева, Пахтусова,

Невельского или Макарова, прославили свою родину не тем, что владели английским языком, хотя знали его в совершенстве. Поэтому сомнений в необходимости знания иностранных языков у меня не было и до этого случая. Смущало другое.

Командир «Деятельного», впервые вступая на дипломатическое поприще, не был ни помором, ни открывателем новых земель, поэтому ложное самолюбие его очень страдало при мысли о том, как представитель интервентов злорадно отметит и будет разносить сенсацию, что командир большевистского флота абсолютно не знает английского языка. Но… опасения оказались совершенно напрасными.

Не успел катер поравняться с мостиком, как типичный офицер британской пехоты (рыжеватый, худой, подтянутый, в «хаки», с голыми коленками), приложив руку к козырьку, почти без акцента крикнул:

- Прошу разрешения подойти к борту.

Тем самым он показал знание не только русского языка, но и морского хорошего тона. Первое дело честь «Интеллидженс сервис», а второе - традиционному воспитанию островитян, у которых даже армейцы знают морские обычаи.

Мне пришлось, сойдя с мостика к трапу, выслушать официальное представление капитана королевских войск Джона Крачлея, явившегося «от имени командира 39-й пехотной бригады, бригадного генерала Батмэн-Чемпэйна, для переговоров с командующим Красным Флотом». Не отходя от трапа, я написал в тетрадь семафоров донесение и приказал передать его прожектором на «Либкнехт», приступив к нудной миссии - развлекать посланца, пока не придет ответ от комфлота.

Нетрудно было начать с комплимента в связи с отличным знанием Крачлеем русского языка.

- О, я имел удовольствие несколько лет прослужить клерком на английском предприятии в Юзовке! - И дальше последовали сладкие и восторженные выражения, адресованные «этой чудесной стране». Поскольку он жил в царской России, то нетрудно было догадаться, к кому и чему относились приятные воспоминания англичанина.

Через десять-пятнадцать минут беседы можно было убедиться, что перед вами не обычный строевой офицер, а человек даже без выправки, но с относительно широким общим и специальным образованием {126}. Капитан был явно озабочен, хотя пытался усиленно это скрыть. Он непрестанно шарил глазами по кораблю, но больше посматривал по сторонам, фиксируя боевой порядок эскадры, пытаясь во всем разобраться, все запомнить. Поскольку он впервые был на большевистском

корабле (о чем так и заявил), то, не скрывая любопытства, рассматривал внешний вид командиров и матросов, стараясь в то же время оценивать их взаимоотношения.

Интересно отметить, что хотя никто никого специально не предупреждал, но верхняя команда как-то сама подтянулась; товарищи начали при обращении козырять, приказания выполнять бегом, отвечая громким «есть!» (мол, знай наших, тоже службу понимаем!).

Но, несмотря на внешнее благополучие в начале дипломатического приема, через несколько минут произошел первый неприятный казус. Не желая пускать гостя на мостик, я в то же время не мог пригласить его вниз, где отсиживался Чириков, так что весь разговор продолжался на шкафуте, у трапа. Не предупрежденный сигнальный старшина (моя вина!), не подозревавший о лингвистических талантах гостя, лихо сбежал с мостика и, откозырнув, доложил: «Так что приказано задержать возможно дольше, а затем направить на «Карла Либкнехта»!»

Пришлось пуститься в импровизацию на тему о том, очевидно, комфлот не хочет допустить, чтобы парламентер мог попасть в зону огня.

Но несостоятельность подобной версии была тотчас разбита сообразительным бывшим донецким клерком:

- Во-первых, мы с берега не стреляем, поэтому на флагманском корабле безопасно так же, как и у вас! А во-вторых, главная цель моей миссии заключается именно в том, чтобы добиться прекращения огня с вашей стороны!… Поэтому я настаиваю на свидании с командующим!

Провалившись в качестве дипломата, я решил направить англичанина «по этапу». Флагманский корабль за последние минуты еще больше удалился на ост, в сторону высадки, и наиболее близким к нам кораблем оказался крейсер «Роза Люксембург».

И тут произошел второй казус.

Пока мы стояли у трапа в ожидании ответа с флагманского корабля, английский катер сдали под корму и поставили на бакштов. Находившиеся по расписанию на юте (а отмены боевой тревоги не было) сгрудились на самой корме. От нас не было видно, что там происходит. Когда же, продолжая разговаривать, мы прошли кормовой мостик, а товарищи предупредительно расступились, то Крачлей позеленел, увидев в руках улыбающегося индуса-рулевого небольшой красный флажок, аккуратно прибитый к маленькому древку.

У капитана хватило выдержки не устроить истерику, но несколько слов, сказанных им внешне спокойно на хинди или

каком-то другом языке, заставили вытянувшегося индуса посереть, а флажок выпал из его руки и тихо свалился за борт катера, к великому возмущению наблюдавших за этой сценой.

Не ожидая реакции, Крачлей прыгнул в катер, который тотчас отвалил и пошел по моей рекомендации в направлении к крейсеру «Роза Люксембург», где его могли развлекать первоклассным французским языком, которым в совершенстве владел главарт. Как потом оказалось, на это обстоятельство Крачлей обратил особое внимание и упорно расспрашивал Б.П. Гаврилова, где и когда он изучил этот язык. Но выполнение миссии парламентера не продвинулось ни на шаг. Повторилась та же процедура запроса флагманского корабля и ожидания указаний. Все же, очевидно, совместно с Гавриловым мы выполнили задание, так как вскоре затем последовало разрешение направить его на «Карла Либкнехта», причем комфлот сам пошел как бы навстречу, приблизившись к меридиану Казьяна. Когда же Крачлей поднялся на борт миноносца, последний круто развернулся и опять пошел на ост.

Перемирие в форме томительной паузы продолжалось.

Иранское солнце (недаром оно на государственном флаге!) начинало серьезно давать о себе знать.

Пологая зыбь от норд-оста стала более ощутимой. Корабли очень лениво переваливались с борта на борт.

Но штиль был настолько полный, что поверхность моря была как бы маслянистой и под солнцем слепила глаза.

* * *

Следующий раздел можно было бы назвать «Разложение колониальных войск посредством агитации». Но, к сожалению, мы на «Деятельном» к этой задаче абсолютно не были подготовлены. И если некоторые индусские солдаты действительно вышли из повиновения своим колониальным начальникам (а это подтверждалось появлением перебежчиков и другими фактами), то причиной тому служила не наивная агитация наших товарищей, а результат воздействия более серьезных факторов и в первую очередь - победы над англичанами и их капитуляция.

Когда «Либкнехт», приняв на борт парламентера, дал ход, то английский катер оказался один среди вражеской эскадры, вдали от порта и, очевидно, не успев получить какие-либо указания. Старшина-индус не рискнул возвращаться в гавань без офицера, поэтому после некоторого колебания направился к «Деятельному»

и, подойдя вплотную, попросился жестами на бакштов, к своим «старым друзьям». Кое-кто из наших прибалтийских моряков (кажется, Гертнер) знал английский морской жаргон, с помощью которого и усиленной жестикуляции в течение более двух часов товарищи пытались подружиться с индусами, а заодно и прощупать их настроения. Но, к сожалению, чем более возвышенные и отвлеченные идеи хотелось внушить индусам, тем больше не хватало слов, жестов и даже пальцев.

Характерно, что маленький катер с экипажем всего в три человека являлся как бы миниатюрным сколком с грандиозной колониальной системы.

Три ранга (старшина, капрал, рядовой) и три разных народности были легко различимы. Но можно ручаться, что они, кроме того, представляли три разные касты и различные религии. Маленький ковчег, в котором социальная дистанция от статного старшины до моториста была еще большей, чем между «цивилизованным» рулевым и английским капитаном. И этот подбор был не случайным и сделан не сегодня, для выхода с парламентером. Подобные сочетания - результат длительного опыта колонизаторов, вся история которых по управлению Индией является историей подавления восстаний и научила мешать сплочению, разъединять, - вот в чем был смысл подбора.

Когда один из наших моряков, вскрыв банку флотских консервов и прикрыв ее большой горбушкой вкусного хлеба, протянул, улыбаясь, старшине, то последний даже отвернулся. Это было принято за своеобразную церемонию деликатности. Мало ли у кого какие обычаи.

Тогда добрая душа моряка заставила его свеситься за борт и поставить банку на корму катера. Индус сделал вид, что ничего не видит. Но как только из-под тента медленно потянулась черная рука моториста, старшина поддел банку носком желтого ботинка, и все угощение полетело в море. При этом на его лице была мина величайшей брезгливости. Черная рука исчезла мгновенно.

Негодование наших товарищей было настолько велико, что пришлось вмешаться командиру: убеждать, что индус - мусульманин, что он принял мясо за свиное, и наговорить еще что-то о секте неприкасаемых и много другой ерунды, лишь бы утихомирить страсти и не очень показать полное свое незнание этих людей.

Важно то, что «воспитание», полученное индусами от колонизаторов, и специфический подбор команды катера сделали свое дело. Флажки они взяли как сувениры, как игрушки и, очевидно, перед приемом «сахиба» на борт выкинули их в воду.

Никакого контакта не получилось. Единственно, что должны были понять индусы, что большевики с ними не воюют и им зла не желают.

Но важнее было то, что позже, когда созрели для этого объективные условия, не помогло британцам ни многообразие каст и религий, ни рекордный процент неграмотности населения, ни изощренная система тонкого обмана, натравливания друг на друга, так же как не помогли танки, самолеты и карательные экспедиции против непокорных племен.

Наивная попытка агитации товарищей с «Деятельного», конечно, не могла иметь успеха. Но можно быть уверенными, что оба индусских батальона, вернувшись на родину, были неплохими агитаторами, рассказывая о бегстве англичан из Баку, о восстановлении советской власти в Азербайджане и о капитуляции войск его величества в Энзели. И этим способствовали развитию общего процесса борьбы за независимость Индии.

Пауза

Томительная пауза продолжалась.

Дали обед команде - «не отходя с боевых постов». Это когда вторые номера и подручные разносят бачки к пушкам, в погреба, кочегарки и машины.

Дольше, хлопотно, но зато в любой момент можно открыть огонь или дать реверс машинам.

* * *

Настроение поднялось.

Несмотря на боевую готовность - курение, разговор, шутки.

Прошло больше пяти часов после первого залпа, а мы не знаем, что будет через минуту.

Возможно, англичане прекратят сопротивление, но возможно, что за время перемирия они, оправившись от «побудки», подготовили какой-либо сюрприз. Ведь теперь они знают состав наших сил, знают, что задержалась высадка десанта, что у Кепречала была только демонстрация, что кавдивизион подтянется не раньше вечера, что с моря к нам не подходят никакие дополнительные силы… и многое другое из того, что можно было увидеть и подсчитать за пять часов наблюдения с берега. Поэтому не исключено, что они откроют огонь из неотгаданных еще батарей и всей бригадой атакуют высаженную часть десанта, угрожая в то же время ударить ему в тыл со стороны Решта.

Сейчас полдень, но высажено еще только около половины кожановцев!

Неопределенность изводит.

Но оказывается, на войне нужны не только порыв, напор, концентрация воли и энергии для атаки, но иногда надо иметь выдержку и терпение для той же цели, для достижения успеха.

Давно истекли два часа, условленных как время перемирия. Хотя момент его начала и конца юридически не оформлялся, но исходя из фактического времени переговоров, можно считать, что ориентировочно боевые действия должны были прекратиться в 8 часов 30 минут, в крайнем случае в 9 часов 00 минут.

Если исходить из этой предпосылки, то формально перемирие должно было окончиться в 10 часов 30 минут или в 11 часов 00 минут. Между тем наступил полдень, и пока нигде огонь не возобновлялся.

Общая обстановка определялась к этому времени следующим положением на различных участках:

английский парламентер, капитан Крачлей, находился на флагманском миноносце «Карл Либкнехт»; никакого ответа не последовало; мотивировалось это обстоятельство тем, что не поступило указаний из Тегерана или Багдада;

десантные подразделения продолжали медленно высаживаться; один поток усиливал главные силы Кожанова, обращенные фронтом к Казьяну;

второй поток высаживающихся шел на усиление заслона в сторону Решта;

Гаврилов с группой своих кораблей держался под машинами против Казьяна, готовый в любой момент открыть огонь;

группа Чирикова продолжала держаться в одной-двух милях от входа в порт, ведя наблюдение за гаванью и лиманом;

наконец, кавдивизион продолжал безостановочно двигаться по прибрежной дороге на юг, нарочито не портя линии связи, предоставляя возможность персидским чиновникам или английским агентам доносить о своем движении.

Во вражеском стане происходили на первый взгляд малозаметные, но очень существенные изменения.

Выход английского катера с белым флагом, который наблюдался всеми в городе, Казьяне и в порту, очевидно, был понят различными группами людей по-своему.

Во всяком случае мы стали замечать признаки некоторого оживления. Кое-где показались люди. В лимане появились одиночные киржимы. Над некоторыми зданиями и на судах стали подниматься флаги.

Вот эти одиночные признаки постепенно стали умножаться, и

приблизительно к полудню можно было наблюдать следующую картину:

набережная и коренная часть мола стала заполняться народом;

на большинстве судов подняты национальные русские флаги (трехцветные); но, кроме того, на некоторых еще и флаги расцвечивания!

Но, пожалуй, самым значительным из наблюдаемого надо было считать увеличение движения по лиману киржимов, шлюпок, катеров и двух маленьких пароходиков, которые постепенно слились в сплошной поток - по трассе из порта в направлении на юго-восток. Из-за мола, землечерпалки на фарватере, камышовых зарослей и казьянского парка все эти плавучие средства сразу же скрывались из видимости. Но карта безошибочно говорила, что этот поток устремлен в устье реки Пир-Базар и ведет кратчайшим путем к Решту.

Происходит поспешная эвакуация белых, полубелых и всех английских приспешников, которых не устраивала встреча с большевиками.

Так Энзели переправлял всех наших врагов в Решт по кратчайшему пути.

Трасса была вне дальности пушек «Деятельного». Чириков, напомнив о перемирии, категорически запретил подойти к молу и расстроить огнем планомерность этой эвакуации.

Комфлот был далеко, да еще на борту у него был парламентер.

Позже мы убедились, что эвакуация не была планомерной и даже не эвакуацией, а паническим бегством, или, по терминологии белых, «драпом».

Но все же он состоялся беспрепятственно, хотя и налегке.

Это обстоятельство объясняет то, что мы не захватили почти ни одного пленного.

Окончание перемирия

Когда около 12 часов 40 минут со стороны пляжа у Хуммама послышался орудийный выстрел, а затем редкие залпы более крупного калибра, все почувствовали своеобразное ощущение облегчения.

Бой так бой! Все же лучше, чем это елозание на месте и полная неопределенность.

Однако для нашей группы и группы Гаврилова обстановка не прояснилась. Берег молчал, никто не атаковывал из гавани.

Народ на молу и пристанях сначала шарахнулся, но видя, что мы огня не открываем, выжидающе остановился, прижимаясь к строениям.

Флаги на белогвардейских судах не спускались. Усилилось движение по лиману на Решт. Но начдив не разрешил приблизиться к молу и открыть огонь по удиравшим. По-своему он был прав - при этом неизбежно пострадали бы некоторые персы и их имущество. Кроме того, среди уезжающих могли быть местные жители, решившие переждать исход событий где-либо подальше от наших пушек.

Опять полная готовность и ни одного выстрела.

* * *

Позже мы узнали, что англичане явно затягивали ответ. Кто это делал - генерал Чемпэйн или его высшее начальство? - сказать трудно. Но если двух часов для переговоров с Тегераном или Багдадом было мало, то к полудню истекло уже более пяти часов с момента первого залпа, о чем энзелийский штаб, бесспорно, донес по команде.

Кроме того, с крейсеров и канлодок стали наблюдать накапливание людей и машин в восточной части казьянского парка.

На что рассчитывали англичане - сказать трудно, поскольку они так и не опубликовали документов об этой операции. Возможно, что дело было до банальности обыденно и что не было никакой хитрости, а верховный комиссар Великобритании на Ближнем Востоке не захотел брать на себя ответственность за капитуляцию британских войск и просто отмалчивался, предоставив командиру бригады и его прямому начальнику командиру 13-й дивизии {127} выпутываться самим из этого крайне тяжелого положения.

Так или иначе, но советскому командованию было абсолютно невыгодно затянуть вопрос о капитуляции врага до темноты, что автоматически повлекло бы перенесение его на следующий день. За ночь могли исчезнуть как люди, так и предметы, в захвате которых мы были заинтересованы.

Не подлежало сомнению, что ночная атака торпедных катеров имела бы гораздо больше шансов на успех, чем утренняя попытка.

Наконец, с каждым часом по направлению на Решт уплывали сотни, если не тысячи белогвардейцев.

Поскольку к полудню уже высадилась почти половина кожановцев, все мы, стоявшие на мостике «Деятельного», внутренне одобрили решение командования.

У всех, как говорится, чесались руки, но… пришлось

терпеливо выжидать, слушая методичный артиллерийский огонь, доносившийся с востока.

* * *

Комиссар поднялся на мостик и рассказал, что очень волнуется индус, старшина катера, все время посматривающий в ту сторону, куда ушел «Либкнехт» с его капитаном. Характерно, что два других члена экипажа оставались совершенно равнодушными к судьбе своего белого властелина.

Добился разрешения начдива отправить катер в порт. Дело в том, что в случае необходимости дать ход все равно бакштов придется отдать или обрубить. На просьбу индуса разрешить идти в район высадки ответил категорическим запретом. Там бой, и катер могут принять за торпедный. Чтобы не сбежал, полпути его провожал «Дерзкий».

* * *

Чуть не повторился эпизод с встречей торпедного катера. Это и был настоящий боевой катер, но, выйдя из-за оконечности мола, он сразу пошел вдоль восточного берега. Затем, прежде чем мы определили элементы его движения, показался большой всплеск, и катер, развернувшись на пятке, скрылся опять за молом.

Значительно позже, к концу дня, когда были захвачены все трофейные корабли, включая и «матку» английских катеров - пароход «Кама» {128}, удалось узнать, что этот торпедный катер выходил не с целью атаки. Он сбросил в море свою торпеду и большой ящик с бортовыми пулеметами, взрывателями и другими приборами от катеров и торпед, чтобы обесценить наши трофеи. Топить это добро на глазах у всего порта, да еще на малых глубинах хитрые враги не захотели.

Никого из участников этой «операции» мы, конечно, не застали - после своего выхода за мол они бежали в Решт. Взорвать или поджечь самые катера они не рискнули: настроение моряков, решивших сдаться советской флотилии, это исключало. А рисковать собой не захотел ни один из белогвардейцев, оказавшийся в Энзели 18 мая 1920 года.

Новое перемирие

Вялый огонь в районе Хуммам - Казьян (восточная окраина) постепенно стал затихать и затем прекратился.

Это взмолился бригадный генерал войск его величества, обещая незамедлительно дать ответ.

Комфлот согласился продлить перемирие до 20 часов по местному времени, но на этот раз никто уже не сомневался в окончательном исходе дела. Однако чтобы избежать лишних жертв, надо было, чтобы английская сторона официально признала готовность принять все советские условия. Генерал же или колебался, или чего-то выжидал.

Заданный срок окончания перемирия, который приходился на сумерки, ничем разумным объяснить нельзя. Не берусь высказывать окончательное суждение - я не присутствовал при принятии решения и не знаю доводов, - но по-прежнему думаю, что над комфлотом продолжал тяготеть все тот же факт медленности выгрузки десанта. Действительно, под вечер была закончена высадка всех бойцов и выгрузка значительного количества грузов с так называемых «судов снабжения». Но никто никогда не возвращался к вопросу о сроке второго перемирия - англичане капитулировали задолго до его наступления.

* * *

Итак, десант продолжал высаживаться главным образом при помощи неутомимого «Володарского».

Все пушки молчали.

На берегу уже никто ни от кого не прятался. Пожалуй, можно было наблюдать элементы «братания» наших моряков с «томми», хотя английские офицеры грозили своими стеками, не рискуя подходить вплотную.

Расцветились все белые суда.

Поток на Решт через лиман стал менее плотным. Очевидно, главная масса схлынула.

* * *

Первыми признаками благополучного окончания операции явились еще большее нарастание толпы на молу и своеобразный визит энзелийского губернатора.

Полагаю, что история международных отношений еще не зафиксировала такого оригинального визита.

* * *

Из- за мола медленно выполз рейдовый буксир с высокой трубой и, переваливаясь на зыби с борта на борт, направился к крейсеру «Роза Люксембург». Очевидно, выбор направления определился сравнительно большими размерами советского корабля и флагом (Гаврилова) на форстеньге. Однако сообразив, как потом выяснилось, что до крейсера идти значительно дальше, чем к «Деятельному», буксир повернул к нам.

Помимо национального флага на гафеле, на стеньге развевался огромный желтый штандарт с усатым львом и солнцем за его спиной, занимая почти половину высоты мачты и лениво заполаскивая своим полотнищем от качки и хода корабля.

Сомнений не оставалось: приближалось высокое начальство с высокой миссией.

Зато свое собственное начальство (Чириков) опять поспешно скрылось в кают-компании.

* * *

На корме очень старенького и на редкость грязного и промасленного буксира, видно, наспех, была расчищена площадка, устланная хорошим ковром, на который поставили массивное кабинетное кресло с высокой спинкой.

Восседал на этом своеобразном троне тучный перс с животом необъятных размеров, в черном костюме и шапочке, с золотой цепью на животе и с огромными перстнями почти на каждом пальце. Вокруг кресла - почтительная свита. Слева из-за спины протягивалась как будто сама собой чаша с лимоном, а справа так же почтительно - тазик для слюны.

Чуть впереди, у борта, стоял толмач, балансируя на качке, чтобы не упасть во время глубоких поклонов. При каждой фразе, сказанной губернатором или командиром миноносца, он изгибался вдвое от почтительности, но говорил по-русски так плохо, что почти невозможно было понять те три-четыре слова, которыми он оперировал.

На визитера жалко было смотреть… Он, очевидно, не выносил никакой качки и в это губительное путешествие, наверное, пустился только потому, что многочасовое ожидание разгрома его резиденции артиллерийскими снарядами с неизбежными в последующем «большевистскими зверствами» было еще страшнее и невыносимее.

Начальник гарнизона (явная синекура, ибо с приходом оккупантов у него было не больше одной караульной роты),

пользовавшийся правами генерал-губернатора, слыл открытым англофилом и удрал в Решт после первого утреннего залпа, чем показал недюжинные способности в умении оценивать обстановку. Про него говорили, что он трепетал при имени Кучук-хана, отлично ладил с англичанами и грабил народ не по чину. Он сам был заранее уверен, что советское командование не проявит должного уважения к его званию. Гражданский губернатор, которого мы имели честь видеть, представлявший интересы местной компрадорской и торговой буржуазии, был более гибким политиком, но вряд ли его отношение к большевикам значительно отличалось от мнений и чувств его военного коллеги. Можно предполагать, что он просто не успел удрать, и теперь - под нажимом купеческих старейшин и консулов - ему пришлось пуститься в это героическое и вдвойне опасное плавание.

Шкипер- перс, давая то «малый вперед», то «малый назад» и перекатывая штурвал с борта на борт, удерживал корму своего буксира против мостика миноносца, что ему вполне удавалось. Несмотря на это, у него был напуганный и несчастный вид, возможно, потому, что шкипер был бессилен против зыби. Из-за нее буксир раскачивался, как хотел, и даже периодически взлетал на уровень нашего планшира или же проваливался ниже обнажавшейся ватерлинии «Деятельного». В эти моменты мы должны были казаться губернатору возносящимися на небо, а он сам, зажмурив глаза, в который раз ожидал безвозвратного низвержения в пучину.

Но аллах велик! Он создал море, и он же создал губернаторов. В его власти и дать и взять. Инш-алла! Будь прокляты большевики, ради которых приходится переносить такие муки! Это в тысячу раз тяжелее и унизительнее, чем стоять часами в приемной у английского майора - коменданта Энзели. История говорит, что один из властителей приказал высечь непокорное море. Но сейчас можно было ручаться, что, вернувшись на берег, этот властитель прикажет высечь всех тех, кто был свидетелем непокорности Каспийского моря.

Бросался в глаза трепет, с которым прислушивались подчиненные его превосходительства к каждому его слову (или стону). Страх перед ним помогал чинам свиты переносить и даже не замечать качку. Боюсь, что капитану попадет больше других - буксир раскачивался совершенно непочтительно.

Страдал губернатор очевидно.

Пятнисто- зеленый, вцепившись толстыми пальцами в подлокотник, он боялся смотреть по сторонам и, упершись остекленевшим взором в основание дымовой трубы, попеременно

испускал длинные струи слюны (в подставляемый тазик), облизывал лимон (подаваемый из-под другого локтя), после чего изрекал короткую фразу, выждав момент, когда корма буксира шла вверх. Когда же ют проваливался в подошву между двух гребней зыби, у его превосходительства в предсмертной тоске округлялись выпуклые глаза, и мы все деликатно отворачивались, чтобы не видеть момента его мученической кончины.

Попытка переправить губернатора к «Карлу Либкнехту» или хотя бы к «Розе Люксембург» была категорически отвергнута.

С интервалами, синхронными с периодом колебания поверхности моря, мы услышали в очень произвольном переводе и в очень витиеватой форме много пустопорожних фраз, продиктованных традиционной восточной вежливостью. Но если отбросить повороты и пустоты, то прерывистую речь губернатора можно свести к следующим трем фразам:

«…его превосходительство глубоко взволнован и непомерно рад… больше того - он исключительно счастлив видеть в Энзели доблестных посланцев великого северного соседа…

…его переполняют (тазик!) самые искренние и самые сладостные (лимон!) чувства… от счастья этой встречи…

…поэтому его превосходительство хотел бы узнать, когда дорогие гости… уйдут обратно (тазик и затем лимон!)… к берегам своей великой и благословенной страны?»

Заверив визитера относительно отсутствия у меня полномочий выступать за командующего, ответил, что, предполагаю, все окончится к взаимному удовлетворению. Мы пришли за русским имуществом, с персами не воюем. И приветы и вопрос будут тотчас переданы советскому командованию.

Беспомощно, как ребенок, зажмурившись на развороте буксира, вконец обессилевший, губернатор отбыл обратно в порт.

Капитуляция

Еще через некоторое время, несмотря на то что срок перемирия далеко не истек, получили радио-«клэром» от флагмана: «Англичане капитулировали. Поздравляю победой».

Это произошло относительно неожиданно и не совсем понятно.

Как, на каких условиях?

Узнаем в свое время, а пока объявили готовность № 2 и впервые отошли от пушек и с других постов, оставив соответствующую смену. К великой радости механика и его духов, разрешил выключить одновременно два котла. Кой-кого из машинистов и кочегаров поднимали наверх с признаками теплового удара.

Чириков уговорил Сергея Авдонкина сходить на истребителе

в порт и забрать лоцманов: никто из нас не знал правил входа. Сережа всех развеселил. Он возвратился минут через сорок, стоя на носу в английском пробковом шлеме «здравствуй-прощай» (два козырька - спереди и сзади), и был принят издали за нового парламентера.

* * *

Бесспорно, Чемпэйн еще в период первого перемирия решил, что ему придется ретироваться, и оттягивал сдачу из двух соображений. Первое - надо было получить прямое разрешение на уход из Энзели либо от комдива-13, либо от верховного комиссара Великобритании. Но оба молчали или давали советы, которые снимали с них ответственность за последствия (мы можем только предполагать, так как точных сведений не имеем). Второе - надо было добиться от советского командующего таких условий капитуляции, которые можно было бы потом представить в виде «добровольного оставления Энзели». А это значит - уйти с оружием в руках и в полном составе, не оставив пленных. К счастью, большевики на это пошли. А что касается белогвардейцев, их флота, имущества и т.д., то британцу было на это наплевать, лишь бы спасти свою шкуру и (относительно) репутацию. Конец колебаниям пришел от Хуммама.

Чемпэйну не могло нравиться то, что развернутый на подступах к Казьяну 9-й Ворчестерский батальон начал контакты («братание») с «красной морской пехотой». Последовало приказание сменить его 7-м Норс-Стаффордским батальоном, который еще не соприкасался с нашими матросами.

Кожановцы, увидя цепи новых солдат, выходящих из Казьяна, залегли и открыли огонь. Стаффордцы тоже залегли и открыли огонь, а что касается ворчестерцев, то те, оказавшись между двух огней, шарахнулись и просто побежали, пригибаясь к земле.

«Володарский» успел сбить один пулемет, а «Австралия» даже не смогла сделать залпа, как на шоссе выскочил на фордике парламентер с белым флагом. На счастье, все произошло на глазах у комфлота и у Крачлея. Порядок был быстро восстановлен, однако наши десантники, преследуя удиравших, захватили не менее полукилометра на подходах к Казьяну. Генерал решил больше не испытывать судьбу и дал радио в адрес Крачлея с предложением кончать все переговоры на уже договоренных условиях.

Комфлот потребовал четырех заложников из числа офицеров и комиссию для сдачи трофеев. Согласие было тотчас получено.

Не знаю, как хитрые англичане добились того, что ни один пункт соглашения не был зафиксирован на бумаге. Но дело было сделано.

Танкерный флот был дороже протокола.

* * *

Конечно, все рады такому удачному окончанию опе-рации, но никакого общего и громкого ликования не видно. Причина не только в том, что финал операции прошел тихо и в стороне от нас, но главным образом в исключительном напряжении и утомлении. Хотя боевую тревогу дали в точке развертывания, никто не спал с ночи и все стали на боевые посты задолго до рассвета.

Решающую роль сыграл психологический фактор. Если бы заранее знать, что победа придет так относительно легко, сохранилось бы больше сил и сейчас гремело бы «ура» и танцы под баян. Но с 7 утра до 17 часов все работали у пушек и механизмов в непрерывном ожидании артиллерийских залпов с берега, атак торпедных катеров, возможного подрыва на минах и т.д. Можно ждать час-два… и больше. Но через четыре-пять часов появляется утомление, а через девять-десять часов наступает не только сильное утомление, но и апатия.

Эти же девять часов напряжения подтвердили, как высока была дисциплина и политическая сознательность наших моряков.

* * *

Утомление было настолько сильным, что как-то по инерции в голове вертелись «очередные» мысли:

надо почистить пушки; потом труднее будет сдирать нагар;

как придется входить в порт? с лоцманом или рискнуть.без? и т.д. и т.п.

А ведь, по сути дела, внутри должно было все петь и кричать:

задача, поставленная Москвой, выполнена!

главное в том, что белый флот не потоплен и, очевидно, возьмем его в полной исправности!

англичане с позором изгнаны!

белых как организованной силы на Каспии не существует!

войне на этом театре - конец!

Но пока не прошел шум в ушах от стрельбы, пока не кончил изнывать от жары и утомления, пока не восстановилась

способность остро воспринимать окружающее, все эти мысли как будто возникали в голове другого человека, стоящего рядом.

Когда «Либкнехт», предшествуемый истребителем, проходил мимо нас в гавань, то при сближении, с «Деятельным» комфлот поздравил С.А. Чирикова с победой и поручил ему наблюдение за порядком на рейде.

В поле нашего обзора все было нормально, и мы двинулись на восток посмотреть, как идут дела у Кожанова. Оказалось, что высадка бойцов по существу закончена, шлюпки, снующие между транспортами и пляжем, перевозят остатки какого-то снаряжения. Но зато на берегу открылась незабываемая картина.

Ветераны- кожановцы, участники боя, так вспоминают этот эпизод отступления английских войск на Решт: «…по шоссе тянулся бесконечный поток вражеских частей. Ехали на машинах, на лошадях, на ослах…» {129}

Этот поток как бы процеживался сквозь своеобразное сито, так как по обе стороны дороги были развернуты пулеметные, а за ними стрелковые взводы кожановцев.

Осликов не помню, хотя они состояли «на вооружении» английской бригады, но зато хорошо запомнилось, как позади замыкающего батальона индусов в тюрбанах самым последним эшелоном шла вереница санитарных «фордиков». Благодаря белому парусиновому навесу (фургону) с красными крестами они резко выделялись на фоне пыльного шоссе и окружающих желтых песков. Но доверчивые советские моряки, наблюдавшие за выходом капитулировавших джентльменов, не подозревали, что под красным крестом вывозятся не раненые (оставленные в лазарете Казьяна), а замки от орудий береговых батарей.

Через несколько минут, оставив заслон на дороге, головной отряд из состава десанта без единого выстрела двинулся в направлении Казьяна и стал исчезать в его садах и рощах.

С «Австралии», стоявшей ближе всех к берегу, нам сказали, что первым двинулся в Решт бригадный генерал со своим штабом, не пожелавший лично встречаться с большевистским командованием.

Если заглянуть в документы того дня, то можно найти следующую лаконичную фразу:

«Вечером английский генерал Чемпэйн ввиду безнадежности своего положения заявил, что он решил эвакуировать Энзели и просил пропустить его войска в Решт».

Разрешение было дано.

Тем самым английские войска, уходя с личным вооружением и находящимся на колесах (полевые пушки, автомобили и повозки разного назначения), оставляли нам не только

«имущество России», но и свои береговые батареи, боезапас, а также склады с оружием, снаряжением и прочим имуществом, которые становились нашим военным трофеем.

Случаи подобного окончания боевых действий известны из военной истории и называются почетной капитуляцией, когда побежденный отпускается из осажденного лагеря или крепости со знаменем и личным оружием.

Откровенно говоря, в этой процедуре не так уж много почетного для тех, кому приходится оставлять на поле боя и свое или награбленное добро. Но за ошибки надо платить. Теперь пришла очередь для колонизаторов расплачиваться за свои непомерные аппетиты, за презрение к порабощенным народам (азербайджанцам, персам) и за недооценку сил Советской России и ее исторической роли. Но, верные своим традициям вероломства, англичане не сумели удержаться на позициях почетной капитуляции.

Соглашения, подобные заключенному в Энзели, не всегда оформляются документами, но это не исключает необходимости обязательного выполнения их условий для обеих сторон. Нарушение такого соглашения обманным путем является бесчестным нарушением данного слова. Между тем британское командование под прикрытием международного символического знака Красного Креста в лазаретных автомашинах вместо своих раненых, подброшенных нам, тайно вывезло замки от виккерсовских пушек с береговых батарей (и частично снятых с кораблей), чтобы оставляемые трофеи сделать для большевиков бесполезным стальным ломом. Но затем, когда обман был обнаружен, комендант Казьяна, в звании майора, попросил разрешения вывезти приобретенную им в Энзели ванну и рояль в обмен на подлежащие возвращению орудийные замки. Предложение, недостойное базарного торгаша, не то чтобы офицера, так как и у лавочников есть своя купеческая этика.

Таким поступком почетная капитуляция была самими англичанами превращена в позорную капитуляцию.

Вот, очевидно, еще одна из причин, почему «эвакуация Энзели в 1920 году» не нашла своего места в истории британской армии.

* * *

Впрочем, замки мы все равно получили бы - штаб комфлота догадался взять в качестве заложников четырех британских офицеров (включая Крачлея). Очевидно, этим объясняется тот

факт, что выделенная генералом комиссия по передаче имущества работала очень быстро и действительно помогла нашей трофейной комиссии.

Правда, был еще один случай попытки скрыть от нас хранилище автомобильного и авиационного горючего и смазочных масел, оборудованное в большом подземном складе (блиндаже) на окраине Казьяна, в котором бензин хранился в больших жестяных бидонах (экспортная продукция Нобеля и других бакинских фирм). Но еще 19 мая утром один шофер-индус, узнав о наших затруднениях, показал этот склад. После этого флотилия могла насытить не только свои потребности, но и начать открытую продажу бензина персам, чтобы получить оборотные средства на расплату с рабочими, грузившими трофейное имущество, и на другие надобности.

Это сокрытие склада, очевидно, было индивидуальным проявлением инициативы, так как в остальном англичане, признав свое поражение, стремились возможно скорей покончить с Энзели, убраться подальше и… забыть о нем. Этим же объясняется поспешный отъезд Чемпэйна и отсутствие каких-либо официальных документов о капитуляции. Громадные белогвардейские трофеи и несчетное имущество его величества были сданы на словах, а приняты односторонними актами нашей комиссии.

Англичане хотели, чтобы не осталось следов поражения, и формально они этого добились.

Правда, были сведущие люди, которые уверяли, что такая поспешность объяснялась тем, что в связи с нашим занятием Энзели активизировались действия дажгалийцев. Поэтому была угроза нападения Кучук-хана на Решг и блокирования дороги на Казвин.

Возможно. Но мне было абсолютно не до этого - верный своим привычкам, комфлот назначил командира «Деятельного» заместителем председателя трофейной комиссии, не освобождая от командования миноносцем.

Так же как в Петровске, моими помощниками стали командиры и моряки «Деятельного». И опять ни они, ни я не имели опыта в этом хлопотливом и сложном деле. Пришлось импровизировать и учиться на ходу.

* * *

Прежде чем перейти к оценке итогов Энзелийской операции, необходимо кратко изложенное описание того, как она

представлялась с мостика одного из миноносцев, дополнить некоторыми сведениями и впечатлениями, почерпнутыми позднее.

Влияние случайных факторов

В ходе и исходе военных действий случайные факторы часто играют значительную роль. Степень влияния случайных факторов, которые обычно воспринимаются как неожиданные, определяется не только тем, насколько враждующие были бдительны, или, как говорится, настороже. Важно, насколько были убеждены бойцы обеих сторон в своей идейной правоте и насколько они оказались морально стойкими. Физическая закалка и наличие здоровой нервной системы и психики также играют положительную роль для противодействия случайным и неожиданным факторам или для их нейтрализации, но, пожалуй, решающую роль может сыграть наличие хорошо организованной и гибкой системы управления. Последняя позволяет возможно раньше узнать о появлении (или проявлении) неожиданного, случайного фактора и быстро оценить его и принять необходимые контрмеры.

Отсутствие или недостаточность перечисленных качеств может привести к растерянности перед случайным и неблагоприятным событием (явлением или фактом).

В общем виде случайностью является объективное стечение обстоятельств, которое не могло быть своевременно предвидено или предусмотрено, почему его проявление так часто воспринимается как неожиданное и незакономерное. Чем реже происходит подобный случай, тем больше шансов, что он будет неожидан, непредусмотрен.

Степень воздействия элементов случайности может быть совершенно незначительной и даже остаться вовсе не замеченной, но иногда может повлиять очень сильно на ход событий. Все зависит от характера самой случайности, ее соответствия совершающемуся процессу, в сферу влияния которого эта случайность начинает включаться, и от того, насколько подготовлены окружающие, чтобы заметить, осмыслить и учесть в последующих своих действиях этот новый, случайный фактор.

Естественно, что случайности могут быть благоприятными для одной из сторон и, наоборот, такими, влияние которых неблагоприятно для нас, но помогает осуществлению намерений противника.

Случайный факт, как правило, является относительно редким, необычным фактором, вернее - еще не распознанным. В противном случае, при сравнительно частом появлении данного фактора, вероятность его повторения возрастает, выясняется

закономерность его появления, и тем самым он перестает быть случайностью. В тех условиях, когда изучаемые факторы многократны и могут быть выражены числами, они становятся объектом математического анализа вероятности ожидания (теории вероятности).

Изучение исторических работ, касающихся исследования причин успехов или поражений, в различных войнах, операциях или сражениях, показывает, что буржуазная историография опирается на установившуюся традицию преувеличения роли и влияния случайных факторов. Это является одним из следствий идеалистической философии, отвергающей объективные закономерности в явлениях природы и общества.

Тем более эта тенденция господствует в мемуарной литературе, которая насыщена примерами самореабилитации за счет ссылок на случайные факторы, якобы помешавшие осуществлению «гениальных» намерений и планов.

Возвращаясь к Энзелийской операции, интересно напомнить такие примеры воздействия случайных факторов:

1. Разность во времени на два часа, которую штаб флотилии не учитывал (забыл, вернее, не знал о ней), помогла нам потому, что «побудка» англичан произошла задолго до того, как обычно делался утренний подъем в лагере и на батареях.

2. Первый снаряд 130-мм, попавший в помещение штаба, также был в значительной мере случайным, о чем было уже рассказано.

Но когда мы осмотрелись на берегу после операции, то дополнительно выяснили еще два случайных фактора, бесспорно сыгравших свою роль.

3. Чемпэйн только накануне прибыл из Решта в Энзели с частью своего штаба для инспектирования гарнизона и хода строительства батарей. Мы этого не знали. Когда за его подписью пришла первая радиограмма, то в штабе считали, что все идет нормально и что начальник отвечает как старший.

На самом деле события протекали так.

Случайно в эту ночь застрявший в Энзели генерал в 7 часов 19 минут был разбужен разрывами снарядов в Казьяне.

В 7 часов 25 минут ему доложили первые впечатления о том, что делается на взморье и что помещение штаба разбито.

В 7 часов 30 минут Чемпэйн узнал, что огонь ведется на фронте от Кивру до Кечелала. А еще через 30 минут, когда он привел себя в порядок и, дав все указания, выехал в направлении на Решт, то своими глазами увидел разбитый «фордик» на шоссе, отползающих «томми», транспорта, готовящие высадку и тральщик, нащупывающий подходы к пляжу против Хуммама.

Отбывая, командир 39-й бригады, конечно, дал указания начальнику гарнизона «отразить врага!»… «держаться до последнего»… «что он сам немедленно выступит из Решта с подкреплениями» и многое другое в том же духе.

Сам ли генерал догадался возвратиться или настояли офицеры штаба - не ясно и не важно. Но важно то, что когда он возвратился в Казьян и временно организовал свой КП в одном из низеньких складов, стоявших «в тени» разгромленного штабного здания, - в этот момент ему доложили, что связь по проводам с Рештом прервана, причем не случайно, а «красной морской пехотой».

Оставался связной самолет и… путь на катере через Пир-Базар. Но к чести генерала надо сказать, что как только на его имя была получена ультимативная радиограмма, он не счел для себя возможным удрать по тому пути, по которому уже, давя друг друга, бежали белогвардейцы. На него смотрели подчиненные.

Надо было отвечать… и Чемпэйн вступил в игру, затеяв нарочито длительные переговоры с большевистским командованием.

Он сразу понял, что первый раунд им проигран, когда после нашей удачной демонстрации началась фактическая высадка кожановского десанта. А что она не была обеспечена высадочными плавсредствами и протянется до вечера, генерал не знал и, конечно, предположить не мог.

Итак, присутствие Чемпэйна в Энзели явилось случайным совпадением. Он мог приехать на инспекцию на два дня раньше или наметить ее на два дня позже. Больше того, можно утверждать, что если бы он ожидал атаку Энзели на рассвете 18 мая, то наверное бы не поехал, а занялся бы проблемой управления контроперацией с учетом сил в Реште, Казвине и других, пунктах, причем по-своему был бы прав.

Что же дало это случайное совпадение?

Весь военный исторический опыт подсказывает, что чем дальше находится старший начальник от места боя, тем тверже ставит он задачи, тем большего упорства добивается от войск и тем реже соглашается на капитуляцию. Особенно это характерно для нравов колониальных войск.

Вот почему можно утверждать, что эта случайность помогла нам одержать победу с такими малыми потерями.

С момента, когда Чемпэйн понял, что ему придется претерпеть участь своей бригады, все его стремления были направлены на то, чтобы возможно с меньшими потерями и позором вывернуться из этой мрачной истории. И надо сказать, это ему в значительной мере удалось {130}.

4. Последний пример влияния случайного фактора.

Главарт Гаврилов, принимая трофеи, определил, что для окончания строительства двух (трехорудийных) шестидюймовых батарей англичанам оставалось полтора суток. Боезапас был уже подвезен.

Что батареи есть или строятся, мы читали в разведсводках. Но степень их готовности и боеспособности не знали. Коммодор Д.Т. Норрис, командовавший Каспийским флотом в 1918-1919 годах, уезжая в Тегеран (в качестве главы морской миссии), оставил в Энзели до пятидесяти моряков королевского флота. Познакомиться с ними из-за их мобильности не удалось, но поскольку все 120- и 150-миллиметровые пушки были морских образцов, присланных Адмиралтейством, надо полагать, береговые батареи получили бы квалифицированную прислугу, имевшею опыт стрельбы по морским целям.

Полтора суток - элемент случайный и благоприятный для нас. Если бы операция началась 20 или 21 мая, мы все равно победили бы, но число жертв было бы значительно больше.

Вопросы о потерях

Некоторые товарищи, только что пришедшие из Астрахани, уже через пять дней, в Баку, спрашивали нас: «Что это за операция и бой, если всего два десятка раненых и убитых?»

Конечно, статистика потерь является одним из показателей напряженности, упорства боя или операции. Но нельзя только цифрами потерь определять значимость боя или операции, а тем более ее итогов.

История знает много жестоких кровопролитий - но без толку; упорных боев с громадными потерями, не давших реальных результатов ни одной из сторон.

С давних времен (можно вспомнить хотя бы Цезаря) считалось, что тот полководец выше, кто умеет добиться победы малой кровью. То, что было непреложным для национальных, а тем более для революционных войн, когда бойца уважали, ценили и любили, стало расцениваться иначе с тех пор, как империализм научился мобилизовать «пушечное мясо» обманными лозунгами или принудительно.

В кайзеровской и гитлеровской армиях были генералы, «знаменитые» тем, что могли положить несколько дивизий ради какой-либо «высоты 210» на карте, не имевшей такого значения, чтобы ради захвата ее жертвовать десятками тысяч солдат.

Да, под Энзели с нашей стороны было один-два убитых и больше десятка раненых, из числа кожановцев. Точных списков не сохранилось, но я утверждаю, что раненых среди десантников было больше. 19 мая лично видел группу более десяти человек с

забинтованными головами и подвязанными руками. Их прислали ко мне для отправки в Баку на трофейных кораблях, но они категорически отказались грузиться и разбрелись по своим подразделениям. Подъем настроения у всех бойцов был так велик, что ранения скрывались.

Что касается англичан, то цифры их потерь тоже занижены, но по другим мотивам.

Когда в санитарных фурах вывозились орудийные замки, то последние были под койками, а на койках для маскировки лежали действительно раненые и трупы убитых. Кроме того, в Казьяне англичане «подбросили» нам около двух десятков раненых, оставленных в лагерном «околотке» (лазарете). Поскольку Чемпэйн изобразил все события как… «добровольный уход английских войск из Энзели, по договоренности с советским командованием», то никаких раненых или убитых не должно было быть.

Чтобы покончить с этим вопросом, остается напомнить Бакинскую операцию XI армии.

С момента форсирования рубежа реки Самур и до занятия Баку армия потеряла приблизительно столько же, сколько и флотилия под Энзели. Но кто станет измерять количеством потерь значение Бакинской операции, сыгравшей (вместе с восстанием) огромную роль не только для войны в Закавказье, а и для всей РСФСР?

И если бы рейд бронепоездов тов. Ефремова, этого подлинного героя, не проводился так дерзко и стремительно, XI армия все равно вошла бы в Баку победительницей, но только несколько дней спустя и ценой тысяч убитых и раненых.

Аплодисменты

Когда миноносцы медленно входили по фарватеру внутрь лимана, громадная толпа энзелийцев, стоявшая сплошной стеной вдоль мола и причальных стенок, помахивала приветливо маленькими красными флажками (наспех состряпанными из материи и бумаги) и горячо аплодировала пришельцам.

Думаю, что для условий военного времени такая форма приветствия победителей не совсем обычна.

Это был своеобразный знак признательности за то, что мы изгнали англичан. Возможно, что кое-кто из бедноты понимал наступление новых времен для успеха борьбы Кучук-хана. Но, грешным делом, подозреваю, что больше всего аплодисменты относились к благополучному (для горожан) окончанию боя и даже войны и… сидению в подвалах.

Несостоявшаяся атака

Когда все уходили с рейда, Н.Ю. Озаровскому пришлось по

сигналу комфлота остаться с крейсером «Роза Люксембург» - «для наблюдения за порядком».

Много времени спустя мы узнали подлинный смысл этого сигнала.

Случилось так, что к началу операции в распоряжении штаба оказалась в полной готовности одна из тех рыбниц, скрытно вооруженных торпедой (укрепленной под днищем, по проекту инженера Бржезинского), которые еще в 1919 году посылались из Астрахани в тыл врага. В данном случае рыбница была в хорошем техническом состоянии и имела испытанный экипаж, который прорвался в Баку до прихода XI армии и флотилии, но не нашел здесь объектов для атаки, поскольку бело-английский флот уже был в Персии.

Командование флотилии, не исключавшее возможности морского боя под Энзели, скрытно от всех (даже от участников операции) послало рыбницу к Энзели с расчетом подхода к порту на рассвете 18 мая. Задача - утопить дозорный корабль белых или одно из других больших судов, если они успеют развернуться на внешнем рейде.

Очевидно, тот самый штиль, который без приключений привел флотилию к Энзели, заставил заштилеть рыбницу где-то по пути. Теперь штаб боялся, что экипаж рыбницы, не знавший о конце операции (радиоприемника они не имели), может атаковать один из советских кораблей или из тех трофейных, которые скоро пойдут в Баку.

Перехватил ли Озаровский рыбницу или нет, не знаю. Важно, что все обошлось благополучно {131}.

Но не менее важно отметить, как оценивал обстановку и противника штаб и насколько численно мы были слабее, что даже такая рыбница учитывалась в качестве реальной помощи, если бы враг принял бой в море или оказал сильное сопротивление в Энзели.

Морские трофеи

Б.П. Гаврилов, в новом качестве председателя трофейной комиссии, подошел к наружному борту «Деятельного», когда мы еще закрепляли швартовы.

Тут же договорились, что я как его заместитель беру на себя все, что на воде (суда, плавсредства), а он, помимо общего руководства, будет заниматься всем «добром» на берегу (батареи, склады, казармы, машины и т.д.).

Передал в распоряжение трофейной комиссии В.Ф. Трибуца {132}, как более подготовленного, а сам, оставив миноносец на Снежинского с боцманской командой и расчетами двух пушек, бросился бегом вдоль по стенке к кораблям бывшего «флота его

величества». Мы все еще опасались, как бы кто-нибудь не устроил диверсию.

Десять вспомогательных крейсеров и девять военных транспортов и «маток», бывшие некогда лучшими судами танкерного и сухогрузного (товаро-пассажирского флота Каспийского моря, не считая многих «шхун» {133}, стояли в порту кормой к стене, на якорях и на приколе у острова Миан-Магалэ.

К счастью, ни один из кораблей не был поврежден. Но это не от благородства убегавших, а результат все той же «побудки». Если англичане проспали первый залп, то белые не ломали голову над тем, как спасти престиж войск его величества. Они просто побежали.

У всех судов нелепый вид: подняты флаги расцвечивания, а шлюп-балки вывалены за борт, и тали стравлены до воды - признаки панического бегства. И так на каждом шагу.

Никаких штабных документов не оказалось, и никто их нам не передавал. Судовые бумаги тоже были в беспорядке, а некоторые были уничтожены.

Путаница с учетом кораблей еще усложнялась тем, что часть из них неоднократно переименовывалась и меняла свое назначение. Были двойники, два «Опыта», три «Усейнова» и другие, были неизвестные суда, а кое-каких, значащихся в сводках и в списках, не оказалось в натуре.

Прошло сорок лет, но я беру на себя смелость утверждать, что до сего дня нет окончательной ясности с перечнем всех плавучих единиц Каспийского моря, с показанием их судьбы как у нас, так и у белых {134}.

Но один вопрос прояснился окончательно. Вспомогательного крейсера «Горчаков» (или «Князь Горчаков») в живых не оказалось, чем подтвердилось то, что мы узнали впервые от морских офицеров, застрявших в Баку.

Действительно, «Горчаков» (однотипный с «Князем Пожарским») вышел в последние дни марта 1920 года в операцию против нас на 12-футовом рейде. «Горчаков» ночью отстал от группы «Пожарского», и с тех пор никто никогда его не видел и не был подобран ни один человек. Последнее понятно: подрыв и гибель на нашей мине «Пожарского» нагнали такой страх на белых, что торпедные катера, перегруженные спасенными с заградителя, никакими поисками заниматься не могли.

Причину гибели никто не знает. Погода была тихая. Может быть, это дело одной из наших героических рыбниц? Может быть, диверсионный взрыв?

Лично я, как минер, склонен думать, что «Горчаков» подорвался и затем взорвался на одной из советских мин,

поставленных осенью 1919 года {135}.

Этот факт гибели неприятельского крейсера остался абсолютно незамеченным нашей разведкой. А между тем гибель не одного, а двух кораблей в течение одних суток, бесспорно, должна была сильно подорвать моральное состояние белогвардейцев, тем более когда они убедились, что опоздали с развертыванием, а половина их минного запаса потеряна с «Пожарским».

Первые отправки в Баку

Кое- кто из авторов потом писал, что на следующий же день, вслед за занятием Энзели, весь бывший белогвардейский флот с оставшимися на нем экипажами чуть не с музыкой тронулся в Баку.

На самом деле это протекало не совсем так. Главная трудность заключалась в личном составе. На судах осталась сравнительно небольшая часть команды и буквально единицы из администрации. Это были моряки торгового флота, мобилизованные англичанами в 1918 году, переданные затем белым (в 1919 году) и имевшие семьи в Баку или Петровске. Они встретили нас настороженно, но скоро «отошли» и не скрывали своей радости.

Вражеская агитация запугала многих, и часть моряков совершенно напрасно тоже бежала в Решт. Что же касается офицеров, юнкеров, кадетов и даже гимназистов, которыми заполняли редеющие команды, особенно после Петровска и Баку, то эти совершенно сознательно бросились в глубь чужой страны во главе с капитаном 2-го ранга Бушеном, который после дезертирства контр-адмирала Сергеева считал себя «командующим Добровольческим флотом на Каспийском море».

Скатертью дорога! Очевидно, они не знали, что часть их друзей уже служит своей родине в рядах РККФ, честным трудом стараясь искупить свои ошибки.

Прежде всего я заставил выйти или вывести на буксире все трофейные суда на внешний рейд. Благо погода была сносная. Надо было их оторвать от города, куда по привычке, укоренившейся при белых, кое-кто «сплавлял» инструмент, белье и другой инвентарь. А с берега надо было пресечь поток спиртных напитков, что тоже было уже установившейся традицией.

Бегло, на глаз, определив состояние судна, выделив из оставшихся старшин, посадив своего коменданта (с «Деятельного») и добавив нехватку машинистов и кочегаров, выделенных с эскадры, мы начали отправлять суда в Баку с вечера 19 мая.

Кое- кто пошел на буксире у более надежного собрата.

А на остальные пришлось распределить моряков, специально присланных из Баку на третьи сутки.

Гаврилов настаивал, чтобы трофейные суда грузили трофейным имуществом для доставки в Баку, и он по-своему был прав. Поэтому кое-кого вводили в порт, грузили на палубы или в трюмы, после этого опять выводили на рейд для формирования своеобразных конвоев.

Конечно, никакого строя или «совместного плавания» не было. Но на каждые четыре или пять судов, растянувшихся на десять-двадцать миль, назначался один крейсер или миноносец, который и присматривал за порядком, учитывая нехватку штурманов и машинной команды.

К счастью для меня, «Деятельный» был отозван в Баку на третьи или четвертые сутки, и я с удовольствием передал свои обязанности командиру «Дельного» Бетковскому, пришедшему в Энзели 19 мая.

Церковные ценности

Что не все из оставшихся на борту были святыми, доказывает такой случай.

Обходя на катере свое хозяйство, стоявшее на якорях, мы заметили, что на одном из транспортов не спущен трап, нет вахтенного и никто даже не выглядывает за борт. После крепких слов сопровождающего меня Гридина очень неохотно был сброшен штормтрап.

Пять или шесть расхристанных морячков, оказавшихся на палубе, были полупьяными. Но хуже было то, что мы прервали дележку церковной утвари (иконы, кадила, кресты, книги в окладах и т.д.), вываливавшейся из вскрытого топором ящика и наспех прикрытого брезентом при нашем появлении.

После громкого заявления, что они «борются с религией, уничтожая предметы культа», и после наглого предложения войти в долю мне впервые в эту кампанию пришлось потянуться за наганом.

Спасибо Гридину, а также мотористу и рулевому катера, стоявшего под бортом с выключенным мотором. Борцы с религией забыли о катере при анализе соотношения сил.

На что они могли рассчитывать? Ни на что.

Это было затмение мозгов у людей, которые в полдень с непокрытой головой пили водку не закусывая, на верхней палубе, находясь на параллели 37 градусов 30 минут. Я южанин и знаю, что в таких условиях пить раньше захода солнца не рекомендуется, поэтому все преимущества были на моей стороне.

(Кстати, о судьбе этих ценностей, которые оказались в нескольких ящиках. По приходе в Баку доложил. Получил

приказание передать все местной православной епископии, что и было выполнено.)

Комендор «Деятельного» Владимир Гридин не побоялся остаться один на борту с воинствующими атеистами, которые через полчаса уже были менее воинственными и заколачивали ящики с церковным серебром. После этого, получив всего только трех-четырех наших моряков, Гридин в качестве и коменданта и капитана довел транспорт благополучно до Баку.

Когда командующий с начальником штаба обходил прибывающие из Энзели суда, которые они там не имели случая осмотреть, то на палубе «Эдисона» {136}произошла трогательная сцена.

А.В. Кукель, не дав коменданту закончить рапорт комфлоту, вдруг вскрикнул:

- Гридин!

- Так точно… Гридин!

Тогда начальник штаба, обняв и расцеловав его, стал объяснять комфлоту свое неуставное поведение:

- Понимаете… это Гридин с «Керчи». Ведь и вы, Федор Федорович, видели нашу печальную работу в Новороссийске? Так вот, Гридин был заместителем председателя судового комитета! Жили и работали душа в душу. Отчаянный человек! И кто бы мог подумать, что мы встретимся здесь после Энзелийской операции?

Посмотрев на золотую надпись на бескозырке («Деятельный»), комфлот, обращаясь ко мне, спросил:

- Это, значит, он у вас служит? Ну как?… Не бузит?

Пришлось заверить, что комендор с «Керчи» хоть и крепкий орешек, но моряк и комендор первоклассный.

Улыбающийся комфлот закончил эту оценку брошенным в воздух:

- Представить к награде!

- Есть! - ответили начштаб и я одновременно.

Атаманский значок

Еще вечером 18 мая, бегло осматривая трофейные корабли и устанавливая на них свой караул, я с группой попал на палубу вражеского флагмана.

На «Президенте Крюгере», на котором месяцами жил первый оккупант Баку английский генерал Денстервиль со своим штабом, в «директорском салоне» мы с Гридиным нашли еще теплую брошенную койку с альковом, шикарным бельем и полковничьим кителем с серебряными аксельбантами генерального штаба в петлице.

Хозяин каюты так спешил, что не успел прихватить ничего, кроме пистолета и бумажника.

Китель он бросил сознательно, так как пижамная куртка, очевидно, должна была отныне маскировать его далеко не легкое прошлое.

Но самым примечательным в салоне оказался «атаманский значок», который в качестве священной реликвии был прикреплен наискось на переборке.

К бамбуковому древку с кожаной петлей для стремени и золотым копьевидным наконечником {137} было прибито небольшое квадратное полотнище из темно-красного (бордо) бархата, с вытканным золотом по краям орнаментом. Полотнище было толстое и твердое, как лист жести, с маленькими кисточками по углам.

Посредине стоял на задних лапах грозный медведь, тоже вытканный золотом, вместе с надписью, сделанной славянской вязью: «Никто не тронет меня безнаказанно».

Сопровождающий нас крюгеровский боцман почтительно доложил, что в каюте последнее время жил адъютант Бичерахова, а «значок - собственный его превосходительства, а оставлен был обратно на хранение».

Очевидно, отбывая в Париж, Бичерахов догадался, что там ему атаманский значок не пригодится.

Видя трепет боцмана, Гридин не выдержал и… как он выразился, «подергал за бороду медведя».

- Авось на этот раз… обойдется безнаказанно! - с задором сказал Владимир Гридин и с грустным раздумьем прибавил: - А сколько душ он… загубил безнаказанно!…

Оценка операции

Вряд ли было бы целесообразно излагать личные выводы и оценки автора - он является одним из участников операции, а следовательно, ему трудно будет избежать некоторой доли субъективности в своих суждениях. Надо полагать, что больше пользы даст опубликование некоторых документов и выписок из них, относящихся к оценке Энзелийской операции. При этом если использовать разнообразные советские источники и дополнить их английскими, то можно рассчитывать на достаточную объективность общего впечатления от результатов этой своеобразной операции, приведшей к окончанию интервенции и ликвидации добровольческих сил на Каспийском море.

Прежде всего надо напомнить похвалу такого высокого органа нашей государственной власти, каким был Совет Труда и Обороны Республики (сокращенно СТО), возглавляемый В.И. Лениным.

Уже через двое суток после окончания операции - 21 мая - СТО, ставя ближайшую и самую главную задачу Каспийской

флотилии, так оценил итоги ее деятельности:

«После Того, как Вы блистательно справились с возложенной боевой задачей, Совет Труда и Обороны временно поручает Вам важную для социалистической республики задачу, именно вывоз нефти из Баку на Астрахань…»

Эта выписка из протокола пленарного заседания СТО говорит не только об исключительно высокой оценке завершающей операции, но одновременно она указывает, насколько важна была в то время для государства проблема снабжения нефтью советской промышленности и транспорта.

* * *

Следующим по значимости отзывом об изменении обстановки, которое произошло в результате Энзелийской операции, надо считать передовую статью «Правды», специально посвященную этому событию и опубликованную утром следующего дня (22 мая 1920 года) под характерным заголовком: «Каспийское море - советское море».

Яркая и боевая передовица центрального органа РКП(б) начиналась фразой: «Разбойник всегда остается разбойником… Так было и с русскими белогвардейцами…»

И после краткого описания грабежа, учиненного белыми на Кавказе, и бегства их в Иран «Правда», из дипломатических соображений, не упоминая о тех, кто помогал им и прикрывал своим оружием, продолжала:

«…Но белогвардейские разбойники просчитались. Наш Красный флот нашел их в Энзели… Теперь они не могут грабить и топить наши пароходы в Каспийском море. Разбой на этом море уничтожен. Каспийское море превращается в «честное советское море».

Своей передовой статьей «Правда» извещала советский народ о том, что захват «всего флота и всего награбленного» и установление безопасности мореплавания явились главным итогом Энзелийской операции. Вот почему так убедительно звучала концовка: «Наш Красный флот не отстает в своей доблести от нашей Красной Армии» {138}.

В этот день не только каспийцы, но и все моряки Балтики, Азовского моря и других речных и озерных флотилий с радостью и удовлетворением читали эту оценку их заслуг, так как сопоставление с Красной Армией было сделано в тот момент, когда ее полки и дивизии героически и самоотверженно сражались с полчищами, организованными Антантой для так

называемого третьего похода на Советскую Россию.

* * *

Командующий морскими силами А.В. Немитц, который давал директивные указания на эту операцию, после получения первых донесений об ее окончании лаконично, но точно оценил действия флотилии:

«Поздравляю с победоносным окончанием военной кампании на Каспийском море. Доблестный Красный флот блестяще выполнил возложенную на него Советской Республикой боевую задачу первостепенной важности. 21 мая 1920 г. Коморси Немитц. Комиссар Гайлис».

Революционный Военный Совет Республики не спешил. Свои выводы он сделал не под впечатлением первых реляций или восторженных телеграмм из Баку, а после доставки фельдъегерями отчетных документов как флотилии, так и армейского командования и Азербайджанского ревкома. На основе изучения всех материалов только 7 июня в Москве был подписан итоговый приказ № 1016, когда плоды энзелийской победы в виде восемнадцати больших судов, не считая трофейных грузов на них, средних и малых шхун и шаланд, стояли на бакинском рейде.

Уже на следующий день в Баку, когда был получен текст приказа (по телеграфу), мы читали и перечитывали с волнением:

«…За проявленную боевую доблесть, энергию и преданность делу защиты интересов пролетариата Революционный Военный Совет Республики постановил:

а) передать всем командирам, комиссарам и всему личному составу флотилии товарищеский привет и благодарность…

…в) наградить Каспийскую флотилию Почетным Знаменем…» {139}

Это было замечательно! Товарищеский привет от высшего командования произвел на многих моряков большее впечатление, чем указание о представлениях к наградам. Но особенно ценным явилось упоминание о преданности интересам пролетариата, - мы сами, увлеченные профессиональными особенностями операции, как-то не задумывались о политической сущности происходящего. И то и другое из оценки Реввоенсовета помогло нам в спорах с теми скептически настроенными товарищами, которые привыкли значительность боевых действий измерять количеством убитых и раненых.

Можно сказать, что с каждым последующим днем значимость

победы Каспийской флотилии все возрастала, потому что реальные последствия разгрома осиного гнезда в Энзели вполне ощутимо выражались в ежедневно возраставшем количестве вывозимой из Баку нефти, острую потребность в которой продолжали испытывать промышленность и транспорт РСФСР. Вот почему в отчете, представленном Морведом VIII Всероссийскому съезду Советов в декабре 1920 года, вновь были изложены подробности относительно Энзелийской операции и дана следующая оценка ее итогов:

«…Этим последним актом Каспийская флотилия блестяще закончила возложенную на нее задачу овладения господством на Каспийском море, дав возможность стране свободно вывозить нефть - этот могучий двигатель промышленности».

Если наши официальные органы печати и официаль-ные публикации деликатно обходили вопрос об участии англичан в Энзелийской операции, то Лариса Рейснер не пощадила интервентов:

«18 мая 1920 года регулярные войска Великобритании впервые на Востоке были побиты в открытом бою и отступили, едва выкупившись из позорного плена…» {140} Возможно, что она не знала о пленении турками английского генерала Таунсенда в апреле 1916 года в Кут-эль-Амаре и о скандальной попытке его выкупить из плена и потому немного ошиблась в статистике британских поражений. Но, очевидно, Лариса Рейснер не ошиблась в том, что в Багдадской операции не было энзелийской концовки: «…Уходя, они в хвосте обоза вытаскивали какие-то ванны (частное имущество майора), рояли и вообще культурные принадлежности…»

Были и такие своеобразные сообщения, опубликованные хотя и в морском журнале, но в явно кавалерийском стиле: «18 мая 1920 г. лихим ударом был взят порт Энзели, а вместе с ним и весь судовой состав белогвардейского и английского флота» {141}.

В положительном духе дают оценку позднейшие советские авторы, изучавшие итоги операции на основе анализа исторических документов и свидетельств современников. К ним могут быть отнесены А.К. Селяничев, Р.Н. Мордвинов, А.Б. Кадишев, А.А. Маковский и Б.М. Радченко и многие другие.

Мы сознательно опускаем оценки и выводы непосредственных участников операции, даже вполне правдивые, на наш взгляд (Н.Ю. Озаровский, К.И. Самойлов, В.А. Кукель и многие другие), чтобы исключить возможность упреков в субъективизме подобных суждений. Это тем более целесообразно, что некоторые из рассказчиков либо позабыли многие факты, либо немного погрешили перед истиной. К числу последних

относится прежде всего сам комфлот Ф.Ф. Раскольников, свидетельства которого надо принимать очень осторожно и с большими коррективами.

Его заслуг нельзя отрицать как в руководстве по проведению всей кампании 1920 года, так и при проведении заключительной операции. Но если оставить в стороне восторженные и немного экзальтированные донесения в Москву, то надо сказать, что позже в ответах и особенно в воспоминаниях он был очень нескромен и полностью извратил «авторство» Энзелийской операции. Серьезнейшее государственное решение, в принятии которого, как видно из документов, принимали участие тт. Склянский, Каменев, Чичерин и Немитц (то есть быть или не быть операции, высаживать ли десант на персидскую территорию или нет и т.д.), Раскольников приписал персонально только себе, скрыв от всех директивную телеграмму коморси Немитца, полученную в Баку еще 1 мая.

Есть все основания утверждать, что никто из перечисленных товарищей, обсуждавших проект директивы на проведение Энзелийской операции, не рискнул взять на себя окончательное решение, и оно было санкционировано В.И. Лениным. Хотя пока еще не найдены экземпляры документов с его пометками, но Владимиру Ильичу дважды представлялись письменные доклады с просьбой утвердить основные положения намечаемого плана, вторые оттиски которых сохранились, так же как и директивные указания, данные комфлоту.

Раскольников воспользовался тем обстоятельством, что, по предложению наркоминдела Чичерина, комфлоту было приказано заявить персидским властям, что он действует по своему личному усмотрению, помимо Москвы. Но Раскольников пошел дальше и приписал себе не только инициативу в замысле и проведении операции, но и все действия флагманов, штаба и даже управления огнем отдельных кораблей.

Поскольку все же в его документах и рассказах есть некоторые интересные детали, их нельзя исключать из обихода наших исследователей.

…В заключение надо хотя бы очень кратко показать реакцию врагов всех мастей на последствия, происшедшие после финала в Энзели.

Как реагировали белые на операцию?

Участники разбежались. Оценивать поражение было некому. Врангелю, которому формально подчинялись «все части Юга России», или его историкам и публицистам меньше всего было на руку писать об еще одном поражении, почему и ликвидация добровольческих сил на Каспийском море не попала в реляции.

Что касается английской оценки Энзелийской операции, то самым красноречивым является молчание о ней.

Нельзя сказать, что вообще отсутствует литература о событиях на Каспии, в Баку или в Персии. Помимо официальной истории, выпущенной в Лондоне, на английском языке издано значительное количество воспоминаний непосредственных участников или свидетелей политических и военных коллизий в период с 1918 по 1920-1921 год включительно (генералы Денствервиль, Раулинсон, Томсон и многие другие). Но поразительно то, что начиная с весны 1920 года память начинает изменять всем английским историкам и мемуаристам. Скороговоркой упоминается о том, что якобы… «в конце 1919 и начале 1920 года в связи с изменившейся обстановкой британские войска были отозваны из Баку, а затем из Персии…».

Это старая традиция английской военной историографии (и не только военной) - детально расписывать победы и умалчивать о поражениях.

Если можно было бы привести хоть пару мелких примеров героизма или военного искусства англичан, то их бы не забыли в Лондоне, а раздули бы в эффектные эпизоды. Но так как ничего подобного не было, а детальное изучение могло бы привлечь внимание не только к капитуляции, но и к истории с орудийными замками, роялем, ванной и т.д., то на моменте ухода из Баку британскими официальными историками была поставлена точка.

Однако буржуазная общественность Англии и особенно ее «деловые круги» не могли не обеспокоиться ходом дел на Ближнем Востоке. Главный рупор хозяев колониальной империи, солидный «Таймс» еще в июне 1920 года писал, вернее, кричал: «…Страна (Персия) открыта большевизму, весь английский престиж теперь поставлен на карту. Захват персидского порта Энзели является громадной угрозой, которая может заронить искру по всему Среднему Востоку…» И после обвинений правительства его величества в близорукости и нерешительности «Тайме» продолжает: «Помещение в порту Энзели одной или двух бригад, которые, конечно, бессильны сопротивляться большевистскому нашествию, не только не могло иметь никакого политического или военного значения, но и наоборот, могло лишь причинить ущерб английскому престижу, ибо быстрое отступление энзелийских войск в глазах Среднего Востока явится лишь свидетельством английского бессилия…»

Нельзя отказать редакторам «Таймс» в способности правильно оценивать обстановку.

На приведенных коротких выписках оценка деятельности Каспийской флотилии не кончается. Что родина и партия помнят

заслуги моряков и что высокая оценка их дел имеет замечательную историческую преемственность, показывает следующее.

За двенадцать дней до оформления акта безоговорочной капитуляции фашистской Германии, подписанного в поверженном Берлине, Президиум Верховного Совета СССР издал специальный указ, подписанный Калининым (27 апреля 1945 года), которым Каспийская военная флотилия награждалась орденом Красного Знамени «за боевые заслуги перед Родиной в период гражданской войны и в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками в годы Великой Отечественной войны…».

Так возникли и сохранились две взаимосвязанные исторические линии, которые непреложно живут до наших дней.

С первых дней Великой Октябрьской социалистической революции партия создала и непрерывно пестовала военную флотилию на Каспийском море, возложив на нее задачу защиты интересов Советского Союза на этом театре как в военное, так и в мирное время.

Военные моряки-каспийцы, сознавая всю важность и ответственность тех задач, ради которых была создана флотилия, не жалея сил, старались оправдать это доверие, учась, работая и воюя так, как этому учит партия.

Эти две линии последовательно сливаются: доверия, внимания, помощи и оценки заслуг - сверху - и преданности, полной отдачи в работе, готовности к величайшему напряжению и самопожертвованию - снизу.

1960

Примечания

{1}

8 сентября 1919 года взорвался и погиб вооруженный белогвардейский пароход «Арага», а 7 октября за ним последовал пароход «Надежда» с 100-мм пушками.

{2}

Мы все это поняли весной, когда, заняв Петровск-порт, набрасывались на самую соблазнительную еду, но… не могли съесть больше одной котлеты или одного пирожного.

{3}

Рабочая одежда из синей материи (нанки, чертовой кожи и пр.), которую носила и носит «нижняя» команда (машинисты, кочегары, трюмные, электрики и т.д.).

{4}

Линкор «Свободная Россия», бывший «Екатерина II».

{5}

Перечитывая позже, вспомнил, что это ощущение наиболее бедственного разрушения города Астрахани оставалось во мне вплоть до 1942 года, когда пришлось побывать в Керчи. Страшные разрушения Керчи заслонили некогда поразившее в Астрахани. В свою очередь почти раскрошенный Севастополь еще позже заслонил Керчь.

{6}

Много позже узнал, как и почему был «блокирован «Трансбалт». Кое-кто пострадал зря. Но в числе медицинского персонала и служащих Красного Креста оказалось несколько именитых фигур, намечавших побег в первом германском порту.

{7}

100-мм пушки.

{8}

Sister-ship - суда-близнецы, построенные по одним чертежам.

{9}

Озаровский Н.Ю. - ветеран Волги и Каспия. Особо отличился во время Великой Отечественной войны в должности командира дивизиона канонерских лодок Ладожской военной флотилии. Умер после войны от болезни сердца.

{10}

Махачкала.

{11}

Столярский С.Э. - ветеран нашей гидроавиации и гражданской войны. Умер в Ленинграде в звании генерал-лейтенанта авиации.

{12}

Кукель 2-й В.А. - рождения 1885 года, во флоте с 1902 года; к революции - старший лейтенант.

{13}

Генмор - сокращенное наименование Морского генерального штаба.

{14}

Традиционное название крахмальных воротничков с отогнутыми углами. Носились с сюртуками.

{15}

Флажок - сокращенное флаг-офицер (адъютант).

{16}

Давно его след простыл, где-то в Швеции, а верфь и док продолжают носить его имя. Даже вывеска на проходной: «Нобель и К°». А нет ни Нобеля, ни К°. То есть есть, конечно, но в Баку и дальше.

{17}

Одним из таких виртуозов до революции был командир транспорта «Рига» А.П. Максимов 4-й. Самое замечательное то, что он перешел во флот из поручиков армии перед русско-японской войной, выдержав экзамен экстерном.

{18}

Снежинский В.А. - ветеран Волжско-Каспийской флотилии,

дважды командовал «Деятельным». Впоследствии профессор, инженер-контр-адмирал, начальник кафедры Военно-морской академии имени Крылова, член КПСС.

{19}

Известные своим опытом командиры кораблей старого флота. Максимов А.П. честно служил после революции. Севастьянов В.В. - знаменитый командир «Гавриила», погибший с кораблем осенью 1919 года в Копорском заливе.

{20}

Май-июнь 1918 года

{21}

Часть в городе, а часть у причалов верфи «Кавказ и Меркурий».

{22}

Происшедшее на миноносце утром 18 марта записано в конце месяца, на ледоколе «Каспий», на 12-футовом рейде, в каюте т. Озаровского, после минной постановки.

{23}

В составе флотилии были палубные трехмоторные катера (переброшенные на Волгу из Новороссийска на платформах), которые строились как истребители подводных лодок в первую мировую войну и за которыми сохранилось официальное наименование «истребители».

{24}

Традиционное сокращение слова «гауптвахта».

{25}

Малый флотский парусиновый чемодан.

{26}

Плес в Моонзунде, между островами Эзель и Даго. Место ожесточенных боев с немецкими миноносцами в начале октября 1917 года.

{27}

Малая осадка: носом - 0, а кормой от 3/4 до 1 фута.

{28}

В 1920 году у нас еще не было в обиходе понятия «оперативное развертывание».

{29}

Кроме слабого берегового припая в Кизлярском заливе, и то в течение одного-двух месяцев.

{30}

Только некоторые наши калибры (100-мм) были дальнобойное английских.

{31}

Ввиду мелководности главного фарватера миноносцы могли идти только разгруженными и на ровном киле.

{32}

Расчет был такой, что при нагонном ветре (с южной части картушки) мины окажутся на углублении семь-восемь футов, а при угонных ветрах - на один-два фута, то есть только чтобы не оголялись. Особенно значительные изменения уровня, которые иногда достигают шести футов в обе стороны, нами в расчет не принимались, учитывая, что в таких случаях маловероятны операции в этом районе.

{33}

Здесь с началом навигации обычно устанавливался так называемый «входной» буй.

{34}

Немного погодя на наших минах кроме белогвардейского крейсера взорвалось посыльное судно «Прилив». В какой мере это было следствием «триангуляции Корсака», сказать трудно.

{35}

Малые гальваноударные мины против тральщиков и малых судов, только колпаки у них не свинцовые, а стеклянные, с металлическим пальцем. Ввиду малой живучести и слабости заряда после гражданской войны сняты с вооружения.

{36}

Мины «Р» впервые делались до революции в Одессе на частном предприятии.

{37}

Я не солгал. До этого дня видел только чертежи, когда готовился на краткосрочных курсах у товарищей Киткина, Ралля и Киреева на специалиста по тралению и заграждению. Это было в Адмиралтействе, в зиму 1918 на 1919 год.

{38}

Теплоход «Президент Крюгер», флагман англо-белого флота, имел III - 120 мм, I - 75 мм и 14 узлов.

{39}

На якорь с отвесно смотрящим канатом.

{40}

На эсминцах типа «Деятельного» были короткие, толстые бушприты, обделанные на конце кранцем. Назначение их состояло в защите при швартовках форштевня, выдававшегося под водой тараном.

{41}

Однотипный с «Москвитянином». Построен в Гельсингфорсе, вступил в 1905 году, 650 тонн, две машины - 6500 HP, ход на

испытаниях 25,3 узла, два орудия 100-мм, три торпедных аппарата.

{42}
Открыто, не кодировано.

{43}
Старая сигнальная книга, оставшаяся от старого флота. Интересно то, что ею пользовались одновременно и мы и белые. Переиздание такой книги - дело очень сложное и длительное.

{44}
Б.А. Денисов. Использование мин в гражданскую войну 1918-1920 гг. М., Военмориздат, НКВМФ СССР, 1939.

{45}
Подчеркнуто мною.

{46}
Подчеркнуто мною.

{47}
В подобных случаях огромное значение имеет тот факт, что планируют одни (и, отдав приказ, удирают), а исполнять приходится другим, которым удрать хочется не меньше.

{48}
Вынос взвешенных частиц из устья Терека и Сулака при прибрежном течении, направленном на зюйд.

{49}
Комфлот, соблюдая конспирацию, не огласил нам содержание перехваченной радиограммы белого командования в адрес Толстова, несмотря на то что она была дана открытым текстом. Содержание ее мы узнали после ухода «Либкнехта» от штабных конспираторов: Толстову предлагалось «распустить»

казаков и, подготовив золото и ценности для эвакуации, ждать прихода кораблей.

{50}

Очевидно, пока миноносец был на плаву, его перебросило через гряду камней на прибрежные рифы, из-за чего к нему не мог подойти ни один буксир. На шлюпках можно было - только в тихую погоду. В то же время от берега он лежал в расстоянии около кабельтова, но оттуда добраться было невозможно из-за бурунов.

{51}

С т. Атарбековым пришлось познакомиться только в Тифлисе, в 1922 году, когда он был наркомом почт и телеграфа Закфедерации, а мне приходилось приезжать к нему из Батуми, где я был старшим морским начальником (от Черноморского флота). Несмотря на внешнюю суровость, Г.А. Атарбеков произвел на меня очень хорошее впечатление, особенно своей прямотой и деловитостью.

{52}

На линкоре «Петропавловск» в Гельсингфорсе при конвоировании были убиты четыре лейтенанта, в то время когда все эксцессы давно прекратились, поэтому этот случай произвел тягостное впечатление на офицеров.

{53}

Позже выяснилось, что из-за плохой видимости и наличия на мостике четырех начальников, имевших артиллерийскую специальность, бой не был особенно блестящим - оба противника ушли.

{54}

Через месяц, в Баку, это недомогание нас оставило, и некоторые товарищи ставили рекорды по пирожкам или пирожным.

Интересно, что в Баку условия в этом смысле почти повторились. Из-за внезапности революционного переворота и

быстроты, с которой ворвались бронепоезда XI армии, многие владельцы ресторанов не успели удрать и, как в Петровске, в первые дни торговали, как прежде.

{55}

Позже оказалось, что это был вооруженный пароход «Австралия», который, узнав по радио о взятии Александровска и убедившись, что Петровск тоже занят, пересек море и сдался в Красноводске.

{56}

На этом можно было бы закончить эпизод с Гофманом. И дел и войны хватало настолько, что я крепко о нем забыл. Но вот 18 мая того же года, после капитуляции англичан, кораблям было разрешено войти в гавань Энзели, расположенную в заливе Пир-Базар.

Персы приветствовали нас радостными криками и аплодисментами. В толпе изредка видны лица и костюмы немногих русских, немцев, армян и др. Занятый швартовкой, не разглядывал, но как только кончил, отошел на крыло мостика и стал отвечать на приветствия. На душе было легко и радостно, как бывает легко и радостно после победы. Неожиданно прямо против себя увидел знакомую улыбающуюся физиономию, подмигивающую мне одним глазом. Белая рубашка, закатанные рукава, без шапки. Но не успел я вспомнить фамилию, как он нарочито громко, через головы других, крикнул: «Не узнаете? Фельдман!… Мы с вами еще с Балтики знакомы!… Поздравляю с победой!»

Вот черт! Гофман, оказывается, нас давно опередил. Ну и жук!

{57}

Речь шла в первом случае о Георгии Бичерахове (старшем), а во втором - о полковнике Лазаре Бичерахове.

{58}

Уже знаем, что казачий полковник русской службы Л. Бичерахов, набивший руку на колонизаторских приемах в Персии, настолько «успешно» проводил карательные экспедиции в Дагестане, что для поощрения зачислен на английскую службу в звании бригадного генерала.

{59}

По традиции старого флота, в котором торпеда называлась «самодвижущейся миной», очень долго торпедисты и минеры числились в одной специальности. Позже, при реорганизации РККФ, была выделена особая специальность «торпедисты», что стало абсолютно необходимым ввиду дифференциации и усложнения оружия флота.

{60}

Так и хочется забежать вперед для самооправдания. Действительно, стволы двух 75-мм пушек разогрелись от стрельбы, но это случилось только в последнем бою - за Энзели.

{61}

Гаврилов 3-й Б.П. - рождения 1889 года, офицер с 1909 года, окончил артиллерийский класс в 1913 году.

{62}

Сигнал прекращения огня.

{63}

Максимальное число оборотов - 375, что соответствовало в начале XX века - 25,7 узла. Старожилы-ветераны, пришедшие с ним с Балтики, помнят 24 узла после капитального ремонта. На Волге больше 12 узлов нельзя было ходить из-за глубин, а теперь, после трех лет без дока и с ущербленными винтами, приходилось довольствоваться 15 милями в час.

{64}

Четырехфутовый «Барр и Струд» на задней части мостика.

{65}

Арский В.А. - рождения 1891 года, офицер с 1911 года, артиллерист. Перетерский Е.И. - рождения 1887 года, офицер с 1909 года, участник спасения итальянцев в Мессине.

{66}
Корабельные инженеры.

{67}
Причем в то время я еще не знал, что она пишет стихи и интересные очерки.

{68}
Кстати, о мыле. В Астрахани оно варилось из остатков гнилой рыбы, и, намыливая руки, вы отчетливо слышали запах кутума или воблы.

{69}
Кукель 1-й С.А. - начальник тыла Волжско-Каспийской флотилии, старший брат начальника штаба. Рождения 1883 года, офицер с 1902 года.

{70}
Так считают «через нуль» после каждой цифры при осечке, с тем, чтобы избежать затяжного выстрела.

{71}
В этой операции РКФ потерял два эсминца - «Спартак» и «Авроил», - и сам он попал в плен к англичанам.

{72}
В 1920 году 99% вышек были деревянными целиком или состояли из железного каркаса, обшитого досками.

{73}
Почему «4-й»? Мне объяснили, что это старое волжское название буксиров одного судовладельца, Макарова, который присваивал своим судам порядковые номера.

{74}

Несмотря на то что отдельные корабли дивизиона могли развивать до 20 с лишним узлов, максимальный эскадренный ход был не более 16 миль в час, равняясь по слабому ходоку (кажется, «Дельному»).

{75}

Верхний огонь - белый и нижний - красный.

{76}

Предосторожность не лишняя, так как ночью определений не имели, а компасы на миноносцах далеко не в блестящем состоянии, так же как и лаги.

{77}

Миноносцы сильны только относительно большим ходом и торпедами. Однако торпеды вообще старые, со времен русско-японской войны, и их никто не проверял (на Волге не было специальных мастерских), и не производилось ни одной практической стрельбы. Трудно верить в это оружие, хотя вслух я этого, конечно, никогда не говорю.

{78}

Для ускорения выхаживания каната вымбовками одному из баковых приходилось подпрыгивать на канате (держать за форштаг), тяжестью тела добиваясь прогиба каната на участке от клюза до шпиля, облегчая тем самым переход каждого звена через кромку клюза.

{79}

Сейчас этого кладбища не существует ввиду роста города.

{80}

Вчера вечером кто-то утверждал, что еще на рассвете видел караван нефтеналивных судов, шедших на восток мимо мыса Султан. Лично я не заметил, так как занят был разглядыванием острова Наргин. Впервые наблюдал группу наливных пароходов и буксируемых «нефтянок», двигавшихся от Черного города в сторону оконечности Апшерона сегодня днем. Неужели

наливались в самый праздник? Это как праздничный подарок.

{81}
Карта ГГУ, № 1638, изд. 1913 года.

{82}
Очевидно, с глубиной 13-15 футов над ней.

{83}
Персидская Астара и Русская Астара.

{84}
Перечитав эти записи много лет спустя, я должен сказать, что семь из восьми этих офицеров служили честно и принесли немало пользы нашему флоту (так же, как и другие, принятые комиссией). Достаточно напомнить фамилию капитана 1-го ранга С.А. Венкстерна, который в качестве флагарта Черноморского флота, а позже профессора Специальных классов офицерского состава подготовил много первоклассных артиллеристов ВМФ и написал несколько научных трудов (по приложению теории вероятности к проблемам артиллерийской стрельбы). Но один из них продал свою честь и совесть и забыл ответственность перед народом, который простил его однажды. Е. Енчевский через полгода перебежал обратно к белым, на Азовском море, куда он был переведен по его просьбе. Узнал я об этом в конце 1920 года, находясь уже в Кронштадте в качестве командира «Якоря».

{85}
Газета «Коммунист» (Баку), № 7, 9 мая 1920 года.

{86}
Сомнения автора должны были позднее отпасть: к концу 1920 года Волжско-Каспийская флотилия, переименованная в Каспийский флот, была организационно объединена с Азербайджанским флотом в «Морские силы Каспийского моря». При последующих реорганизациях это единство неизменно сохранялось вплоть до настоящего времени.

{87}

Лорд Китченер - фельдмаршал, военный министр Великобритании во время первой мировой войны; Хейг Дуглас - главком экспедиционных войск Англии в Европе, позже начальник генерального штаба; генерал Таундсенд - окружен и взят в плен турецкими войсками в Багдаде; британское правительство хотело выкупить Таундсенда, но не сговорилось в цене.

{88}

Кардаш - товарищ (перс.).

{89}

Во времена керенщины офицеры носили фуражки английского образца, без белых кантов, с кокардой, в просторечии именовавшейся «крабом».

{90}

При этом вторая пара должна быть в поддержке, а третья отдыхать и пополняться.

{91}

Своевременная доставка угля в условиях недавнего восстановления советской власти на Северном Кавказе - еще при наличии банд, нападавших на Владикавказскую дорогу, в условиях большой войны с Польшей и Врангелем, - показала нашу силу. Москва контролирует, Москва управляет и, несмотря на тяготы, разруху и голод, держит в руках все рычаги управления государством.

{92}

Причем от нагрева во время работы эти «заменители» выделяли такой смрад, что самые крепкие машинисты не могли выстоять нормальную вахту.

{93}

К форту Александровскому намечен был поход двух

истребителей - смог выйти один «Зоркий»; начали операцию два миноносца, но с полпути «Расторопный» вынужден был возвратиться в Петровск… И много других случаев.

{94}

Дармограй В.Д. - после гражданской войны окончил ВМИУ имени Дзержинского и, отвоевав в качестве инженера всю Великую Отечественную войну, вышел в отставку по болезни в звании инженер-капитана 1-го ранга.

{95}

Данные Твербуз-Твердого подтвердились: «Терек» оказалась баржа (с двумя пушками), в трюмах которой находились 200 мин мелкого образца (типа«Р») и 47 штук типа 1908 г. Смотри разведсводку Каспийской Флотилии № 325 от 7 апреля 1920 г. по составу белогвардейских сил в Петровске на 22 марта 1920 г. (ЦГА ВМФ, ф. р. 562, оп. 2, дело 33).

{96}

Таким образом, предполагалось израсходовать по 50 выстрелов на ствол, что при запасе по 160 снарядов на одну 75-мм пушку составляло около 30 процентов.

{97}

Немитц Александр Васильевич (1879 г. рожд.) - вице-адмирал. В 1920 году был командующим морскими силами республики.

{98}

Обстрел «Гебена» был произведен с целью политической диверсии до объявления войны Турцией, почему заграждения (из «крепостных» мин) оказались не включенными.

{99}

В Рижском заливе летом 1915 года.

{100}

Нам предстоял марш-маневр в 160 миль, до точки тактического развертывания, который миноносцы могли бы сделать в десять часов, но из-за остальных кораблей (кроме истребителей) приходилось рассчитывать на эскадренный ход не более восьми-девяти узлов, предстоял переход продолжительностью в семнадцать - двадцать часов. Таким образом, начав согласованное движение в 8 часов утра, эскадра имела еще от трех до пяти часов в запасе.

{101}
До вооружения судно служило водолеем.

{102}
Своеобразный двойник кавказского Эльбруса (5633 м).

{103}
Замечен в момент, когда «Деятельный» находился в восьмидесяти милях от Энзели.

{104}
На «Орле» старпому удалось добыть только несколько морских карт. Одна из них пригодилась во время похода в Кизыл-Агачский залив, часть мы передали Самойлову для «Карса». Что касается карт Энзелийского района или плана этого порта, то на «Деятельном» таких не имелось и плавали мы по навигационной карте «Южная часть Каспийского моря» (изд. ГГУ, 1913 г.).

{105}
Очевидно, наш штаб не верил в успех демонстрации, особенно после того, как группа уменьшилась на треть из-за отсутствия «Дельного».

{106}
Боевым приказом № 05 от 14 мая 1920 года назначен начальником группы крейсеров.

{107}

Большое письмо Б.П. Гаврилова, на тринадцати страницах, от 26 февраля 1959 года в ответ на просьбу поделиться своими воспоминаниями об операции.

{108}

Так идеализировал миссию английских колонизаторов на Востоке поэт империализма Редьярд Киплинг.

{109}

Хотя Энзели должно было входить в третий пояс, но британское командование Ближнего Востока, имея войска в Месопотамии, Малой Азии и Константинополе, считало более удобным иметь единое время в пределах одного командования, почему отнесло Энзели к одному поясу с Турцией, Аравией, Египтом и Суданом.

{110}

Еще весной я узнал, что на Астрахань с острова Чечень летало много курсантов, присланных из школ метрополии, из числа не успевших закончить курса или сдать экзамены в связи с окончанием «большой войны». Факт, с которым столкнулись балтийцы в 1919 году при налетах на Кронштадт авиации «не воюющей» с нами Англии, когда самолеты пилотировались кандидатами на офицерский чин.

{111}

Штабные и прикомандированные часто обижаются, когда их называют «пассажиры», несмотря на то что этот термин закреплен морским уставом с давних времен.

{112}

Продолговатые силуэты голов сидевших в киржимах подсказывали, что у бойцов вместо фуражек тюрбаны.

{113}

В воспоминаниях Н.Ю. Озаровского, опубликованных в «Морском сборнике» № 2 за 1941 год, упоминается третий истребитель, однако этот факт не подтверждается.

{114}

8 Battery RFA, памятная бакинцам по периоду английской интервенции.

{115}

По одному из источников, в расстоянии шести-восьми кабельтовых.

{116}

Из отчетной телеграммы, посланной комфлотом Ленину 20 мая 1920 года.

{117}

Ориентировочно не менее тридцати минут применительно к данному случаю, если не учитывать последствий, вызванных побудкой.

{118}

В нашей литературе мемуарного характера и даже во всех официальных документах эта фамилия пишется в русской транскрипции «Шапань» или «Шампень», что является ошибкой, H.P.Bateman-Chmpain правильнее писать как Г.Ф. Батмэн-Чемпэйн.

{119}

И позднейшего ознакомления с различными источниками.

{120}

Корабли с нефтяным отоплением при опытных кочегарах и отсутствии необходимости форсирования котлов не всегда дают возможность на расстоянии определить их работу - при полном сгорании нефти дыма может не быть.

{121}

Очевидно, экипаж катера ушел с другими - через Пир-Базар.

{122}

К.И. Самойлов. На канонерской лодке «Ленин», Л. Редиздат Морведа, 1924, стр. 11.

{123}

Краткая рукопись воспоминаний Б.П. Гаврилова.

{124}

Три письма В.А. Снежинского в адрес автора (из числа пятнадцати других, с воспоминаниями о Волге, Астрахани и Каспии) за 1950, 1958 и 1959 годы.

{125}

Небритый и измятый, так как спал на мостике урывками, на сигнальных флагах.

{126}

Должности своей Крачлей не раскрывал. В одной из статей В.А. Кукеля он называется начальником разведки. Это, бесспорно, так, причем я полагаю, что он являлся начразведотом высшего штаба и попал в Энзели вместе с бригадиром из Решта.

{127}

Он же «командующий британскими силами в Северо-Западной Персии», со штабом в Казвине или Тегеране.

{128}

В период первой мировой войны плавучие базы специального назначения как в документах, так и в литературе назывались «авиаматки», «матки подлодок» и т.д. Позже научная классификация привела к дифференциации на «плавбазы», «авиатранспорта» и т.д.

{129}

Вспоминая былые походы». Сборник. Горьковское книжное

издательство, 1959, стр.216.

{130}

Остается упомянуть о самолете. Когда линии связи были перерезаны, решено было послать в Решт связной самолет, но готовили его слишком поспешно, на взлете отказал мотор, и самолет с трудом уцелел, сев на рисовое поле. Это тоже явилось одним из реальных следствий «энзелийской побудки».

{131}

Вообще о судьбе большинства рыбниц ничего не известно, хотя товарищи с «Деятельного» знают, что на одной из них погибли два коммуниста - комиссар миноносца Костин и электрик, захваченные и казненные белыми в Петровске. Из-за неизбежной конспирации о деятельности торпедных рыбниц сохранилось очень мало документов. Однако кое-что имеется. Вот исключительно благодарная тема для морского историка - исследовать их деятельность и подвиги и рассказать нашему народу.

{132}

Впоследствии адмирал Владимир Филиппович Трибуц.

{133}

По местной терминологии, самоходные стальные наливные суда водоизмещением до полутора-двух тысяч тонн в документах назывались «шхунами», очевидно, для снижения налоговых ставок и портовых сборов, а возможно, из-за хитростей страхового дела.

{134}

В этом отношении больше других сделал своими исследованиями кандидат наук С.Ф. Эдлинский, работник Морфлота СССР.

{135}

Этому соображению частично отвечает и предполагаемый район катастрофы: к северу от острова Чечень до широты острова

Тюлений, куда должны были сноситься или перемещаться с льдинами мины, поставленные на фланге армии и на подходах к 12-футовому рейду.

{136}

У автора в записках показан транспорт «Эльбрус», но В.Ф. Гридин утверждает, что это ошибка, - он был комендантом «Эдисона», о чем у него сохранился документ.

{137}

Очевидно, для хранения в каюте древко было немного укорочено.

{138}

Интересно отметить, что в том же № 110 «Правды» в оперативной сводке под рубрикой «Кавказский фронт» впервые было объявлено о занятии 18 мая города Энзели десантом наших моряков и показаны трофеи. Таким образом, передовая статья как бы комментировала последние сообщения с фронта и в то же время учитывала оценку Энзелийской операции, сделанную накануне Советом Труда и Обороны.

{139}

Приказ РВСР № 1016 от 7 июня 1920 года. Москва. Подписан заместителем председателя РВСР Э. Склянским и главнокомандующим всеми Вооруженными Силами Республики С. Каменевым.

{140}

Лариса Рейснер. Собрание сочинений, т. I. М.-Л., ГИЗ, 1928, стр. 119-120.

{141}

Взято из краткой статьи, опубликованной в № 4 журнала «Морской сборник» за 1928 год, подписанной псевдонимом Израфель. Последний дает повод предполагать, что статья принадлежит перу Израиля Разгона, который перешел во флот после службы в конном корпусе т. Жлобы в качестве комиссара

корпуса.

This file was created

with BookDesigner program

bookdesigner@the-ebook.org

28.03.2015